П. П. ЗАВАРЗИНЪ

бывшій Начальникъ Кишиневскаго, Донского, Варшавскаго и Московскаго Охранныхъ Отдѣленій

Жандармы и Революціонеры

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗДАНІЕ АВТОРА

ПАРИЖЪ 1930

148

П. П. ЗАВАРЗИНЪ

бывшій Начальникъ Кишиневскаго, Донского, Варшавскаго
и Московскаго Охраннаго Отдѣленія

ЖАНДАРМЫ

И

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗДАНІЕ АВТОРА

ПАРИЖЪ 1930

Droits de traduction et reproduction réservés pour tous pays

Настоящій трудъ посвящается моей женѣ Екатеринѣ Прокофьевнѣ Заварзиной.

Парижъ
20 Декабря 1929 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Россіи, до революціи 1917-го года, замѣтную роль въ исторіи русской государственности играла борьба правительственной власти съ различными революціонными партіями и группами. Сущность этой борьбы мало извѣстна безпартійной публикѣ, а враждебное къ ней отношеніе революціонеровъ освѣщало ее тенденціозно и неправильно въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

Вопросъ о необходимости такой борьбы разрѣшается, казалось бы, тѣмъ фактомъ, что невѣроятное крушеніе огромной страны, со всѣми ея духовными и матеріальными цѣнностями, совершено именно тѣми людьми, противъ которыхъ въ свое время были направлены усилія охранительныхъ учрежденій Россіи. Быть можетъ многіе законы въ Россіи и были несовершенны, но обязанность розыскныхъ отдѣленій сводилась къ охраненію существующаго государственнаго строя, а измѣненіе законовъ лежало на обязанности иныхъ учрежденій,

Борьба съ различными революціонными партіями и группами велась на основаніи законовъ, а потому говорить о произволѣ, какъ основѣ дѣятельности исполнительныхъ органовъ, не приходится. Но не въ защитѣ или критикѣ моя задача. Я хотѣлъ бы, по опыту и воспоминаніямъ, изложить сущность того, что еще такъ недавно вызывало пристрастную критику революціонныхъ и лѣвыхъ общественныхъ круговъ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея.

Весь революціонный міръ, которому приходилось скрывать большую часть своей дѣятельности въ подпольѣ отъ преслѣдованія власти, зная технику политическаго розыска, былъ организованъ для борьбы съ ней и для работы къ достиженію своихъ цѣлей. Широкіе же круги общества были совершенно въ сторонѣ отъ политической жизни, ею не интересовались или легко поддавались впечатлѣнію, что революціонеры не столько опасны для существующаго государственнаго строя, сколько являются жертвами произвола и отсталости. Мало кто вдумывался въ то, что розыскной государственный аппаратъ боролся съ очень сильнымъ, организованнымъ и опытнымъ противникомъ, который притомъ имѣлъ то преимущество, что, не стѣсняясь никакими законоположеніями, поставилъ своего врага внѣ закона, тогда какъ охранительный аппаратъ власти долженъ былъ дѣйствовать въ строгихъ рамкахъ, предусмотрѣнныхъ законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидѣть всѣхъ особенностей такой борьбы.

SAVINE

При Временномъ Правительствѣ, въ 1917 году, двери секретныхъ учрежденій были для всѣхъ настежъ открыты, но и тогда, имѣвшіяся въ нихъ данныя были использованы преимущественно революціонерами и, въ особенности, коммунистами. Послѣдніе поэтому въ совершенствѣ ознакомлены со всѣми розыскными пріемами и «секреты», изложенные въ моихъ очеркахъ, явятся таковыми, главнымъ образомъ, для безпартійной массы читателей. Межъ тѣмъ, при современномъ ростѣ коммунизма, каждому некоммунисту полезно нѣкоторое знакомство съ розыскной работой, ибо часть интеллигенціи и буржуазіи всего міра уже вошла въ сферу наблюденія коммунистовъ, раскинувшихъ сѣти розыска и освѣдомленія отъ центра въ Москвѣ до коммунистическихъ ячеекъ по всѣмъ странамъ земного шара.

Ко дню революціи я имѣлъ уже почти двадцать лѣтъ службы въ Отдѣльномъ Корпусѣ Жандармовъ и въ должностяхъ начальника розыскныхъ отдѣленій: въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Варшавѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ, что даетъ мнѣ возможность ознакомить читателя, съ теоріей и техникой розыска.

Относиться къ розыску можно различно, но отрицать его необходимость приходится нынѣ менѣе, чѣмъ когда либо, почему онъ и существуетъ во всѣхъ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта, безъ исключенія. Смѣшеніе понятія о розыскныхъ

органахъ, бывшихъ въ Россіи до революціи, съ большевистской ЧЕКА и нелѣпость выводовъ о тождественности принциповъ, вложенныхъ въ основаніе этихъ учрежденій, заставляетъ меня остановиться и на этомъ вопросѣ.

Подъ понятіемъ «политическій розыскъ» подразумѣваются дѣйствія, направленныя лишь къ выясненію существованія революціонныхъ и оппозиціонныхъ правительству партій и группъ, а также готовящихся различныхъ выступленій, какъ то: убійствъ, грабежей, называемыхъ революціонерами «экспропріаціями», пропаганды, шпіонажа въ пользу иностранныхъ государствъ и организаціи всевозможныхъ выступленій, нарушающихъ порядокъ и экономическую жизнь страны. Розыскъ по политическимъ преступленіямъ одно, а возмездіе по нимъ совершенно другое, почему никакихъ карательныхъ функцій у политическаго розыска не было, а осуществлялись онѣ судебными или административными инстанціями. Чека-же является универсальнымъ учрежденіемъ розыска, дознанія, вынесенія приговоровъ и приведенія ихъ въ исполненіе. Фактически Чека даже не учрежденіе, для осуществленія означенныхъ функцій, а просто органъ, при посредствѣ котораго выполняется партійное постановленіе, имѣющее цѣлью терроръ, какъ средство уничтоженія буржуазіи, кадроваго офицерства и въ частности офицеровъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, изъ коихъ въ живыхъ осталось менѣе десяти процентовъ. Что же касается

смертныхъ приговоровъ до революціи, то они выносились судомъ, всегда за преступленія, связанныя съ убійствами, причемъ приведеніе ихъ въ исполненіе производилось тоже безъ участія и даже вѣдома розыскныхъ органовъ.

Вообще, роль чиновъ Корпуса Жандармовъ была значительно менѣе той, которую имъ приписывали и дѣятельность розыскныхъ органовъ заканчивалась гораздо ранѣе самаго рѣшенія дѣла.

Во всякомъ случаѣ, злой воли и злоупотребленій со стороны руководителей розыскныхъ учрежденій не констатировано даже слѣдственной комиссіей Временнаго Правительства. Продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ изученіе этой комиссіей агентурнаго и другого матеріала, находившагося въ департаментѣ полиціи и въ подчиненныхъ ему органахъ, не дало никакихъ уликъ, которыя могли бы послужить основаніемъ для привлеченія къ судебной или иной отвѣтственности, хотя бы одного жандармскаго офицера. Это обстоятельство настолько вѣско, что обвиненіе розыскныхъ органовъ въ злостной провокаціи и прочихъ преступленіяхъ лишается даже тѣни обоснованности.

Въ заключеніе можно провести полную аналогію между безпомощностью русской государственной власти, въ борьбѣ съ революціонерами и слабостью власти культурныхъ государствъ почти всего міра въ борьбѣ съ коммунистами. Коммунисты бьютъ по головамъ, выворачивая все препятствую-

щее имъ, какъ ураганъ вырываетъ деревья съ корнями, тогда, какъ правительства — нанося удары перефиріямъ, оставляютъ и даже охраняютъ очагъ коммунизма, въ лицѣ коммунистическаго правительства С. С. С. Р., являющагося исполнительнымъ органомъ III Интернаціонала. *)

П. Заварзинъ.

Парижъ.
1929 г.

---

*) Нѣкоторыя крупныя событія не вошедшія въ настоящее изданіе изложены въ моей книгѣ „Работа Тайной Полиціи“ 1924 годъ, Парижъ.

ГЛАВА 1.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Какъ и всѣ офицеры Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, я началъ свою службу въ строевой части, гдѣ скоро обстоятельства столкнули меня съ тѣмъ особымъ міромъ, въ которомъ мнѣ было суждено провести впослѣдствіи почти 20 лѣтъ, сдѣлавшимъ меня близкимъ свидѣтелемъ событій крупнаго значенія.

Государева рота 16-го Стрѣлковаго Его Величества полка, въ августѣ 1894 года, получила приказъ отправиться въ Ливадію, Крымскую резиденцію Государя. Полкъ этотъ входилъ въ составъ четвертой стрѣлковой бригады, покрывшей себя славой въ Русско-Турецкую войну, заслуживъ названіе Желѣзной Бригады. Квартировала бригада въ Одессѣ, а во время пребыванія Царской Семьи въ Ливадіи, наша рота, которой Государь состоялъ шефомъ и числился въ ея спискахъ, несла внѣшнюю охранную службу дворца. Ротой въ то время командовалъ капитанъ Сперанскій, а пишущій эти строки былъ въ ней командиромъ полуроты.

Намъ было извѣстно, что у Императора Александра III болѣзнь почекъ и что, по предписанію

врачей, онъ долженъ провести нѣкоторое время на югѣ.

Пошли приготовленія къ предстоящей отвѣтственной службѣ: усилились строевыя занятія, производилась провѣрка знаній солдатъ и умѣнія ихъ давать правильные отвѣты на предлагаемые по воинскимъ уставамъ вопросы; осматривалось оружіе, прилаживалось снаряженіе, парадные мундиры и проч.

Наконецъ насталъ день выступленія. Послѣ молебна на полковомъ дворѣ, предшествуемая знаменемъ, рота, съ хоромъ полковой музыки, двинулась къ гавани, для посадки на пароходъ.. Молодцоватаго проходили стройные ряды стрѣлковъ; ихъ молодыя цвѣтущія лица невольно приблекали вниманіе прохожихъ, вызывая похвальные отзывы. Рядомъ, зная свое мѣсто, бодро бѣжала ротная собачка Жучка, неизмѣнный спутникъ роты и любимица солдатъ. Наконецъ, посадка на пароходъ, послѣдніе привѣты толпы провожающихъ и, подъ звуки народнаго гимна, пароходъ ушелъ въ спокойное море, отражавшее молочнымъ цвѣтомъ ранее прохладное утро.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы пристали къ молу Ялтинской бухты. Какъ красивъ видъ на Ялту, пріютившуюся на берегу дугообразнаго залива, съ ея бѣлыми зданіями и полутропическими садами, надъ которыми стройно высились пирамидальные темные кипарисы! Сквозь зелень садовъ видны дворцы Ливадіи. Несмотря на ранній часъ, на набережной было много народа, пришедшаго насъ

встрѣтить. Своеобразна ялтинская толпа. Смѣсь типовъ и одеждъ, отъ петербургскихъ и московскихъ модницъ въ парижскихъ туалетахъ, до смуглыхъ татаръ въ ихъ пестрыхъ нарядахъ и круглыхъ каракулевыхъ или шелковыхъ шапочкахъ, а также татарокъ, прикрытыхъ чадрой, изъ за которой блестятъ плутовато любопытные черные глазки.

Подъ звуки полкового марша мы бодро двинулись по дорогѣ къ Ливадіи; настроеніе наше было приподнятое. Увы, мы не предполагали, что въ это ясное радостное утро мы вступимъ въ дворцовыя казармы, чтобы быть свидѣтелями тяжелой драмы, значеніе которой было такъ велико не только для Россіи, но и для всей Европы.

Государя еще не было, но все было полно его ожиданія. Въ Ливадію уже прибыли нѣкоторыя лица, на которыхъ лежала забота о безопасности и покоѣ Царя. Мнѣ, какъ строевому офицеру, была извѣстна въ точности лишь схема войскового охраненія; однако, будучи назначенъ для связи съ администраціей, я могъ составить себѣ впервые представленіе и о другомъ родѣ спеціальной охраны, осуществляемой жандармами и полиціей. Войсковая охрана была распредѣлена такъ: дежурная полурота окружала цѣпью всю усадьбу и паркъ ливадійскаго дворца. Роты нашего полка было недостаточно для несенія этой службы, а потому мы были усилены ротой, несшей постоянный караулъ въ Ливадіи и эскадрономъ Крымскаго Коннаго Дивизіона, разсылавшаго разъѣзды въ болѣе отдаленные раіоны и на шоссе. Непосредственно вокругъ

дворца, стояли чины сводно-гвардейскаго полка, а въ покояхъ — Собственный Его Величества Конвой, комплектуемый изъ Терскихъ и Кубанскихъ казаковъ. Кромѣ того, дворцовая полиція охраняла наружный порядокъ на территоріи резиденціи и была въ связи съ мѣстной уѣздной полиціей.

Кромѣ охраны непосредственно самаго дворца, обезпечивалась и безопасность вдоль пути слѣдованія Императора. Въ городѣ осматривались всѣ постройки, подвалы и другія сооруженія. Эта мѣра была вызвана памятью о подкопѣ революціонеровъ Кобозева и другихъ, съ цѣлью покушенія на жизнь Императора Александра II въ Петербургѣ. Кромѣ того, особенное вниманіе естественно было обращено на пріѣзжихъ, жителей Ялты и ея окрестностей. Всѣ вновь прибывшіе были обязаны тотчасъ по пріѣздѣ заявлять о томъ въ полицію; паспорта ихъ провѣрялись и о личности ихъ наводились справки въ департаментѣ полиціи, располагавшимъ свѣдѣніями о всѣхъ заподозрѣнныхъ въ политическомъ отношеніи во всей Имперіи. По выясненіи политически неблагонадежныхъ элементовъ, ихъ высылали или же учреждали за ними наблюденіе, въ зависимости отъ серьезности, имѣющихся о нихъ, свѣдѣній.

Насталъ ожидаемый день пріѣзда Императора; онъ пришелся въ прохладную, сырую погоду. Стрѣлки въ парадныхъ мундирахъ, щеголяя своимъ любимымъ малиновымъ приборомъ, построились у новаго дворца въ ожиданіи Государя. Какъ теперь вижу передъ собою образцовый порядокъ строя,

бодрыя лица, горящія отъ волненія, что было свойственно военному тѣхъ временъ, при лицезрѣніи своего Царственнаго Вождя.

Вдали, со стороны города, послышался приближающійся, какъ перекаты грома, гулъ многотысячной толпы. Населеніе привѣтствовало Государя несмолкаемымъ ура. Еще нѣсколько минутъ, и ко дворцу, ровной рысью, подъѣхала открытая парная коляска съ Императоромъ и Императрицей. — «Смирно! Слушай на караулъ!» — раздалась команда командира роты. Быстрой тѣнью промелькнулъ пріемъ ружей, взятыхъ на караулъ, и сосредоточенныя лица обратились къ правому флангу, у котораго остановился царскій экипажъ. Государь былъ въ генеральскомъ пальто. Первый взглядъ на это открытое, съ ярко выраженной твердой волей лицо, обнаруживалъ, тѣмъ не менѣе, что внутренній недугъ подрываетъ могучій организмъ. Необычайна для Государя была его блѣдность и синева губъ.

При видѣ войскъ, первымъ движеніемъ Царя было снять пальто, какъ этого требовалъ уставъ, если парадъ представляется въ мундирахъ безъ шинелей. Мы видѣли, какъ, въ тревогѣ за состояніе здоровья своего супруга, Императрица хотѣла его остановить, но послышался твердый отвѣтъ: «Неловко!» — и Государь, въ одномъ сюртукѣ, подошелъ къ ротѣ. На лѣвомъ флангѣ представился поручикъ Биберъ, назначенный ординарцемъ къ Императору. Тотъ самый Биберъ, который впослѣдствіи командовалъ своимъ роднымъ полкомъ и палъ

смертью храбрыхъ въ бою съ Австрійцами въ Великую войну.

— Здорово стрѣлки! — прозвучалъ громкій, низкій голосъ, за которымъ послѣдовалъ дружный отвѣтъ солдатъ. Медленнымъ шагомъ Государь обошелъ фронтъ, оглядывая его тѣмъ взглядомъ, подъ которымъ каждому казалось, что Царь только на него и смотритъ. Когда рота прошла подъ звуки музыки церемоніальнымъ маршемъ, мы услышали похвалу: «Спасибо стрѣлки! Славно!»... Ни у кого изъ насъ, конечно, не зарождалось мысли, что это былъ послѣдній привѣтъ Царя строевой части...

Началось самое несеніе охранной службы. Офицерамъ приходилось руководить разстановкой постовъ, давать указанія и совершать непрерывную провѣрку постовъ ночью и особенно передъ разсвѣтомъ, когда легкій вѣтерокъ, предвѣстникъ близкаго утра, такъ неудержимо влечетъ ко сну. Но бывали и свободные часы, когда офицеры ходили въ городъ или навѣщали другъ друга и своихъ знакомыхъ.

Всей охраной вѣдалъ генералъ-адъютантъ Черевинъ, но т. к. онъ питалъ полное довѣріе къ начальнику дворцовой полиціи жандармскому полковнику Ширинкину, то послѣдній являлся фактическимъ руководителемъ этой службы. Онъ былъ первымъ жандармскимъ офицеромъ, съ которымъ мнѣ пришлось въ моей жизни познакомиться. Ему было лѣтъ 50. Общительный, энергичный и проницательный, онъ былъ преданъ своему дѣлу и служилъ идейно, т. к. располагалъ независимыми ма-

теріальными средствами и получаемымъ содержаніемъ не интересовался. Министръ Двора, графъ Воронцовъ-Дашковъ, настолько цѣнилъ Ширинкина, что впослѣдствіи пригласилъ его къ себѣ помощникомъ на Кавказъ, въ бытность свою тамъ Намѣстникомъ. Къ намъ, офицерамъ, Ширинкинъ относился съ тою нѣсколько покровительственною любезностью, которая свойственна лицамъ, твердо стоящимъ на высокомъ посту. Онъ часто приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ или поиграть въ карты и былъ хлѣбосольнымъ и радушнымъ хозяиномъ. Міръ, собиравшійся у Ширинкина, былъ для меня совершенно новымъ и поражалъ особенностью взаимоотношеній, необычныхъ для строевого офицера. Здѣсь бывали помощникъ Ширинкина князь Тумановъ и нѣкіе Романовъ и Александровъ, въ отношеніи Ширинкина державшіе себя, какъ младшіе, но называли его по имени и отчеству, конечно, на вы. Ширинкинъ же говорилъ имъ ты, обращаясь фамиліарно. За столомъ они сидѣли наравнѣ со всѣми, но были молчаливы. Странность отношеній и другія наблюденія въ теченіи нѣсколькихъ моихъ посѣщеній Ширинкина, раскрыли причастность Романова и Александрова къ секретной агентской службѣ. Это были преданные долгу и способные люди, вышедшіе изъ среды нижнихъ чиновъ гвардіи, что, впрочемъ, не было исключеніемъ въ Россіи. Они служили въ дворцовой полиціи, какъ старшіе по наблюденію. Изъ нихъ болѣе выдѣлялся Александровъ, котораго можно было часто видѣть, изящно одѣтымъ, на прогулкѣ верхомъ, или безпеч-

но сидящимъ въ лучшихъ ресторанахъ за газетой, съ сигарой въ зубахъ; обращеніе его съ нами-офицерами было чрезвычайно предупредительно и онъ всегда первый привѣтствовалъ насъ. Однако, вскорѣ мы, усмотрѣли въ немъ «наблюдателя», съ которымъ надо быть на чеку. Притомъ и многіе обыватели стали догадываться, что Александровъ собиралъ секретно различныя свѣдѣнія.

У меня особенно запечатлѣлось въ памяти мое послѣднее посѣщеніе Ширинкина. Однажды, когда мы послѣ обѣда у него, цѣлой группой переходили въ гостинную, я, неожиданно, оказался вдвоемъ съ хозяиномъ, который, послѣ нѣсколькихъ фразъ, сталъ вдругъ разспрашивать меня о нашемъ новомъ командирѣ полка полковникѣ Фокѣ; его выраженія ясно указывали на то, что ему нужны о немъ свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что смѣнившій прежняго командира полковника Саблина, полковникъ Фокъ, впослѣдствіи защитникъ Портъ-Артура, прошелъ сложную карьеру. Онъ былъ жандармскимъ офицеромъ, но въ Турецкую войну возвратился въ полкъ, получилъ Георгіевскій крестъ и уже болѣе не покидалъ строя. Его горячее увлеченіе нарождающимся тогда взглядомъ на необходимость развитія инипіативы и самостоятельности солдата, создало ему репутацію «вольнодумнаго чудака». Я насторожился и оффиціально отвѣтилъ Ширинкину, что полковникъ Фокъ, прославленный Шипкинскій герой, Георгіевскій кавалеръ, успѣлъ уже пріобрѣсти полное уваженіе подчиненныхъ. Разстались мы въ этотъ разъ съ полковникомъ сухо, а при ближай-

шей встрѣчѣ съ Фокомъ я доложилъ ему о своемъ разговорѣ съ Ширинкинымъ; Фокъ разсмѣялся и сказалъ: «Неумѣло Ширинкинъ хотѣлъ использовать васъ, юнаго офицера, какъ освѣдомителя обо мнѣ».

Очевидно, однако, что всѣ эти незначительныя впечатлѣнія поглащались главнымъ образомъ фактомъ близости Государя и наростающей тревогой о состояніи его здоровья. Вначалѣ своего пребыванія больной чувствовалъ себя бодрѣе и, отъ поры до времени, съ Государыней выѣзжалъ въ экипажѣ въ ливадійскій паркъ. Проѣзжая мимо дома управляющаго Ливадіей, генерала Евреинова, они останавливались побесѣдовать съ нимъ и его семьей. Государь любилъ домашнюю кухню и иногда Евреиновы готовили его любимыя русскія кушанья. Однажды, во время такой прогулки, Царь выпилъ квасу; встрѣтившій его при возвращеніи домой, профессоръ Захарьинъ, въ обычной ему рѣзкой формѣ, спросилъ: «Кто вамъ разрѣшилъ пить квасъ?». — Александръ III, несмотря на свою обычную простоту въ обращеніи, не выносилъ, когда бесѣдовавшіе съ нимъ забывали, что говорятъ съ Императоромъ. Такъ и въ этомъ случаѣ, его покоробило и онъ сухо отвѣтилъ: «Не волнуйтесь, профессоръ, квасъ выпитъ съ Высочайшаго разрѣшенія».

Отличительной чертой Александра III была прямота и ясная опредѣленность въ выраженіяхъ, за которыми чувствовалась твердая воля. Кромѣ умѣнія избирать себѣ сотрудниковъ, онъ умѣлъ и дорожить ими, почему они и работали съ нимъ многіе

годы. Александръ III не легко давалъ, но и не легко отымалъ свое довѣріе. Изъ его ближайшихъ сотрудниковъ мнѣ пришлось видѣть министровъ: Побѣдоносцева, Витте, Ванновскаго, Делянова и другихъ, а по дворцовому вѣдомству, генералъ-адъютантовъ: графа Воронцова-Дашкова, Рихтера и Черевина. Всѣ пріѣхавшія или находившіяся въ Ливадіи лица носили видимую печать озабоченности, замѣтную даже для насъ, зрителей со стороны.

Надо отмѣтить, что въ характерѣ и обращеніи Государя было такъ много обаятельнаго, что пережившіе его сотрудники постоянно хранили о немъ благоговѣйную память. Достаточно ознакомиться съ записками нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, съ воспоминаніями гр. Витте, въ той части, гдѣ онъ говоритъ о своей службѣ при Александрѣ III, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Александръ III, какъ извѣстно, былъ отличный семьянинъ, однако нѣсколько деспотичный. Дома образъ жизни его былъ болѣе чѣмъ скромный; онъ любилъ музыку, литературу, и театръ. До своей болѣзни онъ также любилъ физическій трудъ и считалъ для себя полезнымъ заниматься, напримѣръ, рубкой и распилкой дровъ. Государь былъ расчетливъ и всѣмъ старался подавать примѣръ бережливости и экономіи, которыхъ требовалъ и въ государственной жизни.

Александръ III самъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи, командуя корпусомъ особаго назначенія и въ сознаніи его неизгладимо запечатлѣлись всѣ ужасы и бѣдствія войны для воюющихъ сторонъ. Со

свойственной ему твердостью, вслѣдствіе этого, вся его внѣшняя политика свелась къ обезпеченію мира, какъ для своего, такъ и для чужихъ народовъ. Убѣдить его въ необходимости войны было невозможно. Извѣстенъ его отвѣтъ Бисмарку, старавшемуся склонить его къ вмѣшательству въ Балканскія осложненія: «Даже за всѣ Балканы, я не дамъ ни одного солдата». Историки уже отмѣтили, что Россія при Александрѣ III достигла исключительнаго значенія въ Европейской политикѣ и что какъ-то сказанная Императоромъ, въ шутливой формѣ, фраза: «Когда русскій Императоръ удитъ рыбу, Европа можетъ и подождать», была опредѣленіемъ дѣйствительнаго положенія Россіи. На самомъ дѣлѣ, при Александрѣ III дѣла никогда не задерживались; рѣдко можно было встрѣтить человѣка болѣе трудолюбиваго и вникающаго лично во все, что касалось управленія огромной Имперіей, чѣмъ онъ. Многіе считаютъ Александра III ретроградомъ, вѣрнѣе было бы сказать, что этотъ чисто русской души человѣкъ, свидѣтель трагической смерти своего отца, считалъ, что Россіи нужна прежде всего твердая рука и еще многіе годы постепеннаго развитія, прежде чѣмъ либеральныя учрежденія могли бы быть введены въ нее безъ опасности крупныхъ осложненій.

Въ описываемый мною періодъ, въ Ливадію пріѣзжали не одни сановники, вызывались и міровыя медицинскія знаменитости, какъ Захарьинъ и Лейденъ. Вокругъ дворца начинало чувствоваться что-то угнетающее и зловѣщее, т. к. состояніе здоровья

Государя ухудшалось. Мы больше не видѣли Царя на прогулкахъ; недугъ окончательно приковалъ его къ постели. Только разъ, передъ самою смертію, Александръ III показался на балконѣ. Это было во время пребыванія въ Ливадіи о. Іоанна Кронштадтскаго. Глубокое сочувствіе вызывала къ себѣ Императрица Марія Феодоровна, отдавшая себя всецѣло уходу за Государемъ, ни сестрамъ милосердія, никому другому она не довѣряла больного и при немъ постоянно была только она и камердинеръ. Тогда же сталъ живо интересовать всѣхъ пріѣздъ принцессы Гессенской, невѣсты Наслѣдника Цесаревича и будущей Императрицы Александры Феодоровны. Мы знали, что пріѣздъ этотъ былъ особенно желателенъ Государю, понимавшему безнадежность своего состоянія. Когда наша рота, готовясь къ встрѣчѣ гостьи, шла во дворецъ за знаменемъ, было отдано распоряженіе музыкѣ не играть «подъ знамя», чтобы не нарушать покоя больного. Узнавши объ этомъ, Государь, отмѣнилъ приказаніе и повелѣлъ музыкѣ играть.

Изъ этого, какъ и изъ вышеописаннаго случая съ пальто, видно насколько строго Государь относился къ исполненію воинскихъ уставовъ. Почти до послѣдняго дня онъ принималъ доклады министровъ и, пересиливая себя, вникалъ въ докладываемыя ему дѣла.

Наслѣдникъ-Цесаревичъ Николай Александровичъ выѣхалъ навстрѣчу принцессы Гессенской, въ Симферополь и вернулся вмѣстѣ съ нею въ экипажѣ подъ эскортомъ Крымскаго коннаго дивизіона.

Наслѣдника намъ, офицерамъ, приходилось видѣть часто — всегда грустнаго, но внимательнаго и привѣтливаго. Мы знали, что онъ образованъ, знатокъ русской исторіи и старины, любитъ военное искусство, обладаетъ исключительною памятью и знаетъ въ совершенствѣ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Въ каждомъ изъ насъ запечатлѣлся его образъ преисполненный доброты и ясности души, которыя сказывались въ его взглядѣ. Только одинъ разъ, мы видѣли въ немъ радостное оживленіе; это былъ тотъ день, когда онъ подъѣзжалъ съ невѣстой къ Ливадійскому дворцу. Молодая принцесса произвела на всѣхъ насъ большое впечатлѣніе: высокая застѣнчивая красавица, свѣтлая шатенка съ большими голубыми глазами и прелестной улыбкой, которая удивительно преображала ея строгія черты лица. Но невольно тутъ же мысли и переносились къ скорбному облику Императрицы Маріи Феодоровны, умѣвшей своимъ обычнымъ короткимъ кивкомъ головы выразить необычайную привѣтливость и съ которой мы, издали и вблизи, въ тю время, какъ бы переживали столь тяжелые для нея дни. Да, не въ радостный день входила молодая невѣста во дворецъ и ей пришлось предстать передъ русскимъ народомъ, какъ бы окутанной траурнымъ флеромъ.

Грустенъ былъ съѣздъ всѣхъ членовъ Императорскаго Дома, среди которыхъ обращалъ на себя особое вниманіе Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, герой и Намѣстникъ Кавказа.

Хорошо памятенъ для меня и пріѣздъ Греческой Королевы, русской Великой Княгини Ольги

Константиновны, съ матерью Великой Княгиней Александрой Іосифовной, этой нѣкогда столь замѣчательной красавицы даже въ средѣ русскаго Императорскаго Дома Николаевскихъ временъ, славившейся красотой своихъ членовъ. Остатки этой красоты были еще замѣтны и въ Великой Княгинѣ, но высокомѣрное, холодное выраженіе ея лица составляло контрастъ съ выраженіемъ привѣтливой доброты Греческой Королевы.

На одномъ пароходѣ съ ними пріѣхалъ и протоіерей Кронштадтскаго собора о. Іоаннъ Сергіевъ, въ чудодѣйственную силу молитвы котораго вѣрили многіе, почему и Царская Семья пожелала его выписать къ одру больного Монарха, учтя, что Александръ III, какъ глубоко вѣрующій человѣкъ, найдетъ утѣшеніе въ молитвахъ этого исключительной жизни пастыря. Въ описываемый мною моментъ, на личности пріѣзжающаго въ Ливадію о. Іоанна и было сосредоточено вниманіе многочисленной публики, вышедшей на встрѣчу парохода. Здѣсь были: представители всего высшаго общества, въ изящныхъ нарядахъ, болѣе скромные обыватели Ялты, и простолюдины. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны, встрѣчавшіе высокихъ гостей, отбыли съ ними въ открытыхъ экипажахъ въ Ливадію; черезъ нѣкоторое время послѣ ихъ отъѣзда, по пароходному трапу, сошелъ на пристань священникъ въ обычной скромной рясѣ, средняго роста, съ изможженнымъ лицомъ, окаймленнымъ рѣдкой, съ просѣдью бородой. По внѣшнему виду онъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго сельскаго

священника, но поражалъ въ немъ покойный, необыкновенно проникновенный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ. «Вотъ онъ! Это о. Іоаннъ Кронштадтскій!» — послышалось со всѣхъ сторонъ. Мгновенно вся толпа устремилась къ остановившемуся передъ людской толпой священнику. Творилась настоящая свалка; всѣ хотѣли получить благословеніе и создался тотъ обычный психозъ толпы, которому одинаково поддаются люди, независимо отъ ихъ среды и воспитанія. Полицейскій нарядъ былъ смятъ въ одинъ мигъ и самаго священника безъ малаго не свалили съ ногъ. Стараясь неторопливо осѣнить каждаго крестнымъ знаменіемъ, о. Іоаннъ, съ величайшимъ трудомъ, дошелъ до экипажа, доставившаго его въ церковный домъ протоіерея ливадійской церкви. Мнѣ не разъ пришлось потомъ видѣть отца Іоанна, какъ въ обыденной обстановкѣ, такъ и во время совершенія имъ богослуженія. Его особый взглядъ, нѣсколько рѣзкій, твердый голосъ, спокойная увѣренность въ сужденіяхъ и въ тоже время рѣдкая доброжелательность въ обращеніи не только располагали къ нему, но какъ то покоряли и чувствовалось, что передъ вами человѣкъ проникнутый непоколебимой вѣрой. Сила его духовнаго воздѣйствія была настолько велика, что, когда отцу Іоанну приходилось молиться у изголовья больныхъ, обычно наблюдалось улучшеніе. Въ Ливадіи мнѣ впервые пришлось быть на его службѣ. На ней же присутствовало большинство членовъ Императорской семьи, во главѣ съ Наслѣдникомъ. Онъ внимательно слѣдилъ за службой

о. Іоанна, производившей на него, повидимому, сильное впечатлѣніе. О. Іоаннъ дѣйствительно служилъ своеобразно: онъ произносилъ ясно каждое слово, то понижая, то повышая голосъ, доходя иногда до выкрика отдѣльныхъ словъ, оттѣняя смыслъ произносимаго, такъ что присутствующіе невольно проникались его молитвеннымъ порывомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что о. Іоаннъ въ Кронштадтѣ ввелъ общую исповѣдь и настроеніе, которое онъ создавалъ у молящихся было таково, что присутствующіе начинали громко каяться и, рыдая, выкрикивали свои преступленія, забывая объ окружающихъ; но такой исповѣди въ Ливадіи не было.

Тотчасъ по его пріѣздѣ, командиръ полка полковникъ Фокъ предложилъ мнѣ пойти съ нимъ къ о. Іоанну, просить его отслужить и въ нашей ротѣ молебенъ о здравіи Государя. Войдя въ гостиную настоятеля ливадійской церкви, мы застали въ ней отца Іоанна въ мирной бесѣдѣ съ хозяиномъ. Онъ выслушалъ просьбу Фока и охотно согласился помолиться со стрѣлками о Царѣ, но началъ расчитывать время, т. к. былъ уже приглашенъ многими раньше. Нашъ разговоръ былъ прерванъ, вошедшимъ, безъ доклада, господиномъ. Ему было лѣтъ за 60. Высокаго роста, худой, съ вытянутой впередъ шеей, бритый, въ большихъ круглыхъ очкахъ; по непринужденно увѣренной манерѣ держать себя, въ посѣтителѣ нетрудно было узнать оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, всесильнаго тогда, Побѣдоносцева. Пожавъ руку священнику и затѣмъ расцѣловавшись съ о. Іоанномъ, онъ, смѣривъ Фока и

меня пристальнымъ взглядомъ, сѣлъ въ кресло, пригласивъ сѣсть и священниковъ. Послѣ небольшой паузы, съ разстановкой, онъ сказалъ, обращаясь къ о. Іоанну: «Великая Княгиня Александра Іосифовна пригласила васъ пріѣхать, чтобы помолиться у одра больного Государя. Скажите, батюшка, выздоровѣетъ ли Государь?». На что о. Іоаннъ, просто и спокойно, отвѣтилъ: «Неисповѣдимы пути Господни и не мнѣ, скромному іерею, знать Его святую волю».

Послѣ еще нѣсколькихъ короткихъ фразъ, оберъ-прокуроръ ушелъ. Ушли и мы, дѣлясь между собою недоумѣніемъ, вызваннымъ въ насъ обоихъ вопросомъ Побѣдоносцева.

Левъ Толстой, какъ извѣстно, изобразилъ Побѣдоносцева въ образѣ Каренина, но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Толстой, не раздѣляя взглядовъ Побѣдоносцева, врядъ ли могъ быть къ нему вполнѣ безпристрастнымъ; тѣмъ не менѣе, и онъ, въ Каренинѣ, признаетъ искреннюю, хотя и узкую вѣру...

На слѣдующій день послѣ описанной встрѣчи, о. Іоаннъ служилъ молебенъ у постели больного Императора. Около полудня, мы, офицеры, собравшіеся вмѣстѣ, были крайне удивлены, когда прибывшій изъ дворца ординарецъ передалъ приказаніе, чтобы хоръ трубачей вышелъ играть на площадку ко дворцу. Кстати сказать, капельмейстеръ нашего оркестра былъ некрещеный еврей, получившій за это пребываніе въ Ливадіи Высочайшій подарокъ. Былъ довольно теплый, солнечный день,

Выйдя ко дворцу, мы увидѣли Государя въ тужуркѣ, безъ фуражки, на балконѣ. Оказалось, что послѣ молебна больной сразу почувствовалъ себя настолько бодро, что всталъ и вышелъ къ столу позавтракать и еще въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ему было легче. Прослушавъ музыку, Государь вошелъ обратно въ домъ и это былъ послѣдній разъ, что мы его видѣли. Онъ снова слегъ и, 20-го октября 1894 года, Императора Александра III не стало. Я былъ въ этотъ день въ Ялтѣ и оттуда видѣлъ, какъ, водруженный на ливадійскомъ дворцѣ, Императорскій штандартъ медленно сталъ опускаться, и одновременно раздался траурный салютъ пушекъ, стоявшаго на рейдѣ крейсера.

Какъ ни казались всѣ подготовленными къ этой печальной развязкѣ, она произвела на всѣхъ болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать. Не только въ предѣлахъ дворца, но и въ городѣ чувствовалась подавленность. Можетъ быть богатырскій видъ Александра III былъ отчасти причиной, что никому не вѣрилось, чтобы его организмъ не справился съ постигшимъ его недугомъ.

«Почилъ Императоръ — да здравствуетъ Императоръ!».

Такія два, исключительной важности событія, какъ смерть одного Императора и восшествіе на престолъ другого обычно останавливаетъ вниманіе на второмъ, отодвигая на второй планъ скорбное впечатлѣніе, вызванное уходомъ почившаго. Но въ данномъ случаѣ, траурное настроеніе и приготовленія къ похоронамъ продолжали доминировать, тѣмъ

болѣе, что долгая траурная процессія, прослѣдовавшая по всей Россіи, какъ бы продлила сознаніе утраты Царя и затуманила фактъ восшествія на престолъ новаго Императора и его бракосочетаніе.

На слѣдующій день, послѣ кончины Александра III, наша рота, съ траурнымъ крепомъ на знамени и блестящихъ частяхъ обмундированія, была выстроена передъ дворцомъ, шла панихида, а за нею молебенъ о здравіи и многолѣтіи, вступившаго на престолъ, Императора Николая Александровича. Вышелъ новый Царь, раздались звуки гимна и Его Величество, поздоровавшись, услышалъ первый привѣтъ, какъ Императоръ, отъ тѣхъ же стрѣлковъ, на долю которыхъ выпало быть послѣдней воинской частью, представившейся почившему Императору.

Во дворецъ прибыли врачи-специалисты для бальзамированія тѣла, но до нашего свѣдѣнія дошло, что не удалось произвести этой операціи съ должнымъ успѣхомъ, т. к. необходимые препараты опоздали и вены были уже тронуты, разложеніемъ.

Изъ воспоминаній этихъ дней передо мною ясно возстаетъ картина перенесенія праха изъ дворца въ церковь. Въ темный осенній вечеръ два ряда факеловъ обозначали траурный путь, придавая всему окружающему жуткій колоритъ. Медленно двигался гробъ на дубовыхъ носилкахъ, а за нимъ, въ полномъ траурѣ, шла удрученная горемъ семья. Особенное сочувствіе вызывала Императрица Марія Феодоровна. Даже при свѣтѣ мерцающихъ факеловъ, можно было замѣтить страшную усталость

ея и какъ бы застывшее въ горѣ лицо. Изъ свиты особенно удрученнымъ казался Черевинъ.

Я былъ назначенъ въ первую очередь изъ числа четырехъ офицеровъ, которые должны были, согласно церемоніалу, непрерывно стоять у гроба и я видѣлъ, какъ въ теченіи этого времени народъ приходилъ поклоняться праху Императора. Здѣсь также, какъ и во всѣ послѣдующіе дни можно было видѣть представителей всѣхъ слоевъ населенія и я не могъ не замѣтить, что въ большинствѣ это была не праздная толпа, а искренно огорченные люди. Многіе плакали, у многихъ было сосредоточенно потрясенное выраженіе.

Здѣсь же мнѣ пришлось наблюдать и другое. Естественно, задача охраненія новаго Императора осложнилась, вслѣдствіе необходимости допускать во дворецъ всѣхъ обывателей и по возможности меньше ихъ стѣснять провѣркой и наблюденіемъ. Ширинкинъ мастерски наладилъ наблюденіе, которое начиналось отъ ближайшихъ къ городу воротъ и далѣе шло до самаго гроба. Словомъ, всюду существовало бдительное око «штатскихъ».

Нашъ полкъ прибылъ въ полномъ составѣ изъ Одессы. Ливадія и Ялта наполнились пріѣзжими русскими и представителями иностранныхъ державъ. Прибылъ и будущій король Англійскій Эдуардъ VII.

Въ сырой и сумрачный день, подъ звуки траурныхъ маршей, погребальное шествіе, черезъ всю Ялту прослѣдовало къ пристани, гдѣ гробъ съ останками Царя былъ установленъ на крейсеръ и

осиротѣлая Ливадія опустѣла. Стрѣлки, въ свою очередь, отправились въ Одессу, по домамъ.

Въ офицерской средѣ того времени не принято было въ собраніи говорить о политикѣ, но, на этотъ разъ, подъ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній, офицеры начали говорить о молодомъ Императорѣ, которому мы только что присягали и о его ближайшихъ шагахъ. Помнится, въ одну изъ такихъ бесѣдъ, молодой офицеръ, поручикъ Сомовъ, сказалъ: «Такъ или иначе, но сила власти начнетъ слабѣть и мы дойдемъ до конституціи, а что она дастъ Россіи, то вѣдаетъ Богъ. Одни ея жаждутъ, другіе боятся».

Сомовъ оказался болѣе проницательнымъ, чѣмъ, вѣроятно, и самъ это предполагалъ: сила власти стала слабѣть, а желавшіе конституціи, не справившись съ властью, были стерты, а Россія, залитая кровью оказалась на многіе годы обреченной: на страданіе, позоръ и полное разореніе...

И не прошло 25 лѣтъ, со дня кончины Императора Александра Третьяго, когда узнали о разстрѣлѣ большевиками въ Екатеринбургѣ Императора Николая II, съ его супругой и пятью дѣтьми, въ томъ числѣ и малолѣтнимъ Наслѣдникомъ. Такъ закончился періодъ царствованія дома Романовыхъ. Историкъ дастъ безпристрастный анализъ того,чѣмъ была Россія раньше и чѣмъ стала въ рукахъ преступныхъ негодяевъ и агентовъ III Интернаціонала.

ГЛАВА 2.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

14-го марта 1898 года, возвращаясь со строевыхъ занятій, я засталъ у себя телеграмму изъ Петербурга, съ вызовомъ на жандармскіе курсы. Я удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, предъявлявшимся къ строевымъ офицерамъ, для перехода въ корпусъ жандармовъ, а именно: по происхожденію потомственный дворянинъ, окончилъ училище по первому разряду, получилъ отличную аттестацію изъ полка и выдержалъ предварительное испытаніе при штабѣ корпуса жандармовъ, т. е. написалъ сочиненіе на историческую тему и сдалъ словесный экзаменъ, который долженъ былъ убѣдить высшее начальство, что офицеръ обладаетъ необходимымъ развитіемъ для службы въ жандармеріи.

Несмотря на то, что я самъ хлопоталъ о переводѣ, полученная телеграмма, ставившая ребромъ вопросъ о перемѣнѣ полковой службы на службу неизвѣстную, полную таинственности и отвѣтственности, смутила меня, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе, въ части своей, до дворцовъ включительно, оцѣнивало службу жандармовъ не только весьма своеобразно, но даже относилось къ ней отрицательно. Съ нею связывались многія нелѣпыя легендарныя представленія, какъ напримѣръ, что офицеръ, поступившій въ корпусъ жандармовъ, даетъ особую присягу, обязывающую его предавать всѣхъ,

вплоть до своихъ родителей включительно. Конечно, никакой присяги, съ переходомъ въ корпусъ, не давалось, обязательство же бороться съ врагами внутренними, также какъ и внѣшними, заключалось въ присягѣ каждаго офицера, при производствѣ его въ первый офицерскій чинъ. Тѣмъ не менѣе, я, безповоротно, рѣшилъ перейти въ корпусъ жандармовъ, учитывая, что и тамъ я остаюсь въ военномъ министерствѣ, хотя и буду нести службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Такъ какъ я одновременно состоялъ въ стрѣлковомъ полку и былъ офицеромъ въ юнкерскомъ училищѣ, то чествовали меня порознь товарищи, какъ по полку, такъ и по училищу. Проводы были торжественны и тронули меня искренностью и теплыми товарищескими рѣчами. Полковые марши, игранные нашими трубачами, пѣсенники, дружеская обстановка, все это ярко подчеркивало грань съ тѣмъ міромъ, куда я уходилъ, оставляя рыцарскую среду строевой части, съ которой я сроднился за 13 лѣтъ своей службы въ ней. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ не ощущать происшедшаго во мнѣ отрыва отъ офицеровъ лѣваго направленія, отрыва запечатлѣвшагося и на послѣдующіе годы.

Сырой, холодный Петербургъ, послѣ южнаго солнца Одессы, произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе, но суета столичной жизни, явка по начальству, пріобрѣтеніе учебниковъ и т. д. не оставляли времени для хандры. Былъ назначенъ день начала курсовъ и мы собрались, въ числѣ 54 человѣкъ, въ помѣщеніи штаба корпуса жандармовъ у

Цѣпного моста. Слушателями оказались офицеры различныхъ лѣтъ, чиновъ, войсковыхъ частей и образованія. Были молодые люди и заслуженные сорокалѣтніе офицеры, были окончившіе только военное училище, а такъ-же и получившіе, кромѣ того, образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; были офицеры гвардіи и армейскіе. Всѣ занимались одинаково добросовѣстно, просиживая надъ книгами до поздней ночи. Судебные уставы, уголовное право, положеніе о различныхъ службахъ по корпусу жандармовъ, отнимали все время и усвоеніе ихъ требовало не мало труда въ теченіи шести мѣсяцевъ. Наконецъ, назначены экзамены. Усиливается зубрежка и волненіе среди курсантовъ; экзаменъ имѣлъ большое значеніе, т. к. только выдержавшіе это испытаніе переводились въ корпусъ жандармовъ и, кромѣ того, отъ старшинства балловъ зависѣла очередь для полученія лучшихъ вакансій. Я былъ приглашенъ выбирать вакансію первымъ, что означало право на большіе политическіе центры, но, по личнымъ соображеніямъ, я отказался отъ назначенія въ Московское охранное отдѣленіе и предпочелъ отправиться въ Кишиневъ, т. е. въ захолустье политической жизни Имперіи.

Новому офицеру, только что переведенному въ корпусъ жандармовъ, давали обыкновенно мѣсто адъютанта управленія, гдѣ онъ работалъ подъ руководствомъ начальника своего управленія въ теченіи двухъ лѣтъ. Оказалось же, что мой начальникъ. прослужившій двадцать лѣтъ на желѣзной дорогѣ, политической работы не зналъ и интересо-

вался только хозяйственной частью, такъ что я былъ предоставленъ самому себѣ и мнѣ приходилось съ самаго начала службы самостоятельно разрѣшать всѣ вопросы. Для начала, я рѣшилъ привести въ порядокъ архивъ управленія, чтобы ознакомиться съ революціонными теченіями на югѣ Россіи. Только съ 1898 года Кишиневъ имѣлъ постоянную связь съ соціалистическими организаціями Одессы и были тамъ заложены ячейки классовой борьбы, чѣмъ занимался Басовскій, видный впослѣдствіи соціалъ-демократъ, но рабочіе тогда еще слабо реагировали на пропаганду и дѣятельность ихъ ни въ чемъ ярко не проявлялась.

Служба моя въ Кишиневѣ не была продолжительной, т. к. я былъ вскорѣ назначенъ, сначала въ Симферополь, а затѣмъ, на пограничный пунктъ Волочискъ, для провѣрки паспортовъ пассажировъ, проѣзжающихъ заграницу и обратно.

Жизнь на пограничной станціи своеобразна: всѣ интересы и служба приспособлены къ приходу поѣздовъ. Вотъ подходитъ поѣздъ изъ заграницы, мелькаютъ австрійскіе вагоны и чиновники, а публика, передавая паспорта русскимъ жандармамъ, попадаетъ въ огромный ревизіонный залъ, гдѣ тотчасъ сосредоточивается багажъ и все подвергается таможенному досмотру. Любопытна была эта толпа самыхъ разнообразныхъ типовъ, сословій и одежды. На лицахъ пассажировъ можно было замѣтить плохо скрываемое волненіе за исходъ осмотра ихъ багажа. Какъ извѣстно, по обывательски, обманъ таможни не входитъ въ разрядъ аморальныхъ дѣй-

ствій, а потому даже люди съ хорошими средствами и большимъ положеніемъ не стѣснялись, иногда, прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы провезти безъ пошлины какіе нибудь пустяки. Особенно отличались дамы и часто можно было съ увѣренностью сказать, что тѣ наряды, въ которыхъ онѣ появлялись въ таможенный залъ, не могли быть ихъ дорожнымъ туалетомъ, а были надѣты спеціально за станцію или за двѣ до пограничнаго пункта, чтобы придать новинкамъ видъ ношеннаго платья. Вспоминаю случаѣ, когда горничная вліятельнаго лица, желая провезти безпошлинно будильникъ, спрятала его подъ платье въ модный тогда турнюръ, и каково же было ея положеніе, когда этотъ будильникъ сталъ неистово звонить на весь ревизіонный залъ.

Однако жандармамъ не приходилось осматривать публику и входить въ ея счастливыя и неудачныя таможенныя похожденія. Пока контролировался багажъ пассажировъ, мы провѣряли паспорта. Послѣдніе заносились въ реестры; фамиліи ихъ владѣльцевъ провѣрялись по алфавитной регистраціи, куда были занесены всѣ лица, разыскиваемыя и отмѣченныя въ циркулярахъ департамента полиціи. Когда таковыя оказывались, они брались тотчасъ же въ незамѣтное наблюденіе филеровъ, бывшихъ на пунктѣ. О нихъ давались телеграммы въ департаментъ полиціи и по мѣсту слѣдованія. Нѣкоторые же арестовывались и препровождались подъ конвоемъ въ указанные департаментомъ города. Наконецъ, у иныхъ обнаруживались фальшивые

паспорта и такіе «нелегальные» направлялись въ полицію, для выясненія ихъ личности. Работа была сосредоточенная и срочная, т. к. въ теченіе сорока минутъ нужно было все закончить и дать разрѣшеніе для отправки поѣзда. Вся паспортная и таможенная процедуры на русской границѣ производила непріятное впечатлѣніе на иностранцевъ, но, за годы войны, они и сами перешли къ этой системѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ паспортномъ дѣлѣ у насъ былъ большой пробѣлъ, а именно — на паспортѣ не требовалась фотографія его владѣльца, что, конечно, весьма облегчало пользованіе чужими документами.

Содѣйствіе военной развѣдкѣ, дипломатическимъ курьерамъ, депутаціямъ и т. д., вводила жандармскаго офицера въ общеніе съ людьми, занимающими большое служебное или общественное положеніе. Этимъ я былъ обязанъ знакомству со многими интересными лицами. Такъ я познакомился съ извѣстнымъ впослѣдствіи генераломъ Рузскимъ, бывшимъ тогда генералъ-квартирмейстеромъ Кіевскаго военнаго округа, вѣдающимъ военной развѣдкой въ Австріи. Въ этомъ дѣлѣ я оказывалъ ему содѣйствіе, пріобрѣтая секретныхъ агентовъ, при посредствѣ которыхъ удавалось получать данныя, касающіяся работъ на орудійныхъ заводахъ Шкода, военныхъ узкоколеекъ, мостовъ и т. п. По этимъ дѣламъ мнѣ приходилось ѣздить въ Кіевъ и тамъ являться начальнику штаба генералу Сухомлинову, впослѣдствіи командовавшему округомъ и бывшему затѣмъ военнымъ министромъ. Онъ былъ исключи-

тельно привлекательнымъ и доброжелательнымъ начальникомъ и весьма интересовался дѣломъ развѣдки. Впослѣдствіи я бывалъ у него на дому, гдѣ собиралось по воскресеньямъ большое общество. Эти собранія у Сухомлинова носили непринужденный характеръ и посѣщались самыми разнообразными элементами, безъ различія чиновъ, званій и вѣроисповѣданій. Было просто и уютно и всѣ были очарованы гостепріимствомъ генерала и первой его жены, Елизаветы Николаевны. Угощеніе было болѣе чѣмъ скромное и заключалось въ сандвичахъ и чаѣ. Бывалъ тамъ и Рузскій, которому Сухомлиновъ не особенно симпатизировалъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка угрюмаго и молчаливаго. Сослуживцы считали его человѣкомъ честолюбивымъ и себѣ на умѣ. Вскорѣ онъ получилъ повышеніе и былъ переведенъ въ Виленскій округъ.

Странно и печально закончилась карьера и жизнь этихъ людей. Сухомлиновъ по должности военнаго министра былъ привлеченъ къ слѣдствію и заключенъ подъ стражу. Полное безславіе было удѣломъ его послѣднихъ лѣтъ, послѣ столь блестящей карьеры. Рузскій же, впослѣдствіи главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, прославился удачными операціями въ началѣ Великой войны и получилъ генералъ-адъютантскіе аксельбанты, а въ концѣ концовъ, былъ принужденъ бѣжать на Кавказъ, гдѣ былъ схваченъ большевиками и зарубленъ въ числѣ многихъ заложниковъ.

Изъ болѣе яркихъ проѣздовъ черезъ Волочискъ, припоминается прослѣдованіе, въ отдѣльномъ по-

ѣздѣ, Персидскаго шаха. Его встрѣчали, по Высочайшему повелѣнію свитскіе генералы и гвардейскіе офицеры, во главѣ съ генералъ-адъютантомъ Арсеньевымъ. Данъ былъ парадный обѣдъ, но шахъ не выходилъ изъ поѣзда, простоявшаго всю ночь на запасномъ пути на станціи, такъ какъ шахъ не могъ спать во время движенія. Насъ поразилъ тогда окружавшій шаха восточный этикетъ, по которому его министры чуть ли не ползкомъ приближались къ своему повелителю и тѣмъ же способомъ удалялись отъ него. Этого властелина постигла также незавидная участь: немного времени прошло и онъ появился въ Одессѣ, послѣ отреченія отъ престола, частнымъ человѣкомъ.

Внѣ времени прохода поѣздовъ Волочискъ замиралъ и всѣ жандармскіе и таможенные чины занимались въ канцеляріяхъ или отдыхали въ ожиданіи слѣдующихъ пассажировъ.

Пробывъ въ Волочискѣ одинъ годъ, я былъ переведенъ въ Кіевское желѣзнодорожное полицейское управленіе, на строившуюся желѣзную дорогу. Работы тамъ было мало, почему меня прикомандировали къ политическому Кіевскому губернскому жандармскому управленію. Тамъ мнѣ пришлось служить подъ начальствомъ генерала Новицкаго, бывшаго въ свое время выдающейся личностью, но тогда толстымъ, громоздкимъ и старымъ, говорившимъ лишь о прошломъ и со злобою о настоящемъ.

Въ Кіевѣ, впервые, пришлось мнѣ участвовать въ обыскѣ у политическихъ. Эта обязанность являлась самой непріятной стороной жандармской служ-

бы, оставляя тяжелый осадокъ у руководителя обыска и озлобленіе или горе позади его въ окружающей обыскиваемыхъ средѣ; горе подчасъ незаслуженное, вслѣдствіе отсутствія въ этой средѣ сочувствія къ дѣятельности какого-нибудь своего родственника или жильца, даже и не подозрѣваемаго ими въ революціонной дѣятельности, но подводящаго ее на такую крупную непріятность. Бывали случаи, когда обыскъ открывалъ глаза родителямъ и близкимъ на причастность сына или родственника къ революціоннымъ организаціямъ, приводя ихъ въ искреннее отчаяніе. Мой первый обыскъ не принадлежалъ къ числу таковыхъ; косвенно пострадавшимъ лицомъ была лишь чужая обыскиваемому женщина, содержательница меблированныхъ комнатъ. Тѣмъ не менѣе, припоминаю ясно всѣ свои переживанія этого моего перваго обыска.

Какъ то осенью, пріѣхалъ въ Кіевъ чиновникъ департамента Леонидъ Ивановичъ Менщиковъ и, не знакомясь съ офицерами, имѣлъ продолжительную секретную бесѣду съ генераломъ Новицкимъ, продолжая затѣмъ, отъ поры до времени, навѣщать его въ конспиративной обстановкѣ. Оказалось, что этотъ чиновникъ, присланный Зубатовымъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи двѣнадцать филеровъ, тоже пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Москвы, составъ которыхъ былъ еще усиленъ восемью филерами мѣстнаго управленія. Въ Кіевѣ охраннаго отдѣленія тогда еще не было. Такіе «летучіе отряды», составленные изъ опытныхъ, испытанныхъ филеровъ, подъ руководствомъ спеціалиста по розыску, были

созданы Зубатовымъ, который придавалъ имъ большое значеніе, такъ какъ, благодаря имъ, могъ направлять розыскъ въ разныхъ частяхъ Имперіи и, кстати, выводить изъ инертности подлежащія власти на мѣстахъ. Такъ было и съ генераломъ Новицкимъ. Чиновникъ департамента имѣлъ обширныя свѣдѣнія о работѣ въ Кіевѣ, образовавшагося тамъ, Кіевскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, данныя о чемъ поступили къ Зубатову изъ центра, отъ пріѣхавшаго изъ-за границы секретнаго сотрудника. Дѣло было серьезное, но требовало еще выясненія на мѣстѣ лицъ, входящихъ въ организацію, ихъ связей и адресовъ. Надо принять во вниманіе, что зачастую въ партійной средѣ, работники знаютъ другъ друга подъ псевдонимами, а свѣдѣніями объ адресахъ обмѣниваются рѣдко, причемъ любопытство въ этой области считается не только неделикатнымъ, но даже подозрительнымъ. Вслѣдствіе этого, секретные сотрудники чаще всего даютъ лишь примѣты, такъ сказать, «словесный портретъ», революціоннаго дѣятеля, его партійную кличку и, иногда, мѣсто его службы или частыхъ посѣщеній. Затѣмъ уже, эти агентурныя свѣдѣнія развиваются выясненіями и наблюденіями филеровъ. Летучій отрядъ Зубатова также зналъ, что въ Кіевѣ имѣется тайная типографія, комитетъ партіи, съ развѣтвленіями по губерніи и партійное областное бюро, словомъ обширная организація. Было очевидно, что нашъ генералъ состарился и не справляется съ дѣломъ, такъ какъ мѣстныя свѣдѣнія были весьма поверх-

ностны и не вполнѣ отвѣчали дѣйствительности. Слѣдовательно, для новоприбывшихъ работы было немало.

По окончаніи ими этихъ работъ, намъ было приказано явиться въ помѣщеніе Управленія, въ 11 часовъ вечера; Жандармское Управленіе помѣщалось въ большомъ казенномъ зданіи, въ первомъ этажѣ; грязная каменная лѣстница, грязныя двери и такія же комнаты, высокія, безъ обоевъ, — специфическій видъ провинціальныхъ казенныхъ учрежденій. На лѣстницѣ, на ступенькахъ, сидѣли городовые, въ большинствѣ дремавшіе или тупо смотрѣвшіе передъ собою. Нѣкоторые курили крѣпкій скверный табакъ. Коридоръ оказался также наполненнымъ городовыми, сбившимися по группамъ. Ихъ было болѣе ста человѣкъ. Воздухъ душный, смѣсь человѣческаго пота, табаку и старой пыли. Я прохожу быстро въ канцелярію. Тутъ спѣшная работа писарей, пишущихъ ордера на производство обысковъ «съ безусловнымъ арестомъ» или «по результатамъ». Фразы эти обозначаютъ: первая — что виновность обыскиваемаго достаточно выяснена, какъ активнаго революціонера, почему онъ подлежитъ аресту, даже, если бы обыскъ не далъ результатовъ, вторая — что обыскиваемый подвергается аресту лишь при обнаруженіи компрометирующаго его матеріала. Въ канцеляріи были собраны всѣ жандармскіе унтеръ-офицеры Управленія и тутъ же находилось человѣкъ десять филеровъ, переодѣтыхъ городовыми. Въ кабинетахъ я засталъ жандармскихъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ ожиданіи

дальнѣйшихъ распоряженій. Словомъ, было собрано все Жандармское Управленіе и часть Кіевской полиціи. Освѣщеніе слабое... Разговоръ не клеился, нѣкоторые офицеры уткнулись въ газеты, а два молодыхъ штабъ-ротмистра сосредоточенно штудировали инструкцію производства обыска и перелистывали Уставъ Уголовнаго Судопроизводства.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ сидѣли генералъ и упомянутый Менщиковъ; послѣдній, какъ всегда, одѣтый съ иголочки, въ форменный фракъ, съ золотыми пуговицами, въ дымчатыхъ очкахъ, непринужденный и выхоленный. Былъ онъ когда то секретнымъ сотрудникомъ, а теперь, что называется, «дѣлалъ карьеру», а въ данный моментъ считалъ себя центральной фигурой. Впослѣдствіи, когда его карьера не пошла такъ, какъ онъ на то расчитывалъ, онъ счелъ себя обиженнымъ, выѣхалъ за границу и сталъ писать противъ департамента, преступно опубликовывая тайны, которыя ему ввѣрялись по службѣ и вошелъ въ связь съ революціонерами.

Наконецъ, принесли ордера и начали ихъ раздавать жандармскимъ офицерамъ и полицейскимъ чиновникамъ, съ краткимъ указаніемъ объ особенностяхъ предстоящаго обыска. Затѣмъ генералъ упомянулъ, что требуется тщательный осмотръ не только квартиръ, но и чердаковъ и подваловъ, такъ какъ мѣсто нахожденія тайной типографіи не выяснено. Тутъ на губахъ его мелькнула злорадная улыбка, очевидно по адресу чиновника Менщикова;

причемъ, типографія, тогда, такъ и не была обнаружена.

Затѣмъ генералъ сказалъ, что ликвидація революціонныхъ группъ производится передъ намѣченной революціонерами уличной демонстраціей, грозящей крупными безпорядками, причемъ, въ ней должны участвовать коллективы Россійской Соціалъ-Демократической Партіи, соціалисты-революціонеры, рабочіе и студенты. Отъ поры до времени, Менщиковъ наклонялся къ уху генерала и, видимо, суфлировалъ ему, раздражая этимъ Новицкаго, что выражалось въ нетерпѣливыхъ жестахъ и движеніи губъ генерала. Въ заключеніе было сказано, что весь матеріалъ обыска долженъ быть самимъ офицеромъ перевязанъ, надписанъ ярлыкъ и сданъ Л. И. Менщикову, который и будетъ находиться до утра въ Управленіи и, въ случаѣ надобности, давать по телефону указанія или разрѣшать сомнѣнія.

Мы начали расходиться, принимая каждый въ свое распоряженіе назначенныхъ жандармовъ и городовыхъ. Производилось сто тридцать семь обысковъ, почему наряды были небольшіе — въ 3-4 человѣка каждый. Ко мнѣ подошелъ городовой и сказалъ, что онъ московскій филеръ, назначенный, чтобы указать мнѣ студента, указаннаго въ ордерѣ безъ фамиліи, за которымъ онъ велъ наблюденіе, давъ ему кличку «Хмурый». Фамилію этого студента не удалось выяснить, т. к. онъ занимаетъ комнату въ квартирѣ, гдѣ, кромѣ него, проживало еще четыре студента.

Было два часа ночи. Послѣ душнаго помѣщенія, пріятно было вздохнуть свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, но тотчасъ, вспомнивъ о цѣли этой ночной прогулки, я вернулся къ настроенію человѣка, исполняющаго непріятныя служебныя обязанности. Улицы были пусты, кой-гдѣ стояли дремавшіе извозщики, впрочемъ, пришлось итти недалеко. Звонимъ, звонимъ нѣсколько разъ, прежде чѣмъ раздались шаги дворника. Съ громкимъ ворчаніемъ, онъ пріотворяетъ калитку позднимъ посѣтителямъ, но при видѣ полиціи тотчасъ подтягивается. Онъ оказался расторопнымъ, хорошо знающимъ всѣхъ жильцовъ, человѣкомъ. Я объяснилъ ему зачѣмъ мы пришли, на минуту онъ задумался и сказалъ« Стало быть вамъ Лебедевъ нуженъ, къ нему постоянно всякая шушера ходитъ, блондинъ косоглазый онъ». Филеръ подтвердилъ эти примѣты. Вслѣдъ за дворникомъ, мы поднялись по крутой, темной лѣстницѣ на 4-ый этажъ, гдѣ онъ позвонилъ у одной изъ дверей. На вопросъ женскаго голоса, дворникъ отвѣтилъ: «Отворите, дѣло къ вамъ есть!». Дверь распахнулась и на порогѣ показалась полураздѣтая женщина, лѣтъ 50, со свѣчой въ рукѣ. Увидѣвъ жандарма и полицію, она точно замерла, свѣча задрожала въ ея рукѣ и она со страхомъ впилась въ меня глазами. Моментъ былъ непріятный. Кажется свободнѣе всѣхъ чувствовалъ себя дворникъ, шепнувшій ей имя Лебедева. Она, видимо, нѣсколько пришла въ себя и молча указала на вторую дверь направо, къ которой быстро направились филеръ и жандармъ съ потайнымъ фонаремъ

въ рукѣ. Филеръ быстрымъ движеніемъ приподнялъ тюфякъ у ногъ спящаго на постели человѣка и вынулъ оттуда револьверъ; жандармъ же, также быстро проведя рукой подъ изголовьемъ, посадилъ Лебедева на кровать. Многіе революціонеры, на случай обыска, собираясь оказать сопротивленіе, держатъ заряженный револьверъ подъ матрацомъ у ногъ своихъ, въ томъ расчетѣ, что при внезапномъ пробужденіи, человѣкъ приподымается и ему удобнѣе протянуть руку къ ногамъ, нежели къ изголовью. Лебедевъ быстро освоился съ происходящимъ и началъ одѣваться, не отвѣчая ни на одинъ вопросъ, но разсматривая насъ своими дѣйствительно раскосыми глазами, пренебрежительно улыбался. Около него сѣлъ городовой, которому полагалось слѣдить за всѣми движеніями Лебедева, т. к. бывали случаи, когда арестованные вдругъ вскакивали и стремительно выбрасывались черезъ окно на улицу или внезапно, вооружившись необнаруженнымъ еще револьверомъ, стрѣляли въ полицію или въ самихъ себя. Я слѣдилъ за производимымъ обыскомъ и, оглянувшись, замѣтилъ, что городовой мирно задремалъ, около сидѣвшаго все съ тѣмъ же насмѣшливо-пренебрежительнымъ видомъ Лебедева. Съ утомленными за день службы жандармами и городовыми это случается, почему за ними надо присматривать. Бѣглый осмотръ переписки установилъ, что Лебедевъ принадлежалъ къ партіи соц. рев. и являлся членомъ президіума по организаціи забастовки и выступленія на предполагавшейся де-

монстраціи. Здѣсь былъ и набросокъ трехъ сборныхъ пунктовъ.

Составленъ протоколъ, сданы хозяйкѣ на храненіе вещи Лебедева, а онъ отправленъ въ тюрьму. Дальнѣйшая его судьба принадлежала уже судебной власти. Непрошенные гости покинули въ свою очередь квартиру.

Много лѣтъ спустя, послѣ революціи и слѣдовательно упраздненія корпуса жандармовъ, мнѣ пришлось на Кавказѣ встрѣтиться мелькомъ съ Лебедевымъ въ продовольственной комиссіи. Онъ былъ однимъ изъ комиссаровъ Временнаго Правительства, — важенъ, властенъ и рѣчистъ, я-же — скромный, опальный офицеръ. Я встрѣтился со взглядомъ его раскосыхъ глазъ и прочелъ въ нихъ, что онъ меня узнаетъ, хотя мы оба и не подали вида. Что онъ подумалъ, я не знаю, но мнѣ признаться онъ показался жалокъ, такъ какъ въ простѣйшихъ вопросахъ выказывалъ полное невѣжество и, вмѣсто указаній по существу дѣла, разражался трескучими фразами, вродѣ: «мы дали свободу народу», «мы уничтожили гнилое самодержавіе», «мы будемъ продолжать углублять революцію», «мы доведемъ войну до побѣднаго конца» и т. д. Побѣдный конецъ оказался большевиками, которые быстро сократили всѣ свободы, безпощадно истребляя тѣхъ, кто не соглашался съ ихъ диктаторской властью; особому же ихъ преслѣдованію подверглись соціалисты-революціонеры, только что столь дружелюбно работавшіе съ ними, какъ товарищи по созданію революціи, а затѣмъ и ея углубленію.

Соціалистовъ-революціонеровъ, также какъ «буржуевъ», стали арестовывать, разстрѣливать или отправлять въ ссылку. Послѣдней участи подвергся и, набравшійся было такой важности комиссаръ Лебедевъ, вскорѣ умершій отъ чахотки въ ужасныхъ условіяхъ большевистской ссылки...

Вскорѣ находившійся въ Петербургѣ нечиновный Зубатовъ, прислалъ въ Кіевъ завѣдывать розыскомъ молодого талантливаго офицера — штабъ-ротмистра Спиридовича, впослѣдствіи генерала, начальника охраны Государя Императора, при его выѣздахъ.

Спиридовичъ рекомендовалъ меня Зубатову, который и предложилъ мнѣ принять Кишеневское охранное отдѣленіе. Я согласился и выѣхалъ представляться въ Петербургъ.

ГЛАВА 3.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧЕРНЫХЪ ОЧКАХЪ

Опять зима; убранный снѣгомъ Петербургъ. По улицамъ бѣгутъ одноконныя санки или несутся просторныя сани, запряженныя дородными рысаками, подъ разноцвѣтными сѣтками. Вотъ уже четыре года, какъ я жандармскій офицеръ и пріѣхалъ теперь явиться по начальству передъ принятіемъ Кишеневскаго охраннаго отдѣленія. Моимъ начальникомъ, въ качествѣ руководителя розыскной политической работой, фактически, является не офи-

церъ, а чиновникъ — извѣстный Зубатовъ. Предварительно я все же долженъ явиться къ своему оффиціальному начальству, военному и гражданскому. Въ жандармскомъ штабѣ обычная военная дисциплина, — переполненная пріемная, краткіе вопросы и такіе же отвѣты, пожатіе руки и аудіенція окончена. Служебныхъ вопросовъ, по компетенціи департамента полиціи, не касались. У штабного начальства къ офицерамъ розыска и къ департаменту полиціи было отношеніе принципіально холодное и отчужденное. Особенно замѣчалось это, когда командиръ корпуса жандармовъ не являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и товарищемъ министра, вѣдавшимъ и штабомъ и департаментомъ одновременно.

Послѣ посѣщенія штаба, ѣду въ департаментъ. Здѣсь обстановка бюрократическая, чинопочитаніе выражается въ поклонахъ, у нѣкоторыхъ даже съ какимъ то особымъ изгибомъ спины, выразительности, для профановъ, недосягаемой; улыбка — столь же тонкой градаціи — къ старшимъ, сухое и какъ то подчеркнутое надменное или снисходительное отношеніе — къ младшимъ, особенно къ провинціаламъ. Но, узнавъ, что я пріѣхалъ по вызову, чиновникъ-докладчикъ сталъ любезнѣе и болѣе на равную ногу сослуживца, т. к. «охранники» считались департаментскими. Департаменту былъ подчиненъ весь розыскной аппаратъ Имперіи и онъ являлся отвѣтственъ за правильное руководство, подборъ служащихъ для розыскныхъ учрежденій и за результаты работы.

Въ большой, полутемной пріемной сидѣло нѣ-

сколько человѣкъ въ ожиданіи очереди у директора департамента полиціи. Вспоминается мнѣ совсѣмъ юный губернаторъ, стройный и выхоленный, все время нервно поправлявшій галстухъ: «вѣрно ждетъ разноса», подумалъ я, и, дѣйствительно, министръ Плеве былъ имъ недоволенъ и губернатору предстоялъ переводъ. Другой же, толстякъ, въ сѣдыхъ бакахъ, сидѣлъ какъ мѣшокъ, какъ то несуразно одѣтый въ полицейскій мундиръ; онъ все время дремалъ, временами спохватывался, покрякивалъ и вновь предавался одолѣвавшей его дремотѣ. Въ ожиданіи очереди я вышелъ покурить въ коридоръ, гдѣ находился старикъ курьеръ, носитель департаментскихъ традицій. Такихъ курьеровъ можно было найти во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ Петербурга и они сживались съ ними до того, что становились какъ бы неотъемлемой ихъ принадлежностью и сами считали себя воплощеніемъ ихъ. И, на самомъ дѣлѣ, смѣнялись министры, смѣнялись поколѣнія чиновниковъ, безпрерывной чередой проходили передъ ихъ глазами посѣтители и просители, а они, сѣдые и важные, съ какой то имъ однимъ присущей фамильярностью, были безсмѣнны, все зная и помня. Съ этой самой почтительной фамильярностью и «мой» курьеръ взялъ предложенную ему папиросу, но спряталъ ее въ портсигаръ; затѣмъ освѣдомился откуда я и для чего пріѣхалъ. Я сказалъ, что послѣ разговора съ директоромъ мнѣ нужно пройти къ Зубатову и просилъ объяснить, какъ его найти. На это курьеръ отвѣтилъ: «Подымитесь на третій этажъ, войдите въ комнату, что

направо отъ лѣстницы, и тамъ сидитъ такой невзрачный человѣкъ въ черныхъ очкахъ. Вотъ эти «черные очки» и будутъ самъ Зубатовъ. «Черные очки!», повторилъ онъ и усмѣхнулся. «А на четвертомъ этажѣ тоже «черные очки»: это самъ Гуровичъ, тоже персона!». Было ясно, что Зубатовъ не подходилъ по понятію курьера къ типу «персоны» департамента.

Но вотъ очередь дошла до меня и я былъ принятъ директоромъ Лопухинымъ. Лѣтъ сорока, высокій, въ пенснэ, онъ производилъ впечатлѣніе совершенно молодого человѣка, нѣсколько сухого. Задавъ мнѣ рядъ вопросовъ, онъ сказалъ, что я получу указанія отъ Зубатова и быстро со мною распрощался.

Какъ мнѣ было объяснено курьеромъ, я поднялся на третій этажъ и, постучавшись въ правую дверь, вошелъ въ небольшой кабинетъ, въ которомъ стояло два письменныхъ стола. За однимъ сидѣлъ полный, румяный блондинъ съ бородкой, а за другимъ худой, тщедушный, невзрачнаго вида брюнетъ, лѣтъ 36, въ форменномъ поношенномъ сюртукѣ и въ черныхъ очкахъ. Я подошелъ къ нему и представился. Это и былъ Зубатовъ, а за другимъ столомъ возсѣдалъ Мѣдниковъ, тоже личность не лишенная интереса. Зубатовъ просто и привѣтливо со мною поздоровался, усадилъ и предложилъ курить.

— Итакъ, Павелъ Павловичъ, — сказалъ онъ, — вы ѣдете въ Кишиневъ. Въ добрый часъ. Но сначала вы проведете у насъ нѣсколько дней и мы

будемъ съ вами бесѣдовать. Поговорите и съ Евстратіемъ Павловичемъ Мѣдниковымъ по вопросамъ наружнаго наблюденія.

Послѣ этого мнѣ пришлось встрѣчаться ежедневно съ Зубатовымъ и бесѣдовать съ нимъ по нѣсколько часовъ. Тогда же я говорилъ и съ Мѣдниковымъ, совершенно неинтеллигентнымъ человѣкомъ, мало грамотнымъ, бывшимъ филеромъ изъ унтеръ офицеровъ, употреблявшимъ простонародныя выраженія, вынесенныя изъ родной деревни. Съ первыхъ же словъ и объясненій о техникѣ филерскаго наблюденія, мнѣ стало ясно, что это чрезвычайно тонкій и наблюдательный человѣкъ, мастеръ своего дѣла, воспитавшій цѣлыя поколѣнія филеровъ, отборныхъ и втянутыхъ въ работу. Наружное наблюденіе неразрывно связано со свѣдѣніями, поступающими изъ революціонной среды, почему Зубатовъ, ведя внутреннюю агентуру въ Москвѣ, сошелся съ Мѣдниковымъ и не разстался съ нимъ, получивъ назначеніе въ Петербургъ. Они были на ты и только характеръ розыскной работы могъ такъ сблизить двухъ столь противоположныхъ по культурѣ и складу ума людей.

Положеніе Зубатова и вся его личность заинтересовали меня и я въ первые же дни обратился къ одному изъ чиновниковъ департамента съ вопросомъ, откуда и кто такой Зубатовъ, на что онъ отвѣтилъ, что Зубатовъ, съ гимназической скамьи, поступилъ въ Московское охранное отдѣленіе, сначала въ качествѣ секретнаго сотрудника, а затѣмъ, мелкаго чиновника, но вскорѣ обратилъ на себя

вниманіе своей начитанностью, знаніемъ революціоннаго движенія, умѣніемъ подходить къ людямъ и склонять членовъ революціонныхъ организацій къ сотрудничеству въ охранномъ отдѣленіи. Онъ обладалъ рѣдкой настойчивостью, памятью и трудоспособностью. Высшее начальство департамента, посѣщая Московское охранное отдѣленіе, усмотрѣло въ этомъ маленькомъ чиновникѣ талантливаго, съ инициативой человѣка, который въ своей незамѣтной роли являлся въ дѣйствительности рычагомъ охраннаго отдѣленія, начальникомъ котораго онъ и былъ вскорѣ назначенъ. Черезъ три года, онъ уже сталъ во главѣ всего политическаго розыска въ Россіи для осуществленія своего проекта кореннаго измѣненія всей существовавшей ранѣе системы политическаго розыска. Изъ бесѣдъ съ Зубатовымъ, мнѣ впервые стала понятна психологія розыскной работы и ея государственное значеніе, способы ея осуществленія и цѣли, какъ въ конкретныхъ случаяхъ, такъ и въ общемъ ея смыслѣ. Зубатовъ былъ фанатикомъ своего дѣла и было видно, что онъ многое продумалъ и глубоко изучилъ вопросъ. Мысли свои онъ выражалъ такъ законченно и ясно, что, хотя прошло съ тѣхъ поръ болѣе 25 лѣтъ, но я и теперь могу воспроизвести ихъ, такъ они были красочны, интересны и живы. Касаясь задачъ розыскной работы, онъ ее раздѣлялъ на двѣ части: освѣдомительную и конкретно-розыскную.

— Правительству, — говорилъ онъ, — необходимо имѣть постоянно полное освѣщеніе настроенія населенія и его общественныхъ круговъ, осо-

бенно прогрессивныхъ и оппозиціонныхъ. Оно должно быть освѣдомлено о всѣхъ организаціяхъ и о всѣхъ примыкающихъ къ нимъ лицахъ. Государственная мудрость должна подсказать тогда центральной власти тѣ мѣропріятія, которыя уже назрѣли и которымъ, слѣдовательно, необходимо войти въ жизнь. «Жизнь эволюціонируетъ», говорилъ Сергѣй Васильевичъ, «при Іоаннѣ Грозномъ четвертовали, а при Николаѣ II мы на порогѣ парламентаризма». При этомъ онъ опредѣленно держался того мнѣнія, что самодержавіе олицетворяетъ суверенитетъ національной власти и исторически призвано для благоденствія Россіи и, слѣдовательно, для ея прогресса. Центръ идетъ отъ общаго къ частному, дедуктивно, говорилъ онъ, что же касается технической работы розыска, то она должна идти отъ частнаго къ общему — индуктивно. Поэтому всѣ детали по систематизаціи розыскного матеріала и его разработкѣ должны быть особенно точны, какъ въ начальной фазѣ, такъ и въ послѣдующихъ этапахъ. Оппозиціонное отношеніе къ власти не можетъ быть убито, какъ равно и революціонныя стремленія, но мы должны дѣлать такъ, чтобы русло движенія не было отъ насъ сокрыто. Надо наносить удары по центрамъ, избѣгая массовыхъ арестовъ. Отнять у тайныхъ организацій типографіи, задержать весь ихъ техническій и административный аппаратъ, арестовать мѣстную центральную коллегію — это значитъ разбить и всю периферію... Онъ считалъ, что массовые аресты или аресты по периферіи означаютъ неправильную постановку ро-

зыскного дѣла и указываютъ или на неосвѣдомленность розыскного органа или на нерѣшительность власти, которая, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, не трогаетъ центральныхъ фигуръ. Зубатовъ придавалъ исключительное значеніе развивавшемуся движенію марксизма, доктрины котораго затрагивали самые насущные вопросы рабочаго класса, въ особенности въ Россіи. Къ тому же, это движеніе только въ конечномъ своемъ итогѣ намѣчало захватъ власти насильственнымъ путемъ, этапы же: агитація и пропаганда подчасъ такъ блѣдно выражали признаки преступленія, необходимыя для преслѣдованія по суду, что остались безъ возмездія. Зубатовъ мечталъ бороться съ этимъ движеніемъ раціонально, созданіемъ здоровой русской національной организаціи, которая, другимъ путемъ, подошла бы къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, на которыхъ могла бы имѣть шансы революція. Исходя изъ этого, онъ остановился на мысли легализаціи, въ намѣченной имъ національной рабочей организаціи, извѣстнаго минимума политической и экономической доктрины, проводимой соціалистами въ ихъ программахъ, но при сохраненіи основъ самодержавія, православія и русской національности. Министръ Плеве сначала весьма заинтересовался этой идеей и въ этомъ направленіи были сдѣланы серьезные шаги, съ привлеченіемъ къ работѣ весьма интересныхъ людей. Однако, это начинаніе совершенно провалилось, вызвавъ нареканія и противодѣйствія во всѣхъ лагеряхъ, начиная отъ бюрократіи и промышленниковъ и кончая

очевидно лѣвыми и соціалистами. Первые отрицали жизненность вліянія марксизма на русскую рабочую массу, а вторые, естественно, усматривали въ этомъ укрѣпленіе существующаго строя и считали такое движеніе для себя нежелательнымъ. Кромѣ того, организація легализированныхъ ячеекъ и рабочихъ сходокъ вызывали протесты со стороны фабрикантовъ, особенно иностранцевъ, усматривавшихъ вмѣшательство власти, во взаимоотношенія ихъ съ рабочими на экономической почвѣ. На самомъ дѣлѣ, такая организація не могла не вызвать необходимости улучшенія положенія и оплаты труда рабочихъ. Такимъ образомъ, идеи Зубатова остались непонятыми, что и явилось одной изъ главныхъ причинъ его выхода въ отставку по приказанію того же Плеве.

Въ своихъ указаніяхъ о розыскной работѣ, Зубатовъ особенно подчеркивалъ, что въ общеніи съ арестованными, и причастными къ политической работѣ лицами, тонъ раздраженія и запугиванія совершенно недопустимъ. Люди, которые идутъ въ ссылку и даже на смертную казнь, на угрозу и грубость реагируютъ не страхомъ, а раздраженіемъ. Человѣкъ не долженъ выходить изъ охраннаго отдѣленія съ уязвленнымъ самолюбіемъ. Въ особенности же онъ считалъ, что должны быть продуманы отношенія къ секретнымъ сотрудникамъ; эти люди находятся въ постоянной опасности и недопустима со стороны розыскныхъ органовъ неосторожность, которая могла бы «провалить» ихъ.

Еврейскій вопросъ онъ учитывалъ, какъ вре-

менное историческое явленіе, которое должно разрѣшиться по примѣру западно-европейскихъ государствъ, т. е. всѣ ограничительные для евреевъ законы должны отойти въ исторію.

Выйдя съ хорошей пенсіей въ отставку, Зубатовъ поселился сначала во Владимірѣ, затѣмъ въ Москвѣ, ничѣмъ не проявляя себя въ сферѣ нашей дѣятельности. Въ Москвѣ я встрѣтился съ нимъ шесть лѣтъ спустя, состоя въ должности начальника московскаго охраннаго отдѣленія. Бывали мы другъ у друга, какъ добрые знакомые. Онъ нѣсколько опустился и чувствовалось, что онъ относится къ своей отставкѣ, какъ къ несправедливой обидѣ. На грядущее онъ смотрѣлъ мрачно, предвидя, что революція явится гибелью Россіи. Въ этомъ онъ былъ твердо убѣжденъ.

Прошло пять лѣтъ и предчувствіе Зубатова оправдалось. Сидя за столомъ, въ кругу своей семьи, Зубатовъ узналъ о начавшейся въ Петербургѣ революціи лишь на третій день, когда она уже докатилась до Москвы. Задумавшись на одинъ моментъ, онъ всталъ и прошелъ въ свой кабинетъ, откуда тотчасъ же раздался выстрѣлъ и Зубатова не стало.

Воспоминанія о Зубатовѣ были бы неполны, если бы не упомянуть о близкомъ его сотрудникѣ Гуровичѣ, котораго, какъ упомянуто выше, департаментскій курьеръ называлъ «тоже персоной въ черныхъ очкахъ».

Въ одно изъ посѣщеній мною Зубатова, я засталъ въ его кабинетѣ господина, который, жестикулируя, говорилъ ему о чемъ то и громко смѣялся.

«Познакомьтесь, господа», сказалъ Зубатовъ, назвавъ господина Гуровичемъ. Всталъ огромнаго роста мужчина, неопредѣленныхъ лѣтъ, темный брюнетъ; длинные волосы, зачесанные назадъ, большіе усы и бородка, прекрасно сшитая визитка и статная фигура дѣлали его представительнымъ. Однако, черное пенснэ, крупный носъ и въ особенности большой ротъ съ мясистыми губами, дѣлали его лицо не только непріятнымъ, но даже отталкивающимъ. Обмѣнявшись нѣсколькими фразами, онъ пригласилъ меня зайти къ нему въ кабинетъ.

— «Михаилъ Ивановичъ интересный человѣкъ, и у него вы можете многому научиться», — сказалъ мнѣ Зубатовъ.

Гуровичъ, при разъѣздахъ по Россіи, именовавшійся Тимофеевымъ, былъ когда то секретнымъ сотрудникомъ, но затѣмъ, когда революціонеры заподозрѣли его въ предательствѣ онъ перешелъ на офиціальную службу въ департаментъ, постоянно опасаясь мести со стороны партіи. Рыжій цвѣтъ его волосъ превратился въ черный, что, вмѣстѣ съ чернымъ пенснэ, сильно измѣнило его наружность. Ему было всегда непріятно, что его принимали за еврея и онъ, улыбаясь, говорилъ: «Никакъ не выходитъ у меня румынская наружность». Это было его чувствительнымъ мѣстомъ. Все, вмѣстѣ взятое, выработало въ этомъ человѣкѣ подходъ къ людямъ съ завѣдомой подозрительностью и мнительностью, которыя онъ прикрывалъ рѣзкостью и холодностью. Тонкій психологъ, проницательный розыскной работникъ, категоричный въ своихъ требованіяхъ и

логично подходящій къ сложнымъ вопросамъ, онъ выдвинулся въ ряды замѣтныхъ чиновниковъ того времени. Къ жандармскимъ офицерамъ онъ сумѣлъ подойти съ большимъ тактомъ, и какъ техникъ розыскной политической работы онъ былъ популяренъ. Закончилъ онъ свою карьеру въ должности управляющаго канцеляріей политическаго розыска на Кавказѣ, причемъ всѣ доклады его по Краю, въ Петербургѣ обращали на себя особое вниманіе. Въ особенности же проницательно онъ высказался въ обширномъ докладѣ, въ которомъ предусматривалъ возможность того, что Россія изъ Японской войны можетъ не выйти побѣдительницей, что неминуемо приведетъ къ массовымъ революціоннымъ выступленіямъ. Онъ, за годъ до революціи 1905 года, нарисовалъ въ особомъ докладѣ такую картину грядущаго, такъ логично къ ней подошелъ, что этотъ докладъ явился для министра Дурново базой сначала подготовительной работы, а затѣмъ и всѣхъ его распоряженій при подавленіи первой революціи. Въ интимной средѣ Гуровичъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ и хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Имѣлъ онъ пристрастіе къ тонкимъ винамъ и, обладая средствами, любилъ посѣщать хорошіе погреба. Никакихъ угощеній онъ безъ реванша не принималъ и цѣнилъ сослуживцевъ, которые вводили его въ свои дома. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ 1905 году онъ проявилъ себя до безразсудства отважнымъ человѣкомъ, расхаживая по улицамъ Ростова на Дону, гдѣ шла перестрѣлка между засѣвшими за баррикадами революціонерами и казаками,

Познакомившись съ Зубатовымъ, Мѣдниковымъ, Гуровичемъ и нѣкоторыми другими лицами изъ ихъ круга, я съ горечью переживалъ сознаніе, что эти лица, такъ далеко стоящіе отъ офицерскаго и бюрократическаго міра, призваны организовать и направлять дѣло государственной безопасности. Дѣйствительно поверхностность, донкихотство и традиціи, основанныя на различныхъ отвлеченныхъ поніятіяхъ, не отвѣчавшія болѣе дѣйствительной обстановкѣ государственной жизни, не дали института работниковъ въ этой сферѣ. Жандармы и тѣ уподоблялись просто слѣпымъ, съ глазъ которыхъ дѣятели новой формаціи, какъ бы снимали катаракты. Что же касается арміи, флота и аппарата Государственнаго Управленія, то, вплоть до министровъ, генераловъ и адмираловъ включительно, были, по большей части, людьми политически невѣжественными, совершенно неспособными составить себѣ представленіе о значеніи революціонно-оппозиціоннаго движенія въ Россіи и о необходимости съ нимъ энергично и цѣлесообразно бороться, попутно съ разумной эволюціей сверху.

Кончилось мое пребываніе въ столицѣ. И вотъ я на вокзалѣ, чтобы отправиться скорымъ поѣздомъ Петербургъ-Вильна-Одесса, въ Кишиневъ. Меня провожаютъ мои друзья — жандармскіе офицеры, служба которыхъ заключалась въ охраненіи порядка на желѣзной дорогѣ и была далека отъ политическаго розыска и всей его сложной отвѣтственности. Среда эта напоминала болѣе строевую часть, съ присущими ей тенденціями. Въ ней было много

людей со средствами, и гвардейскихъ офицеровъ. Общими симпатіями пользовался полковникъ Андрей, высокій бритый брюнетъ лѣтъ сорока, педантъ на службѣ, острякъ среди товарищей и любитель дамскаго общества. Какъ водится, сначала мы посидѣли за столомъ большого вокзальнаго ресторона и я спрашивалъ себя, — какую остроту отпустить Андрей по поводу моего перехода на службу по «охранному департаменту», какъ называлъ онъ розыскную службу. Однако, все прошло гладко и сердечно. Минутъ за 15 до отхода поѣзда, Андрей произнесъ нѣсколько теплыхъ словъ и сказалъ, что пойдетъ устраивать мнѣ купэ. На перронѣ его не оказалось, но помощникъ заявилъ мнѣ, что вещи мои уже въ купэ № 4 международнаго вагона. Я вошелъ въ это купэ и былъ удивленъ, заставъ тамъ, лежащаго подъ одѣяломъ, господина въ громадныхъ черныхъ очкахъ. Не обращая на меня вниманіе, онъ продолжалъ читать запрещенный журналъ «Освобожденіе», издававшійся въ Штутгартѣ, въ Германіи. Я былъ озадаченъ и началъ было говорить, что очевидно вышло недоразумѣніе въ кассѣ, но незнакомецъ плохо закрылся одѣяломъ, т. к. изъ подъ него торчала нога въ сапогѣ со шпорой. Это оказался Андрей, заявившій, что онъ пожелалъ «сдѣлаться Зубатовымъ, чтобы провѣрить, какъ къ нему отнесется охранникъ. Мы разсмѣялись, но эта буффонада указываетъ, какъ не розыскные офицеры корпуса жандармовъ относились къ Зубатову, а «черные очки» являлись какъ бы символомъ провокаціи.

Поѣздъ тронулся, увозя меня въ новую жизнь и работу.

По воцареніи большевиковъ, жандармы были объявлены внѣ закона и подлежащими поголовному уничтоженію. Андрей оказался въ Москвѣ, гдѣ онъ проживалъ уже въ отставкѣ. Несмотря на это, онъ подлежалъ аресту и убійству вмѣстѣ съ другими жандармами. Банда матросовъ, во главѣ съ каторжникомъ ворвалась въ его квартиру; на грубость матроса Андрей далъ ему пощечину и съ презрѣніемъ сказалъ: «предатели, подлецы!». Не прошло и мгновенья, какъ прикладъ каторжника размозжилъ ему съ размаха черепъ и онъ, какъ снопъ, свалился къ ногамъ, стоявшей тутъ же, его жены.

ГЛАВА 4.

ОБРЕЧЕННЫЙ МИНИСТРЪ.

Передъ отъѣздомъ въ Кишиневъ мнѣ было приказано явиться министру внутреннихъ дѣлъ Вячеславу Константиновичу Плеве. Это было вскорѣ послѣ Кишиневскаго погрома. Плеве былъ возмущенъ, что власти, проявляя бездѣйствіе, допустили безпорядки, почему тотчасъ же были уволены Кишиневскій губернаторъ фонъ Раабе, полиціймейстеръ Ханженковъ и начальникъ охраннаго отдѣленія баронъ Левендаль. Вмѣсто нихъ были назначены: князь Урусовъ, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а далѣе членъ II Госу-

дарственной Думы и опять товарищъ министра во Временномъ Правительствѣ, полицiймейстеромъ — полковникъ Рейхартъ, а начальникомъ охраннаго отдѣленiя — я.

Плеве въ краткихъ, но ясныхъ выраженiяхъ далъ мнѣ рядъ указанiй и въ заключенiе сказалъ:

— «Анти-еврейскiе безпорядки въ Кишиневѣ дискредитировали мѣстную власть и осложнили положенiе въ центрѣ. Такiя явленiя совершенно недопустимы. Губернаторъ и вы должны работать согласованно и всячески ограждать населенiе отъ всякихъ насилiй»...

Нѣсколько сухой, но ясный въ своихъ выраженiяхъ и мысляхъ, Плеве производилъ впечатлѣнiе человѣка волевого, твердаго въ своихъ убѣжденiяхъ и фанатика-службиста. Производила впечатлѣнiе и его представительная наружность высокаго пожилого мужчины, съ сѣдыми волосами и усами, бритымъ подбородкомъ, съ энергичными чертами лица и проницательными, устремленными на собесѣдника, глазами.

Многiе недолюбливали Плеве. Не говоря уже о лѣвыхъ кругахъ, преувеличенно считавшихъ его олицетворенiемъ реакцiи; не любили его и придворные и высокочиновный Петербургъ за то, что онъ не принадлежалъ къ ихъ средѣ и былъ неумолимымъ врагомъ какой бы то ни было протекцiи. Кромѣ того, онъ представлялъ собой полный контрастъ своему предшественнику Сипягину, человѣку съ большими родственными связями въ Петербургскомъ свѣтѣ, котораго называли «русскимъ барин-

номъ». Плеве для большого свѣта былъ только бюрократомъ, не считающимся съ его обычаями и ревниво оберегавшимъ свое министерство отъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній.

Плеве твердо стоялъ на томъ, что съ революціонерами надо бороться, безпощадно нанося удары верхамъ партій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ необходимымъ вводить въ жизнь назрѣвшія измѣненія, законодательнымъ порядкомъ.

Личная охрана министра находилась въ рукахъ полковника Скандракова, бывшаго начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія и казалось, что была правильно поставлена, хотя Плеве и не придавалъ ей особаго значенія, но не измѣнялъ разъ установленнаго порядка.

Въ это же время, въ Петербургское охранное отдѣленіе, продолжали поступать свѣдѣнія, что соціалисты-революціонеры рѣшили во что бы то ни стало убить Плеве и, дѣйствительно, эти данныя подтверждались наблюденіемъ и удалось даже нѣсколько покушеній предотвратить арестами. Послѣ такихъ неудачъ, сопровождавшихся ощутительными потерями въ рядахъ террористовъ, послѣдніе стали изыскивать пути, какъ бы подойти къ намѣченной задачѣ, такъ чтобы охранить свой замыселъ отъ возможнаго предательства, т. е. дѣйствовать скрытно и вдумчиво, не допустивъ въ свою среду невѣрнаго человѣка. По этимъ соображеніямъ, было рѣшено поручать террористическія акты лицамъ, снабжаемымъ всѣми необходимыми средствами, но

которыя должны были дѣйствовать единолично, за свой рискъ и страхъ.

На основаніи этого, въ Петербургъ былъ командированъ террористъ, фамилію котораго знало лишь два члена Центральнаго Комитета. Какъ объ этомъ мнѣ говорилъ извѣстный въ свое время завѣдывавшій заграницей политическимъ розыскомъ, Рачковскій; заграничная агентура была освѣдомлена объ этомъ порученіи, но не могла выяснить ни личности террориста, ни куда и когда онъ направленъ. Не выяснили этого и въ Петербургѣ. Вдругъ, противъ Петербургскаго Николаевскаго вокзала, изъ номеровъ Сѣверной гостинницы раздался страшный взрывъ, которымъ были повреждены капитальныя балки зданія и совершенно разрушена комната, въ которой среди обломковъ, былъ найденъ совершенно обугленный трупъ человѣка, съ обезображеннымъ лицомъ и оскаленными зубами, сжимающими монету-копѣйку, очевидно предназначенную для грузика, разбивающаго детоннаторъ при метаніи бомбы.

Сейчасъ же было дознано, что лицо это нелегальное, но кто онъ, въ дѣйствительности, никому извѣстно не было въ карманѣ же террориста былъ найденъ рецептъ лѣкарства, заказаннаго имъ въ одной изъ женевскихъ аптекъ. По сношенію съ Швейцарскими властями, было установлено, что заказавшій это лѣкарство былъ Покотиловъ, зарегистрированный съ 1908 года, какъ соціалистъ-революціонеръ, впервые въ Кіевѣ, гдѣ я его допрашивалъ. въ бытность его еще студентомъ. По на-

ружности онъ произвелъ на меня тогда впечатлѣніе безцвѣтнаго человѣка, лицо, котораго было сплошь покрыто хронической экземой..

Дѣло объ этомъ взрывѣ дознаніемъ представлено въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Александро-Невской Лаврѣ была назначена панихида по убитому террористомъ Балмашевымъ, министрѣ внутреннихъ дѣлъ Сипягинѣ. Плеве, предполагая присутствовать на этой церковной службѣ, долженъ былъ туда проѣхать, по обычному маршруту, мимо Сѣверной гостинницы, что и было учтено Покотиловымъ. Наканунѣ предполагаемаго проѣзда министра, Покотиловъ приводилъ бомбу въ боевую готовность, предполагая бросить ее въ экипажъ Плеве, но снарядъ непредвидѣнно взорвался.

Въ 1904 году Плеве былъ, всетаки, убитъ членомъ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ Сазоновымъ. Бомба была брошена въ карету министра, ѣхавшаго съ докладомъ къ Царю въ Петергофъ. Произошло это по дорогѣ на вокзалъ. Революціонеръ, хотя и былъ замѣченъ филерами, но, не будучи сразу заподозрѣннымъ, успѣлъ бросить снарядъ. Карета была совершенно разнесена, а тѣло Плеве превращено въ безформенную массу: мозги, куски мяса, кровь, обломки кареты и листы доклада, все представляло собою картину ужасной смерти. Тутъ же лежалъ тяжело раненый революціонеръ, съ обезображеннымъ лицомъ и обугленными конечностями. Въ это время, другой соучастникъ, Сикорскій, пройдя городомъ, направлялся къ Невѣ, съ цѣлью сбросить въ воду бомбу, имѣв-

шуюся у него на случай, если бы покушеніе Сазонова оказалось неудачнымъ. Сикорскій нанялъ лодку, подъ предлогомъ переправы черезъ рѣку, но его волненіе и выбрасываніе по пути какого то предмета внушили лодочнику подозрѣніе и онъ передалъ Сикорскаго полиціи.

Личность Сазонова оставалась нѣсколько дней невыясненной, пока въ больницу не былъ командированъ чиновникъ Гуровичъ, который, находясь при бывшемъ въ полусознательномъ состояніи больномъ, въ числѣ больничнаго персонала, вскорѣ выяснилъ личность террориста по отрывочнымъ бредовымъ фразамъ.

За бытность мою въ корпусѣ жандармовъ, погибли отъ рукъ террористовъ три министра внутреннихъ дѣлъ: Сипягинъ, Плеве и впослѣдствіи Столыпинъ. Что же касается преемника Плеве, Дурново, то онъ, хотя и умеръ естественною смертью, но по «ошибкѣ», за границей, соціалисты-революціонеры, вмѣсто него, убили нѣкоего Миллера.

Возвращаясь нынѣ мыслью къ прошлому, я еще болѣе чѣмъ тогда, поражаюсь, какъ слабо русская власть реагировала на постоянныя, въ теченіи многихъ лѣтъ, убійства совершаемыя, сначала народовольцами, а затѣмъ соціалистами-революціонерами. Были убиты Императоръ Александръ II и рядъ сановниковъ. Обычнымъ послѣдствіемъ подобныхъ убійствъ являлся уходъ директора департамента полиціи и начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія, причемъ, зачастую преемники ихъ оказывались слабѣе ушедшихъ. Достаточно было мини-

стру или сановнику проявить себя дѣятельнымъ человѣкомъ, чтобы его тотчасъ убили. Напротивъ того, либерализмъ, бездѣйствіе власти и отсутствіе яснаго пониманія дѣйствительности, дѣлали носителей власти неприкосновенными для партій.

ГЛАВА 5.

«ОХРАНКА».

Такъ называлось въ революціонной средѣ Охранное Отдѣленіе, т. е. учрежденіе, вѣдающее политическимъ розыскомъ.

Пріѣхалъ я вновь въ Кишиневъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1903 года. За четыре года городъ разросся, сталъ чище и наряднѣе, благодаря массѣ новыхъ домовъ, высокихъ, красивыхъ и удобныхъ. Съ вокзала я поѣхалъ прямо въ охранное отдѣленіе, которое началъ тотчасъ же принимать отъ ротмистра барона Левендаль; онъ не покинулъ еще Кишинева и нервничалъ, такъ какъ губернаторъ обѣщалъ ему мѣсто уѣзднаго исправника только въ томъ случаѣ, если въ результатѣ ожидаемаго процесса объ анти-еврейскомъ погромѣ, онъ не окажется виновнымъ въ попустительствѣ. Молодой, цвѣтущій и добродушный, Левендаль увлекался розыскомъ и большую часть времени проводилъ на службѣ. Канцелярія его оказалась въ образцовомъ порядкѣ и въ ней было на лицо все, что требовалось для розыскной работы: личныя дѣла на каждаго подозрѣваемаго

въ революціонной работѣ въ Кишиневѣ; американскій шкафъ съ карточками всѣхъ лицъ, проходившихъ по мѣстнымъ дѣламъ и департаментскимъ циркулярамъ; регистрація фотографическихъ карточекъ; регистрація дактилоскопическая, съ оттисками пальцевъ политическихъ, по которымъ удавалось, послѣ задержанія, устанавливать, что арестованный не то лицо, за которое онъ выдаетъ себя, по имѣющемуся у него паспорту; сводки свѣдѣній филерскаго наблюденія и отдѣльно «агентурныхъ свѣдѣній», т. е. полученныхъ отъ секретныхъ сотрудниковъ, и т. д. Кромѣ того, при отдѣленіи была библіотека революціонныхъ изданій, каковая пополнялась департаментомъ полиціи, конфискаціями на почтѣ, и изданіями, отбираемыми при обыскахъ и на вокзалахъ.

Я принялъ также отчетность и совершенно секретныя дѣла, находившіяся лично на рукахъ начальника охраннаго отдѣленія. Здѣсь же былъ и перлюстраціонный матеріалъ, состоящій изъ копій интересныхъ писемъ, тайно вскрывавшихся на большихъ почтамтахъ.

Затѣмъ мнѣ предстояло принять персоналъ, который составляетъ основу розыскной работы, т. е. секретныхъ сотрудниковъ. Поздно вечеромъ, переодѣвшись въ штатское платье, мы пошли на конспиративную квартиру. Было пасмурно и дождливо. Керосиновые фонари тускло освѣщали улицу, въ особенности же было темно, приближаясь къ окраинѣ города, гдѣ находилась квартира, въ домѣ, постоянно отсутствующаго, холостяка помѣщика. Еще

не доходя до дома, я обратилъ вниманіе на медленно шедшаго впереди насъ человѣка, который, перейдя улицу, останавливался, какъ бы ища номеръ какого-то дома.

— Это Яковлевъ, завѣдующій филерами, объяснилъ мнѣ Левендаль, и прибавилъ, что въ послѣдніе дни мимо дома, куда мы шли, проходили по нѣсколько разъ соціалъ-демократки Любичъ и Ривкина. Въ виду этого, онъ опасается, не выяснена ли наша квартира. Послѣднее могло угрожать наблюденіемъ за нами, а въ особенности за нашими сотрудниками, не говоря уже объ опасности оказаться имъ въ западнѣ.

— Кромѣ того, надо было предупредить недопустимую встрѣчу сотрудниковъ, такъ какъ они не должны другъ друга знать.

Левендаль тихо постучалъ два раза въ окно небольшого провинціальнаго дома, и намъ тотчасъ отворила дверь женщина лѣтъ сорока, съ привѣтливымъ лицомъ, освѣщеннымъ, тутъ же стоящей на столѣ въ прихожей, керосиновой лампой. Освѣдомившись, не я ли новый «хозяинъ», она поклонилась мнѣ въ поясъ съ тѣмъ достоинствомъ, которое умѣютъ вкладывать въ этотъ поклонъ русскія женщины, и сказала: «добро пожаловать». Подавая ей руку, я спросилъ, что дѣлаетъ ея мужъ, и получилъ отвѣтъ, что Головинъ у чернаго входа наблюдаетъ, чтобы не произошло встрѣчи сотрудниковъ. Каково же было мое удивленіе, когда послѣ всего этого, въ комнатѣ, въ которую мы вошли, оказалось два человѣка, оживленно о чемъ-то бесѣдующихъ. Левен-

даль понялъ мое недоумѣніе и объяснилъ, что это двоюродные братья, которые вмѣстѣ явились въ охранное отдѣленіе, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Сначала они полагали, что будутъ открыто доносить о томъ, что узнаютъ о противоправительственной работѣ.

— Я бесѣдовалъ съ ними нѣсколько разъ, — сказалъ Левендаль, — и убѣдилъ, что секретная работа гораздо интереснѣе и можетъ дать большіе результаты, благодаря ихъ связямъ въ рабочей средѣ. Одинъ изъ нихъ, подъ псевдонимомъ «Тотикъ», близокъ къ мѣстной соціалъ-демократической группѣ, а его двоюродный братъ «Бѣлый» освѣщаетъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Эти сотрудники были весьма различны и по виду, и по характеру: «Тотикъ», развитой и вдумчивый, свѣтлый блондинъ, давалъ точныя и сухія свѣдѣнія; «Бѣлый» же, смуглый и порывистый брюнетъ, любилъ много говорить и фантазировать. Зналъ мало, но ясно, что наблюдателенъ и хитеръ. Розыскной работой они увлекались и она составляла какъ бы романтическую часть ихъ жизни мелкихъ ремесленниковъ, со стремленіемъ обнаружить серьезную организацію. «Бѣлый» — по профессіи маляръ — былъ унтеръ-офицеромъ и потому имѣлъ право поступить на службу въ жандармы, чего онъ и желалъ. «Тотикъ» — печникъ рѣшилъ работать «на пользу правому дѣлу», а затѣмъ начать заниматься подрядами.

Оба они интересные сотрудники, подумалъ я, но ихъ развитіе недостаточно, чтобы пойти далеко въ

розыскномъ дѣлѣ. Разставаясь съ ними, я предрѣшилъ ихъ разлучить и прибавить имъ содержаніе, т. к. всегда считалъ несправедливымъ положеніе, когда идейные сотрудники получаютъ менѣе тѣхъ, кого приходилось покупать, какъ людей поступавшихъ въ розыскъ исключительно изъ за матеріальныхъ побужденій.

Видно было, что Левендаль училъ ихъ добросовѣстно. Они, не торопясь, одѣли пальто и шапки, внимательно осмотрѣлись, чтобы ничего своего не забыть и начали прощаться. Левендаль прошелъ впередъ, отворилъ дверь, и, не показываясь на улицу, осмотрѣлся по сторонамъ; видя, что вблизи никого нѣтъ, выпустилъ сотрудниковъ порознь. Они тотчасъ же перешли на другую сторону улицы и скрылись въ темнотѣ.

Намъ оставалось ждать еще часъ до прихода слѣдующаго сотрудника, когда можно было познакомиться съ завѣдующимъ квартирой. Левендаль позвалъ Ивана Онуфріевича Головина и сказалъ, что Головинъ писецъ нашей канцеляріи, ранѣе служилъ филеромъ въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Тамъ, заболѣвъ, назначенъ къ намъ на югъ, для поправленія здоровья, съ указаніемъ его беречь. Вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, шатенъ, съ большой шевелюрой, небольшими усами, безъ бороды. Мы усѣлись и начали бесѣдовать. Оказалось, что онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, наблюдая въ свое время за видными революціонерами: Савинковымъ, Гершуни, Засуличъ, Ленинымъ и другими. Теперь онъ ходитъ на «рабо-

ту въ городъ», какъ онъ выражался, рѣдко, преимущественно для выясненія лицъ и «разговоровъ» съ дворниками и обывателями.

— Головинъ любитъ переодѣваться и изображать Лекока, — сказалъ Левендаль, — и, хотя это у насъ, въ политическомъ розыскѣ, рекомендуется только въ исключительныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе, такая работа иногда полезна.

Головинъ проводилъ насъ въ смежную комнату, гдѣ въ открытомъ шкафу висѣла различная одежда: обмундированіе жандарма, полицейскаго, почтальона, желѣзнодорожника, мѣстнаго крестьянина, рабочаго, торговца, и лохмотья нищаго. Въ сундукѣ имѣлись: костыли и маленькая платформа на колесикахъ, на которую усаживался Головинъ, изображая безногаго бѣдняка. Наконецъ, въ коробкѣ было нѣсколько тщательно разглаженныхъ париковъ и бородъ.

— Жена моя, Марья Капитоновна, — сказалъ Головинъ, — подчасъ одѣвается торговкой и съ корзиной овощей или какихъ либо пустяковъ, ходитъ съ чернаго хода на квартиры и заводитъ знакомства съ прислугой интересующихъ насъ лицъ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что Головинъ былъ сыщикомъ фанатикомъ, предпріимчивымъ и опытнымъ знатокомъ своей профессіи. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые дѣлаютъ все хорошо, обдуманно и законченно, но которыхъ утомляетъ однообразная, будничная работа. Я настолько цѣнилъ его, что, позднѣе, перевелъ его вслѣдъ за собою въ Варшаву, а затѣмъ и въ

Москву, гдѣ его и его жены дѣятельность была шире и гдѣ они работали уже съ помощниками.

Къ слову сказать, что соціалисты-революціонеры, выслѣживая лицъ, которыхъ они собирались убивать, пользовались широко переодѣваніемъ: извозчиками, торговцами папиросъ и газетъ, желѣзнодорожными служащими, офицерами и т. д., словомъ такъ, чтобы меньше обращать на себя вниманія наблюденія съ нашей стороны. Такъ они выслѣживали министровъ: Плеве, Дурново, и Столыпина, адмирала Дубасова, Вел. Кн. Сергѣя Александровича и другихъ, причемъ, такой слѣжкѣ особое значеніе придавалъ террористъ Савинковъ — писатель-революціонеръ и видная персона въ рядахъ Временнаго Правительства. Перейдя въ лагерь большевиковъ онъ вынужденъ былъ лишить себя жизни, какъ отверженный старой средой и не принятый новой.

Пока мы бесѣдовали съ Головинымъ, вошелъ третій сотрудникъ, по псевдониму «Солдатъ». Онъ пришелъ съ опозданіемъ. Маленькаго роста, брюнетъ лѣтъ 25-ти, одѣтъ съ претензіей на элегантность, въ золотомъ пенснэ. Манерно раскланявшись, онъ усѣлся, развалившись и заявилъ, что онъ былъ соціалъ-демократомъ и имѣетъ большія связи въ еврейской соціалистической средѣ и связалъ розыскную работу Кишинева съ Одессой. Съ первыхъ же фразъ чувствовалось, что не Левендаль руководитъ имъ, а, наоборотъ, что недопустимо и влечетъ обыкновенно за собою крупныя осложненія, до провокаціи включительно. При томъ, оказа-

лось, что «Солдатъ» легальнаго заработка не имѣетъ и черпаетъ средства къ жизни исключительно изъ охраннаго отдѣленія, не маскируя полученіе денегъ какимъ либо показнымъ занятіемъ.

— Нагл ъ, лѣнивъ, скрытенъ и самонадѣянъ, — сказалъ я Левендалю послѣ ухода «Солдата», — но долженъ былъ добавить, что безусловно полезенъ, хотя можетъ «провалиться», если его заподозрятъ въ источникѣ его средствъ къ существованію.

— Да, деньги онъ любитъ, — отвѣтилъ Левендаль.

Оказалось, что онъ былъ въ тюрьмѣ, когда заявилъ, что желаетъ работать въ охранномъ отдѣленіи, но тутъ же потребовалъ указать сколько ему будутъ платить.

— Онъ знаетъ себѣ цѣну и меня эксплуатируетъ, — замѣтилъ Левендаль, подтверждая вполнѣ этимъ правильность моего перваго впечатлѣнія о ненормальности отношеній между нимъ и «Солдатомъ».

Наконецъ, пришелъ и четвертый сотрудникъ, работавшій подъ псевдонимомъ «Малый». Грязный, молчаливый ремесленникъ-слесарь, уже съ просѣдью. Многосемейный, нуждающійся еврей, не стѣсняемый никакой моралью. Онъ случайно вошелъ въ связь съ анархистами, но взвѣсивъ, что, съ одной стороны, это можетъ повлечь за собою отвѣтственность, съ другой же, что на этомъ дѣлѣ можно подработать, онъ пошелъ въ полицейскій участокъ, откуда приставъ направилъ его въ охранное отдѣленіе. Неразговорчивый, растягивающій

свѣдѣнія на нѣсколько свиданій, онъ былъ мало полезнымъ и труднымъ человѣкомъ. Этотъ типъ часто встрѣчается въ рядахъ сотрудниковъ «низовъ».

Для свиданій квартира была удобной, съ двумя выходами, но нѣсколько отдалена отъ отдѣленія, что затрудняло быстрое съ ней общеніе, въ случаѣ поступленія экстренныхъ свѣдѣній. Часъ ночи. Мы вышли и насъ охватила сырая, темная ночь, а Яковлевъ продолжалъ находиться на улицѣ, оберегая насъ.

На другой день мы пошли въ «сборную», гдѣ въ десять часовъ вечера собирались филеры. Ихъ оказалось двѣнадцать человѣкъ, уже втянутыхъ въ работу слѣжки, всѣ люди развитые, здоровые и бодрые, какъ то требовалось инструкціей.

Крупныя охранныя отдѣленія, какъ Петербургское, Московское и Варшавское, представляли собою учрежденія съ гораздо большимъ составомъ служащихъ въ канцеляріи, въ филерской командѣ и пр. Въ нихъ было, естественно, и большее число секретныхъ сотрудниковъ, такъ называемыхъ — «агентовъ внутренняго наблюденія», причемъ, нѣкоторые изъ нихъ освѣщали верхи партіи, какъ революціонныхъ, такъ и оппозиціонныхъ. Было также по нѣсколько конспиративныхъ квартиръ, но въ основаніи тѣ же отдѣлы, о которыхъ говорилось выше. Кромѣ того, при этихъ отдѣленіяхъ были и собственные конные дворы, которые наряжали для наблюденія извозчиковъ, причемъ, кучеръ, очевидно, былъ филеромъ. Затѣмъ, тамъ же были команды, такъ называемыхъ, надзирателей, которые занима-

лись исключительно выясненіемъ наблюдаемыхъ, путемъ бесѣдъ съ дворниками, обывателями, осмотромъ домовыхъ книгъ и пр.

И такъ Отдѣленіе было принято и мнѣ, съ первыхъ же шаговъ пришлось озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе интеллигентной агентуры, для освѣщенія надлежащимъ образомъ мѣстнаго общества, въ смыслѣ уясненія существовавшихъ въ немъ оппозиціонныхъ, революціонныхъ и юдофобскихъ теченій. Только эта мѣра могла оградить меня отъ повторенія судьбы моего предшественника, который, слишкомъ сосредоточившись на освѣщеніи низовъ революціонныхъ партій, оказался неосвѣдомленнымъ въ подготовлявшемся Кишиневскомъ погромѣ.

Черезъ нѣсколько дней по моемъ окончательномъ вступленіи въ завѣдываніе отдѣленіемъ, ко мнѣ явился сотрудникъ «Бѣлый» и сообщилъ, что у «эсеровъ» (соціалистовъ-революціонеровъ) состоялось собраніе, на которомъ обсуждался вопросъ о созданіи партійныхъ ячеекъ въ промыслахъ и на заводахъ. Тогда же нѣкій «Михаилъ» поставилъ вопросъ, «скоро ли у насъ будетъ литература и прокламаціи?». «Михаилъ» высокаго роста, брюнетъ, лѣтъ 30, прихрамывающій на лѣвую ногу. Отвѣтилъ ему «Николай», маленькаго роста, лѣтъ 25, блондинъ, въ очкахъ: «Все своевременно будетъ!» и тутъ же добавилъ: «Кстати, Михаилъ, мнѣ надо съ вами встрѣтиться, заходите, туда». Фамилій

этихъ лицъ «Бѣлый» не зналъ, но слышалъ, что «Михаилъ» служитъ приказчикомъ въ галантерейной лавкѣ на Александровской улицѣ, противъ собора. Въ тотъ же вечеръ филеры взяли въ наблюденіе приказчика галантерейной лавки, похожаго по примѣтамъ, даннымъ сотрудникомъ «Бѣлымъ» и давши ему свою кличку «Хромой», прослѣдили его до дома № 17 по Нѣмецкой улицѣ. Утромъ «Хромой» пошелъ въ упомянутую лавку и, такимъ образомъ, отдѣленіе установило, что въ наблюденіи, подъ филерской кличкой «Хромой», находится революціонеръ «Михаилъ».

Наблюденіе продолжалось, и, черезъ два дня, «Хромого» «проводили» изъ магазина на Буюканскую улицу, по которой онъ сталъ терпѣливо прохаживаться, пока, наконецъ, къ нему не подошелъ маленькій блондинъ въ очкахъ. Послѣднему филеры дали кличку «Карликъ»; оба пошли вмѣстѣ, соблюдая всѣ, свойственныя революціонерамъ, предосторожности, чтобы убѣдиться, что за ними не слѣдятъ «шпики», какъ, на революціонномъ жаргонѣ, назывались филеры. Не замѣтивъ ничего подозрительнаго, «Хромой» и «Карликъ» вошли въ домъ № 30 по той же улицѣ. Тамъ очевидно была квартира «Карлика», т. к. онъ болѣе изъ этого дома не выходилъ, тогда какъ «Хромой» вышелъ, приблизительно черезъ часъ, и отправился къ себѣ домой. Такимъ образомъ, квартиры обоихъ революціонеровъ были выяснены и дальнѣйшее наблюденіе позволило установить рядъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ, какъ съ «Хромымъ», оказавшимся Ле-

винымъ, такъ и съ «Карликомъ», который оказался Николаемъ Петровичемъ Шащекъ. Тогда же были выяснены фамиліи и другихъ наблюдаемыхъ лицъ. Сотрудникъ «Бѣлый» заболѣлъ и потому, что дѣлалось въ группѣ, мы не знали, но черезъ нѣсколько дней, филеры «проводили» «Карлика» на Соборную площадь и издали наблюдали за его встрѣчей съ неизвѣстнымъ лицомъ, бесѣда съ которымъ продлилась около трехъ часовъ. Наконецъ, они отправились по конкѣ (трамваю) на вокзалъ и взяли тамъ, очевидно, ранѣе сданные на храненіе, два чемодана, одинъ легкій, другой же тяжелый. Взявъ извозчика, они поѣхали на Буюканскую улицу № 30, куда Шащекъ внесъ тяжелый чемоданъ, въ то время, какъ его спутникъ, прозванный филерами «Пріѣзжій», ждалъ его на извозчикѣ. Шащекъ скоро вышелъ и поѣхалъ, вмѣстѣ съ «Пріѣзжимъ», въ гостинницу по Михайловской улицѣ.

Этотъ тяжелый чемоданъ оказался предательскимъ для его обладателя. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ взятъ изъ квартиры Шащека его сожительницей «Смѣлой» и отвезенъ въ г. Бендеры, гдѣ впослѣдствіи былъ произведенъ обыскъ, обнаружившій складочную квартиру революціоннаго матеріала, оружія и литературы партіи соціалистовъ-революціонеровъ и типографскаго шрифта. Одновременно была арестована и вся группа.

Ликвидаціей болѣе всѣхъ былъ доволенъ «Бѣлый», т. к., благодаря его болѣзни, онъ остался внѣ подозрѣній. Послѣ этого дѣла ликвидаціи были блѣдныя и сводились къ задержанію сходокъ и от-

дѣльныхъ лицъ. Но весь Кишиневъ находился въ приподнятомъ настроеніи, такъ какъ начался, надѣлавшій столько шума процессъ.

Съ формальной стороны обвинялось въ грабежѣ и насиліи нѣсколько типичныхъ уличныхъ хулигановъ, въ дѣйствительности же процессъ выявлялъ столкновеніе двухъ политическихъ крайнихъ теченій, которыя взаимно обвиняли другъ друга; остріе рѣчей гражданскихъ истцовъ, было направлено на русское правительство и его агентовъ. Защитникомъ обвиняемыхъ выступилъ извѣстный юдофобъ, присяжный повѣренный Шмаковъ, гражданскіе же истцы были представлены цѣлымъ созвѣдіемъ тогдашней адвокатуры и политическаго лѣваго міра. Во главѣ ихъ красовалась львиная голова Карабчевскаго, а за нимъ такія крупныя величины, какъ: Винаверъ, Грузенбергъ, Зарудный (впослѣдствіи министръ юстиціи Временнаго Правительства). наконецъ, Соколовъ авторъ Приказа № 1, которымъ солдатамъ, съ первыхъ же дней революціи приказывалось не отдавать чести офицерамъ, Переверзевъ и др. Въ ихъ рѣчахъ было много сильнаго и искренняго, было немало и театральнаго.

Конечно, никому не былъ интересенъ тотъ или другой приговоръ сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ, но страсти разгорались настолько, что предсѣдателю, сенатору Давыдову приходилось постоянно останавливать то одну, то другую сторону. Карабчевскій счелъ долгомъ сдѣлать «красивый жестъ» въ сторону лѣвыхъ, заявивъ, что не считаетъ возможнымъ присутствіе на судѣ начальника

охраннаго отдѣленія. По этому поводу начались особые дебаты, ничѣмъ не кончившіеся. Характерно и то, что въ тотъ же самый день, когда либеральная адвокатура требовала моего удаленія изъ зала суда, мнѣ были доставлены ею анонимныя угрожающія письма, почему они просили объ охранѣ ихъ личности. Такова невязка политическихъ жестовъ съ реальностью. Слова защитниковъ разносились по городу, подымая вихрь противорѣчивыхъ впечатлѣній. Люди спорили въ домахъ, негодовали на улицахъ, дамы впадали въ истерику, сжимались кулаки культурныхъ людей и простолюдиновъ... Затѣмъ процессъ вдругъ круто оборвался, т. к. адвокаты, не имѣя возможности закончить свои рѣчи, бросая обвиненіе правительству, ушли, передавъ дѣло частному повѣренному. Разбушевавшееся море людскихъ страстей стало, мало по малу, возвращаться къ обычной обывательской глади.

Не безинтересно здѣсь отмѣтить, что Карабчевскій съ первыхъ же дней революціи 17 года выявилъ себя не только правымъ и убѣжденнымъ монархистомъ, но вынесъ въ своихъ литературныхъ трудахъ суровый приговоръ тѣмъ самымъ кругамъ, которымъ оказывалъ поддержку выступленіями на Кишиневскомъ и другихъ процессахъ. Въ одной изъ послѣднихъ рѣчей, уже въ изгнаніи, Карабчевскій заявилъ, что выступаетъ, какъ защитникъ того принципа, который считалъ основнымъ устоемъ Россіи и которому былъ всегда вѣренъ, а именно, монархизму.

ГЛАВА 6.

ЕВРЕЙ.

Закончился процессъ о Кишеневскомъ погромѣ, но резонансомъ онъ прошелъ по всему міру. Вскорѣ я вывихнулъ ногу и слегъ. Меня пользовалъ, по пріятельски, докторъ Лившицъ. Большого роста брюнетъ съ просѣдью, лѣтъ сорока пяти, на выкатѣ большіе черные глаза, — часто смѣющіеся, — черные усы и бритая борода, голова круглая, крупная. Рѣчь чистая, но, въ общемъ, всетаки, ярко выражалось семитическое его происхожденіе. — Я интересуюсь сердечными болѣзнями, — говаривалъ онъ иногда, такъ какъ мои родители передали мнѣ по наслѣдству плохое сердце.

Въ Кишиневѣ Лившицъ былъ популярнымъ врачемъ, окончившимъ Вѣнскій университетъ, выдающимся; онъ былъ даже оставленъ при этомъ университетѣ, работая, въ качествѣ ближайшаго ассистента, — извѣстнаго профессора Нотнагеля. Его, всетаки тянуло къ роднымъ пенатамъ, почему онъ держалъ экзаменъ на русскій дипломъ и поселился въ своемъ родномъ Кишиневѣ, считая его самымъ пріятнымъ городомъ въ мірѣ. Надъ нимъ даже посмѣивались его пріятели, говоря, что тогу профессора онъ промѣнялъ на мамалыгу (каша изъ кукурузной муки — національное кушанье въ Бессарабіи). Совершенно безпартійный и благожелательный онъ былъ милымъ знакомымъ, съ которымъ

пріятно было коротать время за картами или въ бесѣдѣ. Придя ко мнѣ, какъ врачъ, онъ остался обѣдать. Къ вечеру пришли навѣстить меня губернаторъ князь Сергѣй Дмитріевичъ Урусовъ и прокуроръ мѣстнаго суда Владиміръ Николаевичъ Горемыкинъ; съ первымъ Лившицъ поздоровался оффиціально, со вторымъ же, съ той милой фамильярностью, которая характерна со стороны врачей, въ отношеніи своихъ паціентовъ. У Горемыкина была та же болѣзнь, что и у доктора.

Урусовъ выше средняго роста, лѣтъ сорока пяти, пепельный блондинъ, плотный, съ привлекательнымъ открытымъ лицомъ, небольшіе усы, мягкій, пріятный голосъ; при первоначальномъ знакомствѣ сухъ и сдержанъ; усидчивый и добросовѣстный работникъ. Слушалъ онъ внимательно только то, что его интересовало, но безъ пытливости. На еврейскій вопросъ у него былъ законченный взглядъ, что необходимы немедленныя реформы, а въ первую очередь — уничтоженіе черты осѣдлости. У меня были съ нимъ близкія отношенія и впослѣдствіи у насъ долго поддерживалась частная переписка, вплоть до ухода его въ лѣвое крыло Государственной Думы. Хороши-ли или плохи были его взгляды, но онъ былъ безусловно честнымъ благороднымъ человѣкомъ. Онъ погибъ при большевикахъ, въ крайней нуждѣ, лишившись и семьи и имущества.

Прокуроръ — маленькій, подвижной блондинъ, безцвѣтный, юркій въ пенснэ, былъ человѣкомъ съ либеральнымъ уклономъ, но добросовѣстно выполнялъ свой долгъ, проявляя на своемъ мѣстѣ законность

и безпристрастность. Домъ его былъ открытымъ для мѣстнаго общества, гдѣ встрѣчались люди различныхъ профессій, положенія и взглядовъ. Умеръ онъ отъ болѣзни сердца въ Петербургѣ.

Сначала мы говорили о мелочахъ и смѣялись остротамъ и сравненіямъ Лившица, но чувствовалось, что всѣ избѣгаютъ говорить о томъ, что больше всего интересуетъ и власть и обывателя, а именно о прошедшемъ процессѣ. Первымъ заговорилъ по этому вопросу Урусовъ, обращаясь ко мнѣ:

— По требованію Департамента, присяжнаго повѣреннаго Соколова, мы, сегодня, отправили подъ конвоемъ въ Петербургъ. Ваши свѣдѣнія были вѣрны, что лѣвые предполагаютъ устроить ему демонстративные проводы и явятся къ пассажирскому поѣзду. Дѣйствительно, на вокзалѣ была масса публики, мужчинъ и дамъ, послѣднія съ цвѣтами, во главѣ съ Екатериной Кристи, причемъ присутствовали преимущественно христіане; но Соколова мы отправили съ товарнымъ поѣздомъ, за два часа раньше...

— Значитъ, — сказалъ Лившицъ, — все обстоитъ благополучно и всѣ довольны: демонстранты — осуществили демонстрацію, власти придумали трюкъ, Департаментъ получитъ своего арестованнаго, а я передъ вашимъ приходомъ, сыгралъ большой шлемъ, но не успѣлъ его записать.

Было очевидно, что Лившицъ желаетъ перемѣнить тему. Урусовъ же, желаетъ продолжать разговоръ и потому сказалъ:

— А интересно было бы, докторъ, услышать

мнѣніе о процессѣ именно отъ васъ, какъ исключительно лойяльнаго человѣка и еврея, вращающагося въ нашей средѣ. Увѣряю васъ, что мною руководитъ не праздное любопытство, и я вполнѣ учитываю, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тяжело вамъ возвращаться къ этой темѣ, — прибавилъ губернаторъ.

— Если это полезно для меня и для кишеневскихъ евреевъ, то я готовъ вамъ разсказать по обывательски, что я пережилъ во время погрома и какъ ужились во мнѣ эти событія. Какого числа — не помню, я послалъ нашу горничную Марфу къ своимъ родственникамъ спросить, идутъ ли они вечеромъ въ театръ; Марфа запозднилась возвращеніемъ, а придя въ повышенномъ настроеніи, сказала, что въ городѣ погромъ. Сначала я не разобралъ, въ чемъ дѣло и даже переспросилъ: «какой погромъ?». На это она отвѣтила: «еврейскихъ жидовъ бьютъ». Очевидно, служа у еврея, ей неудобно было сказать «бьютъ жидовъ» и она прибавила «еврейскихъ». Я чувствовалъ то же, что чувствовалъ въ этотъ моментъ каждый еврей въ Кишиневѣ, а именно: «скоро ли и до меня дойдетъ очередь быть битымъ?». Состояніе весьма незавидное и, полагаю, что вы всѣ, здѣсь присутствующіе, на моемъ мѣстѣ испытывали бы то же самое. Какая то подавленность и чувство беззащитности. Я былъ недалекъ отъ сильнаго сердечнаго припадка. Затѣмъ, я спросилъ Марфу, благополучно ли у моихъ родственниковъ и попросилъ ее разсказать все обстоятельно. — «Испуганы, такъ какъ по сосѣдству ихъ шалятъ ребята. Я пошла въ дворницкую къ Кирил-

лу...» — Кириллъ — братъ Марфы, котораго я опредѣлилъ дворникомъ къ этимъ родственникамъ, по просьбѣ пристава. — «Кириллъ, — продолжала Марфа, — сидѣлъ, какъ растяпа и ничего не понималъ. Тогда я на него начала кричать, чтобы онъ заперъ на замокъ ворота и никого не пускалъ, и чтобы тутъ все было въ порядкѣ, пригрозивъ, что я буду жаловаться своему барину. На это Кириллъ сказалъ, чтобы вы не сомнѣвались, такъ какъ онъ будетъ у воротъ на стражѣ съ ломомъ. А жена Кирилла, стерва, посмотрѣла на меня и сказала: «Ты, Марфа, жидовская наймычка!». Мнѣ стало обидно и я опять пошла къ господамъ, сказавъ, чтобы они не безпокоились и ушла домой. На Александровской улицѣ ребята выпустили перья изъ перинъ — прямо потѣха: все кругомъ, какъ въ снѣгу! На улицѣ я нашла выбивалку и принесла домой, она намъ, баринъ, пригодится, а то намедни, какъ я выбивала коверъ, наша сломалась». — Начали обсуждать положеніе, и я рѣшилъ, со всѣми своими, отправиться на квартиру къ мѣстному приставу Дунскому, но подумалъ: «а что если этотъ мой пріятель самъ окажется погромщикомъ?». Предложилъ я Марфѣ итти съ нами, но она отвѣтила, что понесетъ туда барышнину ночную кофту и мою пижаму, а потомъ возвратится домой, чтобы было все въ порядкѣ. Мы отправились, крадучись, уже по полутемнымъ улицамъ и пришли къ Дунскому. Въ его кабинетъ дверь была закрыта и оттуда слышался голосъ пристава «канальи!» оставили свои посты. Сейчасъ же соедините́сь въ команды по пять чело-

вѣкъ, съ надзирателями и задерживайте погромщиковъ!». Черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета вышло нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ и человѣкъ двадцать городовыхъ. Дунскій былъ блѣденъ и измученъ. Завидя насъ, онъ подошелъ къ намъ и крикнулъ: «вотъ что дѣлаютъ изъ нашего Кишинева! Пожалуйте, докторъ ко мнѣ наверхъ». Насъ приняли радушно и сочувственно, уступивъ свою спальню. Не буду останавливаться на деталяхъ происшествія — они безобразны и ужасны, они отвратительны. Кто организаторъ погрома? — спросите вы меня, на это я вамъ отвѣчу: въ этомъ дѣлѣ нѣтъ технической подготовки, со стороны власти, но мораль, укрѣпившаяся въ Петербургѣ, такова, что крайне правый шовинистъ, всегда ярый юдофобъ, находитъ самое благосклонное отношеніе къ себѣ отъ министра до городового включительно, почему эти элементы работаютъ безнаказанно и смущаютъ всякіе дегенеративные отбросы интеллигенціи и черни. Полное попустительство въ этихъ преступленіяхъ ярко выявляется. Вѣдь не можетъ быть въ культурномъ государствѣ такого положенія, когда на подданнаго этой страны нападаютъ, съ цѣлью убійства, а агенты власти не имѣютъ права убить преступника на мѣстѣ, а должны ожидать шесть часовъ, пока не выйдутъ войска изъ своихъ казармъ. Вѣдь это ужасъ! — убито свыше пятидесяти человѣкъ мирныхъ жителей. Еврейство — міровая сила. Сила, которая вливается въ культурныя государства земного шара, хотя и съ запозданіемъ, но неудержимо и послѣдовательно. Запоздалось яви-

лась, вслѣдствіе давленія руководителей христіанской доктрины, съ одной стороны, а съ другой и отсталые идеологи талмудисты предостерегаютъ евреевъ отъ вліянія на нихъ европеизма; имъ необходимо сохраненіе еврейства въ библейской психологіи и обычаяхъ. Я вѣрю, что не пройдетъ и одного столѣтія, когда еврейство совершенно ассимилируется въ тѣхъ странахъ, которыя сдѣлались его второй родиной. Вѣдь на нашихъ же глазахъ у евреевъ исчезаютъ курьезныя одежды, прически, нелѣпые обычаи и т. д. Ничего не подѣлаютъ ни патеры, ни цадики! (духовное лицо у евреевъ). Народъ, который въ 100 % грамотенъ, силенъ въ борьбѣ, и никакіе хулиганы его роста не остановятъ ни въ Россіи, ни внѣ ея.

Простите, господа! Вы просили высказаться еврея, онъ и разсказалъ вамъ, что думаетъ онъ и всѣ ему подобные. Демонстрантамъ, которые, провожая выступавшаго на погромномъ процессѣ Соколова, пожелали выразить сочувствіе евреямъ и протестъ за совершившееся въ Кишиневѣ — мой низкій поклонъ, — заключилъ Лившицъ.

Наступила пауза. Лившицъ сѣлъ и въ изнеможеніи опустилъ голову.

— Да, — сказалъ прокуроръ, — говорили вы нутромъ и потому во многомъ убѣдительно, но не скрою, хотя я и на вашей сторонѣ по вопросу о погромахъ, но въ каждой фразѣ вашей чувствовалось, что вы одно, а мы другое и что для пониманія нами другъ друга чего то не достаетъ.

Вскорѣ губернаторъ и прокуроръ ушли, а мы

продолжали игру, которая не клеилась, такъ какъ Лившицъ о чемъ то сосредоточенно думалъ и былъ разсѣянъ.

— О чемъ вы думаете? — спросилъ я, на что Лившицъ отвѣтилъ:

— Подобные разговоры мнѣ очень тяжелы, и вы, вѣроятно, замѣтили, что я упорно всегда переводилъ нашу бесѣду на другую тему, когда затрагивался еврейскій вопросъ. До чего мы можемъ съ вами договориться? Только до споровъ, которые могутъ отразиться на нашихъ добрыхъ отношеніяхъ.

Стукъ въ дверь. Вошелъ полиціймейстеръ, полковникъ Рейхартъ, бывшій жандармскій офицеръ и Рижскій полиціймейстеръ, маленькій, подтянутый старикъ, бритый, съ большими кавалерійскими усами, которые онъ постоянно разглаживалъ; какъ очень маленькаго роста человѣкъ, онъ пыжился и казался очень суровымъ. Въ дѣйствительности-же, хотя и строгій педантъ на службѣ, онъ былъ добрѣйшимъ существомъ. Съ Лившицомъ онъ былъ на ты, и они, быстро сойдясь, были очень дружны.

— Что вы надулись, какъ мыши на крупу и оба молчите?

— Да такъ, — отвѣтилъ Лившицъ, — сейчасъ тутъ были Урусовъ и Горемыкинъ, затронули тему объ евреяхъ; я говорилъ, волновался и увидѣлъ, что многаго они понять не могутъ, хотя, какъ носители власти, исключительно хорошіе люди.

— А ты, когда находишься въ обществѣ губернатора и прокурора, больше слушай и держи языкъ

за зубами. Мы чиновники, а ты обыватель и еврей; у насъ психологія различная и очень сложная. Поужинаемъ, поиграемъ въ винтъ, и я тебя завезу домой.

ГЛАВА 7.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРІЕМЫ РОЗЫСКА

Всѣ политическія группировки, покушавшіяся на существовавшій государственный строй, путемъ заговора, соблюдали конспирацію, какъ основное начало и въ работу посвящались лишь лица причастныя непосредственно къ тому или иному дѣйствію. Лица высшихъ организацій появлялись въ низшихъ всегда подъ псевдонимами, которыми вообще широко пользовались въ революціонной работѣ. Особое вниманіе обращалось на переписку о серьезныхъ дѣлахъ, распоряженіяхъ, адресахъ и партійныхъ предпріятіяхъ, которые излагались осторожно, условными выраженіями, шифромъ и химическимъ текстомъ. Активные работники, зачастую, жили по нелегальнымъ паспортамъ и для корреспонденціи своими квартирами не пользовались, почему она имъ направлялась на адреса лицъ, стоящихъ внѣ подозрѣній («чистые адреса»).

Вели они замкнутый образъ жизни, избѣгали излишнихъ встрѣчъ другъ съ другомъ, постоянно слѣдили за собой во время разговоровъ и обращали серьезное вниманіе, чтобы на случай обнаруженія ихъ работы полиціей, при производствѣ обыска, не

было бы найдено уличающаго матеріала противъ нихъ и ихъ товарищей. Адреса, переписка и литература хранились въ самыхъ скрытыхъ и, подчасъ, невѣроятныхъ мѣстахъ: за плинтусами, въ стѣнахъ, въ уборныхъ, прикрѣплялись снизу или подъ сидѣніями мебели и т. п. Зачастую адреса отмѣчались и на стѣнахъ, подъ видомъ цифровыхъ хозяйственныхъ записей. Кромѣ того, активные работники всегда старались убѣдиться, нѣтъ ли за ними наружнаго наблюденія, для чего «провѣряли» встрѣчныхъ, какъ идя по улицѣ такъ и находясь у себя дома. Въ предвидѣніи ареста, или прихода въ квартиру полиціи, обыкновенно, въ окнѣ выставлялся условный знакъ, запрещавшій туда входъ членамъ партіи (лампа, или какой либо другой предметъ), спускалась или подымалась занавѣска, принимала опредѣленное положеніе ставня и т. п.

На случай заключенія подъ стражу, революціонеры знали азбуку, введенную еще Рылѣевымъ, при помощи которой, перестукиваясь, арестованные общались между собою. Эта азбука состояла изъ 30 буквъ, помѣщенныхъ въ шести рядахъ и пяти колонкахъ. Число первыхъ ударовъ указывало рядъ, число вторыхъ — колонку, — пересѣченіе давало букву.

Конечно, самымъ существеннымъ дѣломъ въ конспираціи это скрытіе текущей работы партіи и организацій, а равно и способовъ ея осуществленія.

Однимъ изъ наиболѣе надежныхъ способовъ сокрытія работы отъ розыска, было исполненіе задуманнаго дѣла отдѣльными, другъ друга не знающи-

ми группами. Централизація достигалась общеніемъ только групповыхъ выборныхъ, которые, по восходящей линіи, представляли собой районные, городскіе, областные, центральные комитеты и, наконецъ, съѣзды. Верхи партій почти всегда находились за границей и сношеніями съ ними координировалась вся работа. Только внѣ досягаемости русской власти допускалась централизація матеріаловъ партій, да и то по отдѣламъ; на мѣстахъ же письменный матеріалъ доведенъ былъ до минимума и преимущественно зашифрованный, но нѣтъ еще такого шифра, который нельзя было бы расшифровать. Веденіе адресныхъ реестровъ признавалось всегда недопустимымъ.

При такомъ порядкѣ со стороны исполнителей требовалось много выдержки, добровольнаго, сознательнаго и безпрекословнаго подчиненія, чѣмъ и отличались революціонныя организаціи въ Россіи. Поэтому при ликвидаціяхъ, обыкновенно, гибла только часть или одна группа партіи, которую, при существованіи цѣлой системы организацій, возсоздать было нетрудно.

Въ связи съ изложеннымъ, слѣдуетъ отмѣтить умѣніе революціонеровъ использовать «легальныя возможности», въ цѣляхъ пропаганды. Союзы, библіотеки, фабричныя школы и иныя общественныя организаціи приноравливались къ цѣлямъ революціонныхъ или оппозиціонныхъ партій. Скрытая тактика лидеровъ революціоннаго движенія была подчасъ такъ разработана, что правительственная власть, учитывая весь вредъ длительной, оппози-

ціонной работы, въ то же время, не могла квалифицировать ни одного изъ проявляемыхъ такимъ образомъ дѣйствій, по какой либо статьѣ закона и часто становилась въ безпомощное положеніе. Такимъ путемъ организовывалась оппозиція, а затѣмъ создавались и революціонные кадры.

Къ слову сказать, такое явленіе наблюдалось и наблюдается теперь и въ другихъ государствахъ.

До революціи 1917 года въ Россіи самыми конспиративными партіями являлись тѣ, которыя создавались на національныхъ началахъ. Религія, народность, бытъ, національная психологія и воспитаніе спаивали сильнѣе, чѣмъ только доктрины классовой борьбы. Изъ среды такихъ образованій, чрезвычайно трудно было пріобрѣтать серьезныхъ секретныхъ сотрудниковъ, такъ какъ они должны были быть весьма сдержанными и осмотрительными. Національныя партіи относились весьма чутко къ неудачамъ своихъ предпріятій и, въ такихъ случаяхъ, у нихъ всегда являлись опасенія — нѣтъ ли въ ихъ средѣ «провокатора», а потому старались еще тщательнѣе подвергнуть провѣркѣ другъ друга и усугубить конспирацію. Въ случаѣ же обнаруженія «сотрудника розыска», онъ предавался смерти, иногда даже при невѣроятныхъ обстоятельствахъ.

Особое вниманіе своею конспираціею и интенсивной работой обращали на себя: 1) еврейская партія «Бундъ», 2) армянская «Дашнакцютунъ» и 3) польская соціалистическая партія (революціонная фракція).

Меньшевики Россійской соціалъ-демократиче-

ской рабочей партіи слишкомъ разбрасывались въ своей дѣятельности и группировки ихъ являлись менѣе конспиративными, вслѣдствіе чего легко и скоро разоблачались. Соціалисты-революціонеры также особой конспираціей не отличались за исключеніемъ ихъ боевыхъ выступленій, направленныхъ къ совершенію убійствъ должностныхъ лицъ и ограбленію казначействъ, банковъ, кассъ и тому подобное. Что же касается коммунистовъ, то о ихъ конспиративной дѣятельности приходится говорить уже съ иной точки зрѣнія, такъ какъ изъ наблюдаемыхъ они превратились въ наблюдающихъ.

Въ современной Россіи политическій розыскъ развитъ въ высшей степени и никогда и нигдѣ не былъ такъ широко поставленъ, какъ при коммунистической диктатурѣ.

Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что не только специально-розыскное совѣтское учрежденіе, такъ называемое государственное политическое управленіе, ведетъ дѣло сыска, но и каждый членъ коммунистической партіи.

Коммунистическая партія есть своего рода круговая порука и, конечно, каждый членъ партіи, гдѣ бы онъ ни былъ и чѣмъ бы ни занимался, въ первую очередь, озабоченъ сохраненіемъ партіи, а слѣдовательно и себя, для чего выясняетъ и предаетъ враговъ совѣтской власти.

Въ итогѣ русская эмиграція находится подъ постояннымъ наблюденіемъ секретныхъ сотрудниковъ совѣтскаго ГПУ, и, если умѣло порыться, то ихъ можно найти во всѣхъ безъ исключенія, эми-

грантскихъ организаціяхъ, учрежденіяхъ и предпріятіяхъ.

Что же касается корреспонденціи, адресованной изъ за границы въ Россію и обратно, то она перлюстрируется и мало-мальски необдуманно составленная, влечетъ за собою разстрѣлы адресатовъ и репрессіи, направленныя на ихъ среду.

Если въ политической работѣ секретнаго характера, искусство и конспирація являются неизбѣжными требованіями, то при такой работѣ въ С.С.С.Р. они становятся положительно необходимыми, иначе человѣческія головы летятъ гораздо раньше, чѣмъ они смогутъ что нибудь сдѣлать.

ГЛАВА 8.

ИЗЪ ДНЕЙ РЕВОЛЮЦІИ 1905 ГОДА.

Закончивъ въ Одессѣ дознаніе о группѣ соціалистовъ-революціонеровъ, я былъ назначенъ въ Ростовъ на Дону начальникомъ охраннаго отдѣленія, которое принялъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1905 года.

Мой предшественникъ, подполковникъ Аплечеевъ былъ утомленъ, нравственно издерганъ и очень опечаленъ убійствомъ его друга, жандармскаго подполковника Иванова, старика, прослужившаго 25 лѣтъ на желѣзной дорогѣ, не понимавшаго и не любившаго «политики». Онъ со дня на день, ждалъ приказа объ увольненіи въ отставку, мечтая поселиться въ деревнѣ, но его выслѣдили и, у самой две-

ри его квартиры, разстрѣляли. Убійцами были два брата, 17 и 18-лѣтніе, сыновья рабочаго, которыхъ удалось тотчасъ же арестовать. Наслышавшись на митингахъ, что жандармы враги народа, они, по собственной инціативѣ, рѣшили убить Иванова.

Градоначальникъ, престарѣлый генералъ Пиларъ, имѣлъ свои сужденія, сводившіяся къ тому, что все обстоитъ благополучно и что никогда и ни съ кѣмъ не слѣдуетъ обострять отношенія: «насъ не трогаютъ, и мы не должны никого трогать» и т. п.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ революціонерами была организована колоссальная уличная демонстрація. Пиларъ своевременно былъ объ этомъ освѣдомленъ и я ему представилъ списки главарей, подлежащихъ аресту, въ предупрежденіе этого и другихъ выступленій, но онъ отъ этой мѣры воздержался, какъ слишкомъ крайней.

Бушующая толпа, въ которой виднѣлись красные флаги, запрудила главную улицу Ростова и направилась къ тюрьмѣ. Полиція заняла наблюдательную позицію невмѣшательства. У тюрьмы произошло побоище между портовой чернью и демонстрантами. Среди послѣднихъ нѣсколько человѣкъ были избиты и двое убито. Еврейка, несшая знамя, лежала на землѣ съ воткнутымъ, черезъ горло, древкомъ краснаго флага. Тогда Пиларъ послалъ къ тюрьмѣ казаковъ, которые уже тамъ никого не застали, всѣ разбѣжались и скрылись по своимъ жилищамъ.

На утро, мнѣ доложили, что на дорогѣ изъ Нахичевани (почти слившійся съ Ростовомъ городъ),

въ Ростовѣ формируется патрiотическая демонстрацiя. Появился портретъ Царя, начали сосредоточиваться массы портовыхъ рабочихъ и оборванцевъ. Я телефонировалъ Пилару, докладывая о недопустимости этой демонстрацiи и необходимости немедленно ее разогнать, въ предупрежденiи дебоша и еврейскаго погрома. На это Пиларъ отвѣтилъ: «Мнѣ все извѣстно, не безпокойтесь!». Видя, что начинается неразбериха, не исключающая эксцессовъ и съ лѣвой стороны, я собралъ весь составъ охраннаго отдѣленiя, вооружилъ его, и приказалъ не расходиться, а въ случаѣ нападенiя на отдѣленiе, не стѣсняясь, стрѣлять.

Во время этихъ распоряженiй, приходитъ молодцеватый солдатъ, еврей, съ Георгiевскимъ крестомъ «за храбрость», и докладываетъ, что онъ въ отпуску послѣ раненiй, полученныхъ на Японскомъ фронтѣ и проситъ его и его семью укрыть въ усадьбѣ охраннаго отдѣленiя. Въ городѣ паника и всѣ евреи опасаются погрома, сказалъ онъ.

Не болѣе, какъ черезъ полчаса всѣ службы нашего особняка были переполнены евреями, жестикулирующими и плачущими.

Мимо моихъ оконъ проходитъ сѣрая масса черни, впереди несутъ два образа и портретъ Государя. Проходитъ часъ другой и мнѣ докладываютъ, что толпа громитъ на базарѣ лавки и что ее разгоняетъ полицiя.

По Большой Садовой, идутъ непрерывно со стороны базара люди, неся въ рукахъ различные предметы обихода. Какой то пьяный тащитъ, связанныя

трубы граммофона, тащатъ зеркала, подушки, ночные столики и т. п. Одинъ типъ тянетъ по тротуару, перевязанный веревкой, коммодъ, останавливается, вытираетъ потъ и тащитъ дальше. Опять звоню градоначальнику, говоря, что необходимо выслать засады, чтобы отбирать награбленное имущество и арестовывать грабителей, опять получаю отвѣтъ: «Не безпокойтесь!», что надо понимать: «Не ваше дѣло!». Но засады были, всетаки, организованы и, работая усердно, отобрали цѣлыя горы награбленныхъ вещей.

Въ то время по площади перебѣгалъ молодой еврей. Завидя его, хулиганы останавливаютъ его, обыскиваютъ, находятъ револьверъ, схватываютъ, съ силою подбрасываютъ вверхъ и онъ падаетъ на мостовую. Претерпѣвъ это бросаніе нѣсколько разъ, человѣкъ обратился въ мѣшокъ съ костями.

Къ вечеру пріѣзжаетъ ко мнѣ полиціймейстеръ Прокоповичъ; его сопровождаетъ нѣсколько конныхъ стражниковъ. Высокій толстякъ, въ дымчатыхъ очкахъ, онъ показываетъ мнѣ свою прострѣленную шинель.

— Стрѣляла по мнѣ еврейская самооборона, — говоритъ онъ, — и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ къ градоначальнику, который насъ ждетъ.

На улицахъ темно и пусто. Городъ словно вымеръ.

Пріѣзжаемъ. Пиларъ сидитъ у телефона, тутъ же его чиновники для порученій.

— Опять начался грабежъ, — говоритъ онъ и продолжаетъ что-то писать, садясь за столъ.

Вновь телефонъ. Пиларъ проситъ меня подойти. Говоритъ приставъ, докладывая, что въ центрѣ города разбиваютъ обувный магазинъ. Пиларъ проситъ меня передать, чтобы приставъ принялъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію безобразій. Я передаю: «Градоначальникъ приказалъ принять рѣшительныя мѣры». А на вопросъ пристава: «Какія именно мѣры?» — отвѣчаю: «Немедленно разстрѣливать хулигановъ на мѣстѣ!». Но Пиларъ буквально вырываетъ трубку изъ моихъ рукъ, отмѣняетъ мой приказъ о разстрѣлѣ и говоритъ о задержаніи и преданіи суду. По репликамъ Пилара ясно, что приставъ докладываетъ о томъ, что при приближеніи полиціи, хулиганы, завидя ее издали, разбѣгаются, такъ что никого не удается арестовать, но лишь только полиція удаляется, они вновь продолжаютъ свое дѣло.

Возвращаюсь домой, а Пиларъ ѣдетъ въ мѣстный клубъ «оріентироваться въ общественномъ настроеніи».

На другой день узнаю, что, разговаривая съ собравшимися въ клубѣ, градоначальникъ просилъ быть съ нимъ откровеннымъ, тогда ему и наговорили много непріятныхъ для его самолюбія и положенія словъ, съ обвиненіемъ въ попустительствѣ и бездѣйствіи власти.

Между тѣмъ, событія развернулись въ дальнѣйшемъ весьма быстро: готовится общая желѣзно дорожная забастовка, соціалъ-демократы ведутъ усиленную пропаганду, всюду выступаютъ ораторы, которые пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ,

чтобы проникнуть въ казармы и на заводы, собираютъ тамъ рабочихъ и солдатъ, произносятъ захватывающія рѣчи и скрываются. Выступаетъ также Конституціонно-Демократическая партія, впослѣдствіи партія Народной Свободы, сокращенно называемая «Каде», объявляя себя солидарной съ выступленіями революціонныхъ партій; инженеры, адвокаты, учителя, публицисты и лица другихъ профессій, входившія въ названную партію, оказываютъ, чѣмъ могутъ, содѣйствіе революціоннымъ проявленіямъ. Пресса свободно излагаетъ революціонныя стремленія и поощряетъ выступленія. У градоначальника появляются лица, съ требованіемъ освобожденія политическихъ арестованныхъ, того же требуютъ отъ жандармскаго офицера. Въ партіи выявляется лѣвое крыло, съ открытымъ стремленіемъ къ республиканскому образу правленія, правое же, остается на платформѣ конституціонной монархіи.

Я пишу въ Петербургъ, съ подробнымъ изложеніемъ всего происшедшаго, съ просьбой приказать градоначальнику произвести требуемые аресты. Получается отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Дурново, телеграмма, но уже поздно: на квартирахъ, намѣченныхъ къ аресту, лицъ не оказывается — они всѣ на баррикадахъ, за полотномъ желѣзной дороги, въ предмѣстьѣ Темерникѣ. Революція въ полномъ разгарѣ. Ходятъ только поѣзда съ революціонерами, товарное и пассажирское движеніе замерло. Пиларъ отрѣшенъ отъ должности и сказался больнымъ. Власть переходитъ къ казачьему под-

полковнику Макѣеву, человѣку рѣшительному, уравновѣшенному и со здравымъ смысломъ.

Распропагандированный пѣхотный полкъ выводится изъ Ростова походнымъ порядкомъ по направленію къ Новочеркасску. Остается казачья сотня и два артиллерійскихъ орудія. Въ зданіи театра митингъ, съ баррикадъ стрѣляютъ, среди обывателей есть убитые и раненые. При взятіи казаками вокзала, раненъ офицеръ. Митингъ разогнанъ артиллерійскими снарядами, но баррикады держатся.

Подъ утро, неизвѣстный подкрался къ казачьему патрулю у воротъ казармъ и бросилъ бомбу. Отъ взрыва у однюго казака оказалась размозженой нога, а другой тяжело раненъ въ животъ. Казаки озвѣрѣли. Макѣевъ это учелъ, говоря: надо быть съ казаками осмотрительнымъ и не выпускать ихъ изъ рукъ: мало мальски не досмотрѣть и могутъ пострадать обыватели.

Вечеромъ мимо тѣхъ же казармъ, полицейскіе, вели въ участюкъ задержаннаго студента Когана, у котораго было удостовѣреніе революціоннаго Краснаго Креста. Казакъ у воротъ, завидѣвъ арестованнаго интеллигента, подалъ тревогу, и, какъ вихрь, на улицу выбѣжало человѣкъ двадцать казаковъ, отбили арестюваннаго отъ полиціи, и, черезъ нѣсколько минутъ, на снѣгу, лежалъ растерзанный трупъ Когана.

Ночью, секретный сотрудникъ «Саша» далъ мнѣ знать по телефону, что рѣшено оставить баррикады и уйти вооруженными за Донъ. Телефонирую Макѣему, что отступающихъ можно оцѣпить и задержать,

ню оказалось, что казаки и лошади такъ переутомились за двое сутокъ непрерывной работы, что этого сдѣлать было нельзя.

Полиція сбилась съ ногъ. Въ теченіи дня были случаи, что по полиціи стрѣляли изъ оконъ и съ балконовъ. Полиція также стрѣляла и убила на балконѣ одного человѣка. На своей квартирѣ, убитъ помощникъ пристава Снѣсаревъ. Убійцы въ числѣ пяти человѣкъ ворвались въ столовую и разстрѣляли полицейскаго на глазахъ его жены и дѣтей.

Макѣевъ проситъ выяснить, гдѣ засядутъ отступающіе, чтобы на зарѣ ихъ оцѣпить, обезоружить и арестовать. На соборную колокольню, откуда далеко видны всѣ окрестности, послано мною три филера, которые должны наблюдать въ бинокль, если можно что-нибудь увидѣть: ночь хотя и лунная, но небо облачное. Черезъ часъ прибѣгаетъ одинъ изъ наблюдающихъ и говоритъ, что съ баррикадъ сначала доносились крики и громкій разговоръ, а затѣмъ группа людей, направляется къ Дону. Сколько ихъ, невозможно выяснить, т. к. тогда только и видно, когда луна выглянетъ изъ-за тучъ.

Маленькій сѣренькій человѣчекъ филеръ Марковъ теперь неузнаваемъ: наблюденіе его захватило, глаза горятъ, рѣчь твердая, опредѣленная и онъ проситъ разрѣшенія пойти прослѣдить революціонеровъ, назначивъ ему въ помощь другого филера, Иванова. Оба уходятъ... Вновь свѣдѣнія съ колокольни: перешли по мосту Донъ, ихъ всего человѣкъ 20-30, въ началѣ было больше, но постепенно многіе ушли.

Свѣтаетъ... Макѣевъ спрашиваетъ, какъ дѣла? и говоритъ, что сотня казаковъ и два орудія ждутъ распоряженія о выступленіи. Прибѣгаетъ Марковъ и докладываетъ, что отступившіе съ баррикадъ, частью вооруженные винтовками, еле дотащились, устало волоча ноги, до помѣщенія Аксайскаго земледѣльческаго завода. Нѣкоторые въ рукахъ имѣли бомбы, судя по осторожности съ какой они несли свертки.

— Безъ малаго не выдала меня собака, г. начальникъ, сказалъ Марковъ. Подойдя близко къ идущимъ, я спрятался за заборомъ, какъ вдругъ она подбѣжала ко мнѣ съ громкимъ ворчаніемъ и начала скалить зубы. Я смѣло подошелъ къ ней и ее обласкалъ. Она замолкла и стала лизать руки.

Вдругъ, вдалекѣ раздался взрывъ. Затѣмъ Ивановъ докладываетъ по телефону, что на заводѣ Аксай произошли врывы: сначала одинъ, затѣмъ другой. Оттуда раздались крики и стоны, которые теперь, почти затихли.

Съ нарядомъ полиціи и докторомъ я отправился туда. Въ сараѣ, на полу распростерты изуродованные трупы. Одинъ изъ нихъ, ребенокъ лѣтъ 10-12, въ какой-то ватной кофтѣ, съ вывалившимися внутренностями.

— Вотъ и Ростовскій Гаврошъ! *) сказалъ докторъ, беря маленькую безжизненную руку дитяти.

Слышны стоны тяжело раненыхъ. Одинъ изъ

*) Типъ уличнаго мальчика, выведеннаго В. Гюго въ романѣ «Les misérables».

нихъ объяснилъ, что кто то изъ нихъ, по неосторожности, уронилъ бомбу, она взорвалась, а по детонаціи взорвались другія и бывшій съ ними динамитъ. Вскорѣ умерли и раненые.

Такъ закончилась въ Ростовѣ на Дону революція 1905 года.

Всего въ сараѣ умерло шестнадцать человѣкъ, но ихъ единомышленники притаились и на похоронахъ не появились.

Вотъ маленькая картина нѣсколькихъ дней революціи 1905 года, въ провинціальномъ городѣ Но что же было во всей Россіи?

Было то же, что въ Ростовѣ на Дону и во всѣхъ южныхъ городахъ Россіи, но на сѣверѣ не было еврейскихъ погромовъ. Чѣмъ населеніе города было больше, тѣмъ крупнѣе были выступленія и шире проявлялась дѣятельность войскъ и администраціи въ подавленіи эксцессовъ.

Начались репрессіи, вплоть до посылки карательныхъ отрядовъ. Революціонныя партіи, все-таки, не сдались, организовывая подполье и проводя терроръ. Съ конца 1905 года и до 1906 былъ совершенъ рядъ покушеній и убійствъ на всей территоріи Россіи. Убивали: жандармскихъ офицеровъ, полицейскихъ, губернаторовъ, министровъ.

Масса арестованныхъ. Большинство на допросахъ молчало, но нѣкоторые словоохотливые старались бросить суду или слѣдователю свои мысли и убѣжденія, которыя можно резюмировать такъ:

Революція не проиграна, т. к. вырвала у правительства манифестъ 17 октября 1906 года, который, хотя и не далъ конституціи, но создалъ

трибуну для вождей освободительнаго движенія; революція указала, что возставшій пролетаріатъ находился въ рукахъ вожаковъ, дѣйствуя ярко и единодушно; что скоро будетъ вновь революція, которая сотретъ слабое ненавистное правительство; что всякое выступленіе, даже частное, закаляетъ рабочія и крестьянскія массы и указываетъ имъ, какъ трусливо реагируютъ на нихъ уступками и хозяева предпріятій и власти. Пролетаріатъ убѣдился, что власть не такъ страшна, какъ онъ это себѣ представлялъ и, наоборотъ, что революціонныя партіи представляютъ собою мощную силу, которую пролетаріатъ до того времени не сознавалъ.

— Революція окрылила насъ и мы вѣримъ въ ея побѣду! заключилъ свою рѣчь впослѣдствіи въ Одессѣ, одинъ изъ обвиняемыхъ.

Правительство въ 1905 году сразу растерялось отъ неожиданности, а вѣрнѣе, отъ молніеносной быстроты, съ которой созрѣвали событія съ массовыми революціонными выступленіями по всей Имперіи. Оно допустило даже сформированіе въ Петербургѣ «Совѣта рабочихъ депутатовъ», но вскорѣ оправилось и, проявляя планомѣрную полноту власти, возстановила свой престижъ.

Въ 1906 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново составилъ всеподданнѣйшую записку, въ которой, намѣтивъ рядъ реформъ, весьма мрачно взглянулъ на будущее, заключая, что, если впредь будутъ допущены выступленія, подобныя 1905 года, то правительство съ ними не справится и въ предвидѣніи нарисовалъ полную картину гряду-

щей революціи, отмѣчая также, что радикальная интеллигенція у насъ такъ слаба, что не способна будетъ удержать въ своихъ рукахъ власть, которая перейдетъ тотчасъ же въ руки крайнихъ революціонныхъ элементовъ.

ГЛАВА 9.

АРМЯНКА.

Высокій, стройный, бритый шатенъ, лѣтъ 26, Иванъ Петровичъ Степановъ пріѣхалъ въ Ростовъ на Дону въ сентябрѣ 1906 года, изъ города Керчи. Тамъ онъ работалъ въ качествѣ секретнаго сотрудника подъ псевдонимомъ «Сальто», каковой и остался за нимъ при работѣ со мною. Раньше «Сальто», много лѣтъ, былъ клоуномъ и акробатомъ въ бродячихъ циркахъ. но сломалъ ногу и его артистическая карьера закончилась.

За свою жизнь въ циркѣ, Сальто привыкъ бродить, его тянуло странствовать, но свои путешествія онъ не могъ теперь, какъ въ циркѣ, связывать съ заработкомъ. Онъ былъ уменъ и ловокъ, сохранилъ изъ прежней профессіи умѣнье располагать къ себѣ, разсказывая смѣшныя исторіи. Передъ каждымъ своимъ переѣздомъ, онъ бралъ рекомендаціи отъ мѣстной революціонной организаціи, благодаря которымъ на новыхъ мѣстахъ тотчасъ же заводилъ связи въ революціонныхъ кругахъ. Иногда же ему удавалось добыть мѣстную партійную печать и тогда онъ самъ составлялъ себѣ мандаты, открывавшіе ему доступъ къ коспиративнымъ, даже боевымъ, группамъ. Осо-

бенно онъ увлекался раскрытіемъ складовъ оружія и бомбъ, изучая еще неразработанные адреса, которые были отмѣчены въ охранномъ отдѣленіи.

Для начала Сальто рѣшилъ обратить свое вниманіе на нѣкоего армянина, по фамиліи Аванесова, по профессіи столяра, проживающаго въ городѣ Нахичевани, сосѣднемъ съ Ростовомъ на Дону. Сальто зналъ немного токарное ремесло и пришелъ къ Аванесову подъ предлогомъ поиска работы, прося нанять его подмастерьемъ, хотя бы только за столъ и уголъ для жилья. Токарь однако, не согласился воспользоваться такимъ дешевымъ трудомъ, изъ чего Сальто понялъ, что онъ боится пустить къ себѣ посторонняго человѣка, хотя работы въ мастерской было и много. Онъ перемѣнилъ тогда тактику, — онъ политическій дѣятель, власти его розыскиваютъ, онъ живетъ по фальшивому паспорту и умоляетъ его укрыть. Тутъ же онъ показываетъ Аванесову мандатъ отъ организаціи соціалистовъ-революціонеровъ. Какъ измѣнилось тотчасъ же настреніе токаря. Сальто принятъ и радуетъ хозяина своей усердной работой. Но вѣдь Сальто нетолько подмастерье, онъ политическій дѣятель, и, по матери армянинъ; по вечерамъ токарь, уводилъ его въ пивную, заводя длинные политическіе разговоры. Сальто умѣетъ говорить и разсмѣшить. Мало по малу развязывается языкъ и у хозяина, задѣто его самолюбіе: онъ тоже не никто, а членъ боевой армянской партіи Дашнакцутюнъ.

Днемъ Сальто работаетъ. Входитъ неизвѣстный молодой человѣкъ, повидимому, кліентъ, такъ какъ

съ хозяиномъ не здоровается, а проситъ образцы издѣлій. «Но что-то эти образцы его не интересуютъ», думаетъ Сальто, усердно предлагая ихъ посѣтителю. Вдругъ молодой человѣкъ переходитъ на армянскій языкъ, который Сальто немного понимаетъ. — «Выйдемъ», говоритъ посѣтитель хозяину. Аванесовъ рѣшилъ иначе, и, сообразуясь со словами заказчика, онъ велитъ подмастерью немедленно бѣжать въ городъ за матеріаломъ. «Такъ, они желаютъ говорить безъ свидѣтеля», рѣшаетъ Сальто, но, какъ ни досадно ,отказаться отъ поѣздки въ городъ онъ не могъ. «Авось проболтается вечеромъ», утѣшаетъ себя Сальто, катя обратно съ покупками на трамваѣ. Вдругъ, на Садовой улицѣ, онъ замѣчаетъ того же оставленнаго въ мастерской молодого человѣка, идущаго съ пакетомъ въ рукахъ, и съ карманомъ оттопыреннымъ, какимъ-то предметомъ. Не выдержалъ Сальто, на всемъ ходу, съ былою рѣзвостью, соскакиваетъ онъ съ трамвая и бросается вслѣдъ за незнакомцемъ, нарушая тѣмъ грубо, технику розыска, недопускающую, чтобы секретный сотрудникъ бралъ бы на себя функціи филера, подвергая себя тѣмъ опасности быть «проваленнымъ». Вѣдь стоило незнакомцу обернуться и кончена новая профессія Сальто, кончена, можетъ быть, и сама его жизнь, но молодой человѣкъ, очевидно, торопился и задумался. Онъ шелъ быстро, перекладывая изъ руки въ руку тяжелый свертокъ и, наконецъ, скрылся въ подъѣздъ меблированныхъ комнатъ «Ялта», гдѣ, какъ потомъ выяснилось, онъ и жилъ.

Только тогда Сальто понялъ свою ошибку и сообразилъ, что его ждетъ хозяинъ. Почти бѣгомъ возвращается Сальто и влетаетъ въ мастерскую, гдѣ хозяинъ, при его внезапномъ появленіи, быстро отскакиваетъ отъ шкафа съ инструментами у стѣны. Рѣшительно, сегодня Сальто не можетъ выдержать своей роли. Онъ пристально смотритъ на полъ возлѣ шкафа, убѣждаясь по слѣдамъ пыли на полу, что его отставляли въ сторону. Хозяинъ въ первнюмъ состояніи. Онъ забываетъ, что передъ нимъ нетолько подмастерье, но и товарищъ-революціонеръ и грубо набрасывается на Сальто, спрашивая его, почему онъ какъ идіотъ уставился на полъ, послѣ того, что пропадалъ цѣлый часъ. Но «политическій дѣятель» не обиженъ, наоборотъ, въ немъ начинаетъ подыматься то чувство восторга, которое онъ испытывалъ когда-то передъ своимъ сальтомортале, предвкушая аплодисменты публики. Но это чувство теперь не радостное, а злорадное. Пусть злится хозяинъ, вѣрно ему досталось отъ того молодого человѣка за допускъ посторонняго лица въ мастерскую, но дѣло сдѣлано. — «не уйдешь теперь!» и Сальто жалко одного, что онъ не можетъ крикнуть этому армянину: все знаю!» и посмотрѣть, какъ этотъ членъ боевой партіи, этотъ рѣзко говорящій съ нимъ хозяинъ, перетруситъ. Времени терять нечего, онъ знаетъ уже довольно, чтобы отвѣтить грубо на грубость и уйти, обиженнымъ.

Въ тотъ же день, на конспиративной квартирѣ, Сальто описываетъ свои похожденія начальнику охраннаго отдѣленія, который находитъ, что

Сальто преждевременно оставилъ Аванесова. Такъ какъ дѣло касалось оружія, то, опасаясь его передачи въ дальнѣйшія, неизвѣстныя руки, рѣшено было, послѣ непродолжительнаго наблюденія за постояльцемъ номеровъ «Ялта», ликвидировать группу.

При обыскѣ въ мастерской токаря былъ обнаруженъ тайный, спрятанный въ стѣнѣ, ящикъ, скрытый шкафомъ съ инструментами, въ которомъ оказалось много револьверовъ и патроновъ. Въ гостиницѣ, при обыскѣ у молодого человѣка, обнаружено девять револьверовъ съ патронами. Очевидно, подготовлялся террористическій актъ. Но какой? Если бы Сальто выдержалъ долѣе свою роль, можетъ быть, онъ бы и узналъ, объ этомъ. Кромѣ того, его положеніе становилось опаснымъ, такъ какъ его легко могли заподозрить. На его счастье въ памятной книжкѣ молодого человѣка оказалось нѣсколько адресовъ, въ томъ числѣ и адресъ токаря, которому эта запись была предъявлена послѣ ареста, съ объясненіемъ, что она и была причиной таковаго. Такъ и революціонеры бывали иногда неосторожны.

Что же касается прочихъ адресовъ, указанныхъ въ книжечкѣ молодого человѣка, то всѣ проживавшіе по нимъ лица были обысканы но оставлены на свободѣ, за отсутствіемъ противъ нихъ какого либо компрометирующаго матеріала; тѣмъ не менѣе, за ними было установлено наблюденіе. Черезъ нѣсколько дней, утромъ, вниманіе филеровъ было привлечено поведеніемъ двухъ изъ этихъ наблюдаемыхъ. Одинъ изъ нихъ, въ теченіе

двухъ часовъ, гулялъ около государственнаго банка, другой же, въ это самое время, отправился на станцію Батайскъ, но не по желѣзной, а по грунтовой дорогѣ и посѣтилъ тамъ желѣзнодорожнаго сторожа. Къ полудню, эти наблюдаемые какъ бы исчезли, почему филеры сообщили по телефону въ охранное отдѣленіе: «товаръ утерянъ».

Въ два часа дня, несшій службу у зданія банка, филеръ спѣшно телефонировалъ, что при выносѣ мѣшковъ съ деньгами, внезапно появилась группа вооруженныхъ людей, въ числѣ коихъ были и упомянутыя выше лица, открыла стрѣльбу по конвою, изъ коихъ двухъ человѣкъ ранила и скрылась съ денежными мѣшками на извозчичьихъ пролеткахъ, направляясь къ Батайску.

Мобилизованными силами пѣшей и конной полиціи и засадами, въ отмѣченныхъ наблюденіемъ, квартирахъ, всѣ грабители были задержаны и деньги возвращены банку. Тѣмъ не менѣе, эта экспропріяція стоила двухъ жертвъ.

Всѣ задержанные оказались, пріѣхавшими изъ Баку, члены шайки именовавшейся «Черный Воронъ». Это были бандиты, ранѣе связанные съ бакинской группой Дашнакцутюнъ, почему и знали Аванесова. Оказалось, что послѣ ареста Аванесова и молодого человѣка съ оружіемъ, оставшіеся на свободѣ, купили оружіе у желѣзнодорожнаго служащаго на станціи Батайскъ.

Все это время Сальто, все-таки, находился въ крайне возбужденномъ состояніи, опасаясь, что его заподозрятъ въ предательствѣ. Не выдерживая неизвѣстности, онъ отправился въ тюрьму на

свиданіе, со своимъ прежнимъ хозяиномъ. Послѣдній довольно дружески его принялъ, заявивъ, что вначалѣ онъ было его заподозрилъ, но теперь знаетъ, что обязанъ своимъ арестомъ записной книжкѣ неосторожнаго молодого человѣка. Сальто продолжалъ навѣщать его, принося гостинцы и городскія сплетни.

Однажды, во время такого свиданія, онъ столкнулся со старухой армянкой, которой Аванесовъ ловко передалъ, незамѣтно для стражи, записку. Сальто не могъ узнать, что въ запискѣ и не хотѣлъ показать виду, что замѣтилъ передачу, но, со слѣдующаго дня, за старухой уже было установлено филеровское наблюденіе. Эта женщина и безъ того обращала на себя вниманіе своей наружностью, одеждой и связями съ партійными работниками. Высокая, худая, той особой костлявой худобой, которая свойственна многимъ восточнымъ женщинамъ подъ старость. Лобъ ея обрамлялся чрезвычайно блестящими сѣдыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ вышитой черной шелковой косынки, завязанной узломъ на шеѣ. Лицо изможденное, какого-то темно-желтаго, почти коричневаго оттѣнка, въ глубокихъ морщинахъ, съ крупнымъ носомъ и беззубымъ ртомъ, освѣщенное огромными, сохранившими живость и блескъ молодости, черными глазами. Умъ и проницательность свѣтились въ этихъ глазахъ. Увидѣвъ эту женщину, нельзя было не оглянуться, тѣмъ болѣе, что и нарядъ ея былъ необыченъ. Вся въ черномъ, съ длинной палкой-посохомъ въ рукѣ, такимъ посохомъ, какой носятъ обыкновенно монахи или

священники, она носила тяжелую, грубую обувь, которая, однако, не мѣшала ея чрезвычайно быстрой, энергичной походкѣ.

Возвращаясь съ Сальто изъ тюрьмы и узнавъ, что онъ по матери армянинъ, старуха разговорилась, разсказала, что она вдова армянскаго священника, что ей уже подъ восемьдесятъ лѣтъ, но что она до послѣдней своей минуты будетъ работать на пользу своей родины. Къ Аванесову она проявила мало сочувствія, считая, что Богъ его наказалъ за его непатріотическій поступокъ, выразившійся въ продажѣ бандитамъ партійнаго оружія. Изъ сказаннаго, Сальто естественно понялъ, что она близко знакома съ дѣломъ водворенія и храненія оружія. Къ себѣ Сальто она не пригласила, но, однажды, встрѣтивъ его на улицѣ, подозвала его къ себѣ и въ твердыхъ убѣдительныхъ словахъ, сказала, что онъ долженъ бросить всѣ другія революціонныя организаціи, которыя просто разбойничьи, и служить только армянскому народу, въ партіи Дашнакцутюнъ.

— Какъ ты, сказала она, молодой и здоровый, не поступилъ еще въ нашу партію? посмотри на меня!

Однако Сальто искренно былъ другихъ взглядовъ и считалъ себя русскимъ. Передавая мнѣ свои впечатлѣнія, онъ высказалъ, что отъ старухи слѣдуетъ держаться подальше, т. к. она очень хитра, подозрительна и проницательна, при безпредѣльной преданности партіи.

Дѣйствительно, въ конспиративной работѣ она должна была быть для своей партіи незамѣни-

мымъ работникомъ. Энергія, хитрость и осторожность этой женщины, которую называли «Мать», равнялась ея фанатичной вѣрѣ въ правоту не только національной армянской идеи, но и всѣхъ способовъ борьбы и добыванія средствъ для партіи, даже терроромъ. Къ ней мало кто заходилъ и то не надолго. На себя она почти ничего не тратила, хотя партія, очевидно, не жалѣя денегъ, поддерживала эту цѣнную работницу, «партійныя деньги священны», говаривала она въ своей средѣ, и жила картофелемъ, лукомъ и хлѣбомъ.

Ежедневно, по партійнымъ дѣламъ, она посѣщала, по крайней мѣрѣ, три дома, никогда не пользуясь ни извозчиками, ни трамваемъ. Выходя изъ своего дома, она всегда внимательно осматривалась, провѣряя нѣтъ ли за ней наблюденія и чуть замѣтивъ что нибудь подозрительное, возвращалась обратно и больше не показывалась. Она ходила быстро, внезапно оборачиваясь, затрудняя за собою наблюденіе.

Вдругъ, несмотря на то, что за ней наблюдали лучшіе филеры, ее перестали видѣть. Это могло означать или то, что она незамѣтно выѣхала изъ Ростова или, что она не выходитъ изъ дому по болѣзни. Во второмъ случаѣ, возникалъ вопросъ, чѣмъ же она тогда питается, такъ какъ никто къ ней не приходилъ и продуктовъ не приносилъ. Отъѣздъ же старухи въ неизвѣстномъ направленіи, незамѣченный филерами, долженъ былъ бы быть признаннымъ крупнымъ промахомъ для чиновъ розыска. т. к. очевидно, она могла выѣхать только, чтобы продолжать свою партійную дѣятельность

въ другомъ мѣстѣ, гдѣ незаподозрѣнная, могла многое натворить для террористической организаціи.

Я рѣшилъ поручить выясненіе дѣла филеру Ланидзе, кстати похожему на армянина, который, служа не болѣе года въ охранномъ отдѣленіи, обратилъ на себя вниманіе своей смѣтливостью, настойчивостью и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Я предоставилъ ему полную свободу дѣйствій, лишь бы онъ не «провалился», т. е. не навлекъ на себя подозрѣній. Ланидзе былъ польщенъ отвѣтственнымъ порученіемъ, узнавши, что старуха, прозванная филерами «Галка», была «серьезнымъ товаромъ», какъ опытная работница въ сферѣ транспортированія для партіи оружія. Притомъ, я предупредилъ Ланидзе, чтобы онъ не далъ завести себя за городъ, т. к. революціонеры это практиковали, отправляясь въ пустынныя мѣста, гдѣ и убивали неопытныхъ филеровъ. Ланидзе долженъ былъ приходить къ старшему филеру на квартиру, хотя бы ночью, а въ управленіе вовсе не являться. Вблизи домика, который занимала армянка, находился грязный, маленькій духанъ (кабачекъ). Ланидзе, не долго думая, нанялся туда кельнеромъ за ѣду, чердачное помѣщеніе и благодарность кліентовъ. Днемъ онъ непрерывно посматривалъ на домикъ и на второй день, вдругъ, замѣтилъ подъѣхавшаго извозчика, по наружности армянина, безъ сѣдока, но съ большой корзиной, которую онъ, съ видимымъ трудомъ, пронесъ къ воротамъ. Затѣмъ, позвонивъ, армянинъ нѣсколько разъ ударилъ кнутовищемъ по ка-

литкѣ, которая отворилась и Ланидзе увидѣлъ, съ радостью, съ которой охотникъ видитъ слѣды звѣря, старуху «Галку». Извозчику Ланидзе далъ кличку «Кучеръ» и запечатлѣлъ въ своей памяти его наружность и пятнадцатый № пролетки. Сказавшись внезапно больнымъ, Ланидзе поднялся на свой чердакъ «работать», т. е. наблюдать, такъ какъ, окно его помѣщенія находилось противъ воротъ «Галки». Подвязавъ голову и зубы, придавая себѣ страждущій видъ, чтобы убѣдить хозяина духана въ своей болѣзни, Ланидзе рѣшилъ ждать у окна дальнѣйшихъ событій. Онъ соображалъ такъ: извозчикъ зналъ условный знакъ, разъ онъ стучалъ въ ворота послѣ того, какъ позвонилъ; армянка поздоровалась съ нимъ, какъ со знакомымъ; если въ привезенной имъ большой корзинѣ есть что-нибудь интересное для партіи, то старуха должна будетъ дать объ этомъ знать кому нибудь, или кто нибудь къ ней придетъ. Было около 5 часовъ дня, когда онъ началъ свое наблюденіе, но часы проходили и Ланидзе, наконецъ, задремалъ въ ночной тишинѣ. Скрипъ калитки сразу разбудилъ его, какъ самый легкій звукъ будитъ людей, заснувшихъ съ напряженнымъ чувствомъ ожиданія. Въ темнотѣ онъ различилъ «Галку», которая, выйдя, оглянулась по сторонамъ и быстро пошла по улицѣ. Въ одинъ мигъ, филеръ былъ уже на улицѣ, успѣвъ сбросить свои повязки и надѣть калоши, чтобы идти безшумно. По пустыннымъ улицамъ Нахичевани раздавались быстрые шаги «Галки», которая увѣренно шла по направленію набережной Дона и вошла въ парадный подъѣздъ

дома, двери котораго не были заперты. Домъ принадлежалъ богатому торговцу фруктами, армянину Карапету. Затѣмъ старуха, все тѣмъ же бодрымъ шагомъ, посѣтила еще двухъ лицъ, оказавшихся впослѣдствіи желѣзнодорожнымъ служащимъ и учительницей, и возвратилась домой, а Ланидзе помчался къ старшему филеру. Они рѣшили, что «Галка» стала «ночной птицей» и что поэтому Ланидзе надо, оставаясь въ своемъ духанѣ, продолжать ночное наблюденіе. Трудное время настало для Ланидзе и двухъ филеровъ, назначенныхъ ему въ помощь. Ночное наблюденіе всегда сложно по техническимъ соображеніямъ и не безопасно, т. к. въ темнотѣ филеръ можетъ оказаться самъ подъ наблюденіемъ и въ засадѣ. Въ данномъ случаѣ, оно еще затруднялось неутомимостью «Галки», которая посѣщала разныя мѣста до разсвѣта или принимала посѣтителей. Наблюдая за старухой, удалось, такимъ образомъ, раскрыть цѣлую группу лицъ, причастныхъ къ транспорту на Кавказъ и въ Турцію оружія, а при обыскѣ ея квартиры была обнаружена упомянутая выше большая корзниа, наполненная патронами для винтовокъ военнаго образца. Въ виду ея преклоннаго возраста она арестована не была, что ее, повидимому, опечалило: ей хотѣлось, сказала она мнѣ, раздѣлить участь своихъ единомышленниковъ, пострадавшихъ въ борьбѣ за свое право. Націоналисткой она было убѣжденной; по ея мнѣнію каждый армянинъ былъ обязанъ съ дѣтства и всю жизнь, вплоть до глубокой старости, какъ она, содѣйствовать всѣмъ чѣмъ можно Дашнакцаканамъ, если не имѣлъ сча-

стья быть въ этой партіи. Надо было видѣть, какъ разгорѣлись ея, все еще прекрасные глаза, когда она заявила: «Когда человѣкъ любитъ свой народъ, онъ жертвуетъ всѣмъ, всѣмъ и смерть за свободу его, высшее счастье!» А кто такъ любить не можетъ, пусть лучше не живетъ»!

Партія, о которой съ такимъ энтузіазмомъ говорила преданная ей армянка, была основана въ городѣ Тифлисѣ въ 1890 году группою армянской интеллигенціи, преимущественно московскими и петербургскими студентами. Эта партія, объединивъ ряды существовавшихъ ранѣе партій, приняла названіе Дашнакцутюнъ, что означаетъ союзъ, члены же партіи назывались дашнакцаканами, т. е. союзниками. Цѣль этого союза заключалась въ борьбѣ съ турецкою властью за правовое положеніе, находящихся въ Турціи армянъ. Дѣйствительно, произволъ властей въ отношеніи этихъ людей былъ невѣроятный и доходилъ до того, что турки безнаказанно вырѣзывали населеніе цѣлыхъ деревень, до дѣтей и стариковъ включительно. Съ 1905 года, оставаясь вѣрна своей основной задачѣ, партія приближается къ русскимъ революціоннымъ партіямъ, главнѣйшимъ образомъ къ соціалистамъ-революціонерамъ, и создаетъ сильныя организаціи въ Ростовѣ, Нахичевани и другихъ городахъ, которыя, ведя широкую агитацію, изыскивали денежныя средства и оружіе для снабженія ими цѣлыхъ боевыхъ отрядовъ, оперировавшихъ въ предѣлахъ Турціи. Набѣги этихъ отрядовъ имѣютъ обширную исторію и о нихъ сложились даже народныя пѣсни, съ восхва-

леніемъ храбрости и отваги главарей. Ярко среди нихъ отмѣчены: нѣкіе Андраникъ, «Кери», «Хечо» «Дро», и другіе. Особенно памятно въ народѣ, какъ отрядъ (чета), сражаясь съ полудикимъ курдскимъ племенемъ Мазрикъ, наносившимъ постоянный вредъ армянамъ, совершенно его уничтожилъ; затѣмъ, какъ дашнакцаканы, среди бѣлаго дня, завладѣли въ Константинополѣ турецкимъ государственнымъ банкомъ (Оттоманскій банкъ) и оттуда начали диктовать турецкому правительству свои условія, причемъ дѣло уладилось только благодаря вмѣшательству русскаго посла.... но это было давно, до 1906 года...

Такіе налеты на турокъ армянскими четами, находившими пріютъ и базу на территоріи Россіи и Персіи, осложнили международныя отношенія и партія стала преслѣдоваться русскою властью, съ конфискаціею церковнаго имущества, т. к. выяснилось, что духовенство снабжаетъ партію оружіемъ и деньгами, укрываетъ разыскиваемыхъ и всячески содѣйствуетъ эксцессамъ.

Репрессіи противъ духовенства вызвали такое неудовольствіе, что партія, въ отвѣтъ на эти мѣропріятія, перешла къ террору, убивъ массу должностныхъ лицъ русской кавказской администраціи, отъ высшихъ до нисшихъ чиновъ.

Намѣстникъ Кавказа, графъ Воронцовъ-Дашковъ понялъ создавшееся положеніе и заключивъ, что власть не можетъ существовать, поддерживая такія обостренныя отношенія съ цѣлымъ народомъ, усмотрѣвшемъ въ репрессіяхъ противъ ду-

ховенства религіозное гоненіе, урегулировалъ этотъ вопросъ. Церковныя имущества были возвращены по принадлежности, а преступная дѣятельность виновныхъ стала подвергаться обычному преслѣдованію по закону.

Война съ Турціей показала лояльность армянскаго народа, который отважно сражался и проливалъ свою кровь бокъ о бокъ съ русскими солдатами. Въ особенности же прославился своими подвигами, во главѣ отрядовъ партіи дашнакцутюнъ, упомянутый «Дро», который, заходя въ глубокій тылъ турокъ, наносилъ имъ жесточайшіе удары.

Нельзя также обойти молчаніемъ, что съ провозглашеніемъ независимости Арменіи, тамошнее правительство, состоявшее въ большинствѣ изъ дашнакцакановъ, широко открыло двери бѣженцамъ русской безпартійной интеллигенціи и офицерству, которое было принято на службу, даже на отвѣтственные посты.

ГЛАВА 10.

КРАСАВЕЦЪ

Вечеромъ, лѣтомъ 1906 года я сижу въ клубномъ садикѣ, въ Ростовѣ на Дону и бесѣдую съ моими друзьями, въ ожиданіи ужина. Пріятно отдохнуть и отвлечься отъ непрерывной розыскной работы. Здѣсь — градоначальникъ генералъ Драчевскій, впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ, умершій при большевикахъ; командиръ порта, бывшій флотскій офицеръ Давыдовъ, потрясенный революціей 1917 года настолько, что сошелъ съ ума. Всѣ — люди интеллигентные и

пользовавшіеся не только уваженіемъ, но и любовью своихъ подчиненныхъ и лицъ, соприкасавшихся съ ними по службѣ и въ частной жизни. Но вотъ приходитъ мальчикъ и докладываетъ, что меня вызываютъ къ телефону. Говоритъ со мною завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ Семеновъ, вызывая меня въ отдѣленіе по спѣшному дѣлу, такъ какъ пришелъ заявитель и говоритъ, что у него имѣются серьезныя свѣдѣнія, для сообщенія только начальнику лично. При этомъ Семеновъ добавилъ, что заявитель скандалитъ и находится въ весьма возбужденномъ состояніи. Ѣду къ себѣ, вхожу въ пріемную и вижу, шагающаго изъ угла въ уголъ, человѣка выше средняго роста, лѣтъ 25, жгучаго брюнета, съ густыми вьющимися волосами, правильнымъ, съ горбинкой носомъ, красивымъ оваломъ лица и пушистыми усами; цвѣтъ кожи свѣтлобронзовый съ румянцемъ; глаза налиты кровью и взглядъ ихъ опредѣленно жестокій и возбужденный. Завидя меня, незнакомецъ остановился и на ломанномъ русскомъ языкѣ сказалъ:

— Ты начальникъ? (простолюдины кавказцы часто употребляютъ мѣстоимѣніе «ты» вмѣсто «вы»). Я имѣю къ тебѣ важное, очень важное дѣло. Я смирный человѣкъ, но меня здѣсь обидѣли, отнявъ ножъ и браунингъ.

На это Семеновъ отвѣтилъ:

— Хорошъ-смирный! Угрожалъ насъ всѣхъ перестрѣлять, если начальникъ сейчасъ не придетъ. Его съ трудомъ четыре человѣка обезоружили; лишь пять минутъ, какъ онъ сталъ успокаиваться.

Пришедшій нѣсколько сконфузился и произнесъ:

— Это ничего не значитъ, я спокойный человѣкъ!

Я повелъ его къ себѣ въ кабинетъ, куда вошелъ и Семеновъ.

— Не хочу разговаривать съ этимъ мужикомъ, сказалъ молодой человѣкъ, онъ хотѣлъ мнѣ пальцы переломать, когда я ему не давалъ браунингъ.

Семеновъ вышелъ.

— Меня зовутъ Захаръ, я армянинъ, на скотобойнѣ барановъ рѣжу; пришелъ къ тебѣ съ важнымъ дѣломъ, господинъ начальникъ.

— Ну и разсказывай свое дѣло, отвѣтилъ я.

— Партія Дашнакцутюнъ стала черезъ Ростовъ оружіе и патроны возить, но такъ умно, что полиція не знаетъ, а знаетъ Карагіянцъ, магазинеръ. Везутъ въ бочкахъ сахаръ и ружья. Везутъ ящики съ мыломъ, а тамъ и мыло и патроны... А кто ихъ получаетъ и какъ ихъ найти теперь не знаю, но все скажу потомъ, если хорошо будешь давать деньги!

Сговорились. Я далъ ему сто рублей, которые онъ у меня попросилъ и долженъ былъ платить по одному рублю за каждые обнаруженные по его свѣдѣніямъ револьверъ или винтовку, а за патроны по 50 копѣекъ съ фунта. Кромѣ того охранное отдѣленіе должно было уплачивать ему по сто рублей (50 долларовъ) въ мѣсяцъ, если его работа окажется добросовѣстной.

— Будь спокоенъ, свѣдѣнія первый сортъ! увѣренно сказалъ Захаръ.

Въ охранномъ отдѣленіи принимать его было нельзя, такъ какъ его могли выслѣдить члены означенной армянской революціонной партіи, а адресъ конспиративной квартиры давать такому неуравновѣшенному и пока неизвѣстному человѣку я опасался. Рѣшено было встрѣчаться съ нимъ на улицахъ, въ укромныхъ мѣстахъ и было назначено первое свиданіе черезъ три дня, на дорогѣ между городами Нахичевань и Ростовомъ.

Такимъ образомъ, Захаръ предложилъ свои услуги въ качествѣ секретнаго сотрудника, каковымъ и былъ принятъ мною подъ псевдонимомъ «Блондинъ». Я уговорилъ Захара помириться съ Семеновымъ. Онъ всталъ, простился со мною, сказавши: я очень тобою доволенъ! И, улыбнувшись буквально дѣтской улыбкой, вошедшему Семенову, подалъ ему обѣ руки и сказалъ, что онъ больше на него не сердится. Несмотря на одежду простолюдина-ремесленника, вся его фигура, постановка головы и лицо буквально поражали своей граціей, мужествомъ и красотою. Невольно напрашивался вопросъ: неужели только мелкія корыстныя побужденія заставляли этого красавца предавать своихъ земляковъ? При первомъ знакомствѣ задавать такіе вопросы небезопасно, такъ какъ можетъ произойти такая реакція, что заявитель, подъ вліяніемъ угрызенія совѣсти или другого чувства, сразу перестанетъ говорить. Я же преслѣдовалъ исключительно розыскныя цѣли, слѣдовательно и не занимался пробужденіемъ въ заявителѣ этическихъ побужденій, отвращающихъ его отъ первоначальныхъ намѣреній. Политиче-

ская борьба сложна и основана, конечно, не на сантиментальности противныхъ лагерей: враговъ власти — революціонеровъ, съ одной, и ихъ противниковъ, — съ другой.

Семеновъ вывелъ Захара изъ охраннаго отдѣленія, по пятамъ котораго пошли два филера, осторожно наблюдая за нимъ. Было около двухъ часовъ ночи, когда эти филеры возвратились съ докладомъ. Захаръ, которому филеры дали кличку «Красавецъ», простившись у воротъ нашего дома съ Семеновымъ, не поворачиваясь, быстро зашагалъ по Большой Садовой улицѣ и, свернувъ на Таганрогскій проспектъ, спустился къ рѣкѣ; на берегу, на бревнахъ, очевидно, въ ожиданіи Захара, сидѣлъ человѣкъ. Наружность этого человѣка нельзя было опредѣлить, такъ какъ ночь была темная и издали былъ виденъ только его силуэтъ, — высокій, худой, сутулый. Захаръ подошелъ къ нему и поздоровался. Ожидавшій его съ мѣста же началъ громко выговаривать Захару, что онъ запоздалъ. Неизвѣстный и Захаръ говорили по-армянски, но первый все переходилъ на русскую рѣчь. Голосъ его былъ сиплый, говорилъ онъ, какъ человѣкъ безъ зубовъ и задыхался. — «Вѣроятно старый человѣкъ» —. заключилъ филеръ Макаровъ. Затѣмъ они стали говорить тихо и разстались. При прощаніи Захаръ вынулъ что то изъ кармана и, повидимому, далъ неизвѣстному, послѣ чего послѣдній похлопалъ Захара по плечу и быстро скрылся въ темнотѣ, за бревнами, почему его не удалось взять въ наблюденіе; Захаръ, задумавшись, просидѣлъ на берегу около часа, затѣмъ

что то про себя пробормоталъ и, махнувъ рукою, направился къ скотобойнѣ, гдѣ и остался.

Утромъ, по телефону, мнѣ сообщилъ полицiймейстеръ, что магазинеръ, вѣдающiй на вокзалѣ прiемкой грузовъ, Карагiянцъ убитъ неизвѣстнымъ скрывшимся преступникомъ, который настигъ свою жертву недалеко отъ вокзала, въ безлюдномъ переулкѣ и, вонзивъ ей сзади въ шею финскiй ножъ, скрылся. Подозрѣнiе пало сначала на Захара Макарiянца, любовника жены покойнаго, но его алиби было установлено тѣмъ, что до восьми часовъ утра онъ билъ на скотобойнѣ барановъ, а затѣмъ находился съ рѣзниками въ чайной до девяти часовъ утра, убiйство же совершено было въ 7 часовъ 30 минутъ. Тотчасъ же командированы были мои люди для тщательнаго обыска въ бюро Карагiянца на желѣзной дорогѣ. на его квартирѣ и въ больницу для осмотра вещей, находившихся при покойномъ. Въ бумажникѣ, въ карманѣ пиджака Карагiянца, былъ найденъ клочокъ бумаги, съ цифрами и текстомъ на армянскомъ языкѣ. Я тоже былъ въ это время въ больницѣ, гдѣ лежалъ еще одѣтый трупъ Карагiянца. Онъ былъ высокаго роста, лѣтъ 40, брюнетъ, съ бородкой, весьма худъ, лицо измождено, съ ввалившимися щеками, типично туберкулезное, губы сжаты. Полуоткрытый лѣвый глазъ давалъ лицу выраженiе удивленiя. Обнаруженная у него записка была переведена на русскiй языкъ и разобрана. Въ ней заключалась конспиративная запись, относящаяся къ оружiю, находившемуся въ складѣ товаровъ на желѣзной дорогѣ. И былъ

записанъ рядъ номеровъ съ надписью словъ: «мыло», а въ другомъ мѣстѣ «сахаръ». Слѣдовательно упоминался грузъ, о которомъ говорилъ Захаръ. Дѣйствительно, по номерамъ записки найдены были двѣ бочки съ сахаромъ и четыре ящика съ мыломъ, въ которыхъ кромѣ этихъ товаровъ, оказались револьверы, въ разобранномъ видѣ винтовки Тульскаго завода и патроны. Послѣдовали телеграммы въ Тулу, Баку и другіе города и тамъ тоже было изъято немало оружія и патроновъ. Я отправился на обыскъ въ квартиру Карагіянца лично, съ полицейскими чинами. Меня тамъ встрѣтила крупная, лѣтъ 30, брюнетка, красивая, румяная, съ большими черными глазами, нѣсколько вульгарная армянка. Она производила впечатлѣніе болѣе растерявшейся и испуганной женщины, нежели убитаго горемъ человѣка, и чувствовала себя какъ то неловко. На квартирѣ результатовъ добыто не было, но разспросомъ русскихъ сосѣдей установлено, что ее часто, въ отсутствіи мужа, посѣщалъ Захаръ, котораго вчера, подъ вечеръ, покойный Карагіянцъ выгналъ изъ квартиры, а жену тяжко избилъ. Теперь намъ надо было выяснить человѣка, съ которымъ Захаръ бесѣдовалъ на берегу вчера ночью, такъ какъ у меня зародилось подозрѣніе, не онъ ли убилъ Карагіянца, будучи подосланнымъ Захаромъ, который, быть можетъ, заплатилъ ему ста рублями, полученными отъ меня. Стали слѣдить за Захаромъ и днемъ и ночью, но установленныя встрѣчи съ разными лицами оказались неинтересными,

за исключеніемъ старика, лодочника, съ которымъ Захаръ провелъ полчаса въ ресторанѣ.

На третій день, какъ было условлено, я пошелъ на свиданіе съ Захаромъ. Лилъ непрерывно дождь, я и Семеновъ направились къ дорогѣ въ городъ Нахичевань, гдѣ промокшій Захаръ насъ уже ждалъ. Зашли мы въ русскую чайную на Базарной площади, въ которой имѣлся отдѣльный кабинетъ. Мы усѣлись втроемъ за столъ: я, Захаръ и Семеновъ. Замѣтно было, что Захару не по себѣ: волнуется, прислушивается къ каждому подходу къ двери нашего кабинета и отвѣчаетъ невпопадъ. Когда заговорили объ убійствѣ Карагіянца, у него забѣгали глаза и онъ началъ смотрѣть на меня исподлобья. Разговоръ не клеился и я назначилъ ему свиданіе черезъ недѣлю. Похоронили Карагіянца. Вдова тотчасъ же перемѣнила квартиру и начала пьянствовать вмѣстѣ съ Захаромъ, который приходилъ къ ней съ бутылками вина и водки, забросивши свою работу. На четвертый день послѣ свиданія со мною, Захаръ позвонилъ по телефону, прося меня на свиданіе, упомянувъ, что ему слѣдуетъ получить деньги за винтовки, найденныя въ мылѣ. Я послалъ Семенова, приказавши выдать Захару 400 рублей (200 долларовъ), такъ какъ по его свѣдѣніямъ было обнаружено 400 револьверовъ и винтовокъ. Но эта получка была для Захара роковой. Взявъ отъ Семенова деньги, онъ тотчасъ же отправился въ винный магазинъ, накупилъ напитковъ и пошелъ къ вдовѣ Карагіянцъ. Здѣсь они оба напились и онъ, очевидно, въ порывѣ откро-

венности, признался въ своей связи съ охраннымъ отдѣленіемъ. На это она, воспользовавшись тѣмъ, что онъ заснулъ, заперла своего любовника и выбѣжавъ на улицу, растрепанная и пьяная, начала кричать, что Захаръ провокаторъ убилъ ея мужа и теперь заснулъ у нея на квартирѣ. Не прошло и часа, какъ появился какой то армянинъ, вошелъ въ квартиру вдовы и всадилъ въ сердце спящаго Захара, по рукоятку, кавказскій кинжалъ.

Найти лодочника трудности не представляло; оказалось, что не онъ, а его сынъ убилъ Карагіянца и что Захаръ заплатилъ за это «дѣло» сто рублей, которые поровну подѣлили между собою отецъ съ сыномъ. Судъ надѣлъ на нихъ арестанскіе халаты и отправилъ ихъ въ далекую Сибирь, отца — на поселеніе, а сына — въ каторгу.

ГЛАВА 11.

НѢМОВА И БОМБЫ.

Осенью 1906 года, въ Ростовѣ на Дону, въ одинъ изъ холодныхъ вечеровъ, я сидѣлъ въ кабинетѣ и заканчивалъ свой рабочій день, когда услышалъ стукъ въ дверь и въ кабинетъ вошелъ завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ Семеновъ.

— Къ вамъ пришла дама, господинъ начальникъ, и желаетъ говорить съ вами съ глазу на глазъ.

— Кто она? и откуда? спросилъ я, на что Семеновъ отвѣтилъ:

— Полчаса тому назадъ, когда я выходилъ изъ конторы (такъ называли филеры помѣщеніе

охраннаго отдѣленія), я увидѣлъ стоящую противъ нашего дома женщину, всю въ черномъ, подъ густой черной вуалью. Я отошелъ въ сторону и сталъ за нею наблюдать. Она нервничала, нѣсколько разъ подходила къ нашимъ воротамъ, какъ бы желая войти, но не рѣшаясь, вновь отходила. Когда я убѣдился, что она опредѣленно интересуется нами, я подошелъ къ ней и спросилъ, «что вамъ угодно?» «Вы, видимо, желаете войти въ охранное отдѣленіе?» — На что она, волнуясь отвѣтила шопотомъ: «Хочу видѣть начальника и говорить съ нимъ съ глазу на глазъ». — Я ввелъ ее въ нашу пріемную и попросилъ ее поднять вуаль. Въ ней я узналъ наблюдаемую подъ кличкою «Мышка», фельдшерицу Нѣмову, которая «работаетъ» по группѣ Копытева.

Я пригласилъ посѣтительницу въ мой кабинетъ.

Вошла миловидная брюнетка лѣтъ 30, съ большими воспаленными и блестящими глазами, съ лицомъ, на которомъ выступили, типичныя при волненіи, красныя пятна, а изъ подъ небольшой траурной шляпки, выглядывали безпорядочно черные волосы. Худенькая, нервная, скромно, но аккуратно одѣтая въ черное платье, съ откинутою назадъ вуалью, она сѣла въ кресло, оглянулась на закрытую за нею дверь и вдругъ горько заплакала. Семеновъ принесъ ей воды, но она, отказавшись, сказала:

— Это горе, а не истерика. Я хотя и сильный человѣкъ, но бабья слабость сказалась.

Встряхнувъ головою и сдѣлавъ надъ собою внут-

реннее усиліе, Нѣмова произнесла, повидимому, уже заготовленную тираду:

— Я пришла дать вамъ свѣдѣнія, которыя несомнѣнно могутъ быть интересны для охраннаго отдѣленія. Что меня къ этому побуждаетъ я говорить не желаю и думаю, что это для васъ не существенно.

— Вѣроятно, вы будете говорить о Масловой, Копытевѣ, Райзманѣ и другихъ? — отвѣтилъ я.

— Совершенно вѣрно, — сказала она, — но вы откуда знаете, что я съ ними знакома.

— За вами велось наблюденіе, — вставилъ Семеновъ, — развѣ вы его не замѣтили?

— Нѣтъ, — смутившись сказала она, — но, дѣйствительно, до отъѣзда въ Кіевъ, я какъ будто бы почувствовала, что за мною кто то слѣдитъ и даже обернулась, но я чѣмъ то отвлеклась и объ этомъ больше не думала. Вѣдь часто въ жизни бываетъ, когда, какъ бы по чутью, поворачиваешь голову и встрѣчаешься со взглядомъ человѣка, который смотритъ на тебя сзади. Я тоже заставляла неоднократно поворачивать голову взглядомъ, смотря на знакомыхъ, которые шли впереди меня. Да дѣло не въ этомъ. Маслова имѣетъ связь съ фабрикаціей бомбъ, о чемъ я узнала въ Кіевѣ, откуда я возвратилась сегодня утромъ.

Очевидно, что сдѣлать этотъ доносъ стоило Нѣмовой большихъ усилій: она сразу осунулась и, ослабѣвъ, остановилась взоромъ на одной точкѣ. Реакція наступила быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Я понялъ, что дальнѣйшихъ свѣдѣній она не дастъ и что безполезно прибѣгать къ шаблоннымъ пріемамъ убѣжденія и уговоровъ. Все будетъ зависѣть отъ уже раньше создавшагося въ ней рѣшенія.

Я молчалъ и ждалъ, чтобы она высказалась.

— Вотъ и все, что я хотѣла вамъ сказать, господинъ ротмистръ, — сказала она, — дѣлая движеніе подняться съ мѣста.

На это я отвѣтилъ:

— Да, но ваши свѣдѣнія слишкомъ бездоказательны и голословны. Затѣмъ надо выяснить, дѣлаете ли вы заявленіе оффиціально или по секрету, а также, не угрожали ли вы Масловой и Копытеву, что вы на нихъ донесете.

Нѣмова, очевидно, была поставлена втупикъ и, взглянувъ мелькомъ на Семенова, посмотрѣла на меня.

Семеновъ вышелъ.

— А причемъ тутъ Копытевъ? и какое онъ имѣетъ отношеніе къ тому, что я вамъ заявила о Масловой? — спросила она меня, на что я отвѣтилъ:

— Очень просто, вы сдѣлали доносъ на Маслову изъ ревности, такъ какъ въ ваше отсутствіе, близкій вамъ человѣкъ, Копытевъ, сошелся съ ней и объ этюмъ вы узнали сегодня.

— Заключеніе ваше правильно, но не точно, узнала я объ этомъ горестномъ для меня событіи отъ моей сослуживицы по больницѣ, также какъ и я фельдшерицы, но никого изъ партійныхъ, даже Копытева и Маслову я не видѣла и изъ больницы,

послѣ вечерняго врачебнаго обхода, пришла непосредственно къ вамъ. Я запоздала, такъ какъ узнавала адресъ охраннаго отдѣленія у городовыхъ; три изъ нихъ направили меня справиться въ полицейскій участокъ и лишь четвертый указалъ мнѣ на вашъ особнякъ. Мною руководитъ не только ревность, но и то отвращеніе, которое я питаю къ насилію и въ особенности къ террору. У васъ есть цѣлый аппаратъ и, если вы захотите, то доберетесь до болѣе существеннаго. Въ Кіевѣ при мнѣ проговорилось, что «Соня», старый партійный псевдонимъ Масловой, пріѣдетъ въ Кіевъ и затѣмъ направится въ Москву, такъ какъ въ Ростовѣ на Дону она уже заподозрѣна и, замѣтивъ за собой филерское наблюденіе, опасается ареста. Затѣмъ, изъ сопоставленія обрывковъ фразъ, я поняла, что въ Ростовъ пріѣдетъ лицо, которое мѣстныхъ связей поддерживать не будетъ. Могу еще добавить, что въ Кіевѣ, повидимому, къ этому дѣлу имѣетъ отношеніе фельдшерица Маріинской больницы, которая, два года тому назадъ, была уволена изъ университета за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ; зовутъ ее, кажется, но неувѣрена, Розаліей. Она маленькая, некрасивая, толстая блондинка. Хотя при мнѣ, какъ при партійномъ работникѣ, мало стѣснялись, но говорили, конечно, не обо всемъ. Больше я вамъ ничего не скажу, служить у васъ въ охранномъ отдѣленіи не буду и впредь меня не безпокойте, такъ какъ я вамъ все равно полезна не буду.

Мы простились. Она, уходя, посмотрѣла прямо

мнѣ въ глаза, какъ будто желая что то сказать, но, махнувъ рукою, вышла рѣшительной походкой и скрылась.

Семеновъ вывелъ ее на улицу, со всѣми предосторожностями, чтобы она случайно при выходѣ на кого нибудь не натолкнулась. Возвратившись, Семеновъ доложилъ, что она носитъ трауръ по недавно умершей матери и что онъ предлагалъ ей, на всякій случай, номеръ нашего телефона, но она отвѣтила, что никакихъ дѣлъ она къ охранѣ больше имѣть не будетъ и ея телефонъ ей не нуженъ, ротмистра же благодаритъ за ласковый пріемъ.

— Пропалъ вашъ сонъ, Павелъ Павловичъ, — сказалъ Семеновъ и принесъ изъ канцеляріи дѣло по группѣ Копытева и другихъ. Надо было послать подробную телеграмму въ Кіевъ и копію съ нея въ Москву, куда предполагали послать Маслову и организовать за ней осторожное наблюденіе опытными филерами. Всѣ эти мѣры принимались въ сознаніи, что Маслова, какъ прикосновенная къ террору, являлась особенно опасной партійной работницей.

Подъ утро, когда мы кончали нашу работу, раздался телефонный звонокъ. Приставъ сообщалъ, что въ больницѣ отравилась морфіемъ фельдшерица Нѣмова и врачи не могли ее спасти. Въ вещахъ ея былъ произведенъ обыскъ и обнаружено нѣсколько зашифрованныхъ адресовъ. Они были мною расшифрованы и оказались относящимися къ мѣстной групповой работѣ.

Въ дождливый сѣрый день Нѣмову похоронили

на мѣстномъ кладбищѣ. Тѣло сопровождали ея сослуживцы по больницѣ и осунувшійся Копытевъ, романъ котораго съ Масловой оказался мимолетнымъ другъ къ другу влеченіемъ.

Работа Кіевскаго, Московскаго и Ростовскаго охранныхъ отдѣленій шла своимъ чередомъ.

Вскорѣ Маслова, которая наблюдалась филерами подъ кличкою «Строгая», выѣхала въ Кіевъ, а затѣмъ и въ Москву, а въ Ростовъ на Дону, подъ наблюденіемъ двухъ филеровъ, вскорѣ, пріѣхалъ изъ Кіева, замѣтный дѣятель Россійской соціалъ-демократической партіи, подъ филерской кличкой «Молотокъ».

Высокій, сухощавый брюнетъ, лѣтъ 25, бритый, на видъ флегматичный, одѣтый въ темный костюмъ и техническую фуражку съ бархатнымъ околышкомъ, снабженнымъ арматурой, молотомъ и топоромъ, онъ остановился въ хорошей гостинницѣ и прописался подъ фамиліей Яблокова, по профессіи техника.

Ростовскіе филеры тотчасъ же приняли его въ свое наблюденіе и я отпустилъ кіевскихъ, которые отмѣтили, что «Молотокъ» хитеръ, остороженъ и весьма чутокъ къ наблюденію.

Въ первый же день, по прибытіи, «Молотокъ» отправился въ контору по найму квартиръ и началъ подыскивать помѣщеніе подъ техническое бюро. Свой выборъ онъ остановилъ на квартирѣ, находившейся въ переулкѣ, выходящемъ на главную улицу Ростова — Большую Садовую. Черезъ нѣсколько дней, изъ Харькова къ «Молотку», пріѣха-

ли мужчина и женщина, подъ видомъ супруговъ — Маріи и Петра Усовыхъ — и поселились съ нимъ «Молотка» они называли хозяиномъ, какъ служащіе въ конторѣ, Марія счетоводомъ, а Петръ — техникомъ.

Запрошенный начальникъ Харьковскаго жандармскаго управленія, отвѣтилъ мнѣ, что Усовъ съ женой ему неизвѣстны и просилъ выслать ихъ фотографіи. Чтобы исполнить это требованіе пришлось нарядить филера женщину Хомутову, которая снабжалась, для этой цѣли, спеціальнымъ фотографическимъ аппаратомъ, въ видѣ обыкновеннаго небольшого свертка-покупки и производила снимки съ наблюдаемыхъ на довольно значительномъ разстояніи и совершенно незамѣтно для нихъ. Снимки были произведены, увеличены, и отправлены въ Харьковъ, гдѣ въ женщинѣ была опознана бывшая курсистка Ракова, а въ мужчинѣ — Любовичъ, пріѣхавшій нелегально изъ заграницы. Наблюденіе было трудное, требовавшее тонкой работы со стороны филеровъ и большого съ ихъ стороны вниманія, т. к. наблюдаемые были чутки и все время провѣряли, не наблюдають ли за ними, хотя и ни съ кѣмъ не встрѣчались.

Тѣмъ не менѣе, было отмѣчено, что «Молотокъ» ежедневно по нѣсколько разъ, выходилъ въ находившійся неподалеку городской садъ, даже въ плохую погоду, и оставался тамъ не менѣе двухъ, а иногда и до четырехъ часовъ, прогуливаясь или читая газету.

Это обстоятельство не могло не обратить на се-

бя особаго вниманія, такъ какъ практика розыскного дѣла показала, что подобныя прогулки обыкновенно совершаютъ лица, изготовляющія динамитные разрывные снаряды.

Дѣло въ томъ, что испаренія динамита дѣйствуютъ разрушительно на слизистую оболочку и легкія, вслѣдствіе чего такому работнику необходимо чаще пользоваться свѣжимъ воздухомъ.

Наблюдаемые вели себя крайне осторожно, и, для отвлеченія подозрѣнія, они, при встрѣчѣ на улицѣ съ мѣстнымъ околодочнымъ надзирателемъ, привѣтливо съ нимъ раскланивались, познакомились съ нимъ, и, наконецъ, дважды пригласивъ на чай, показывали ему помѣщеніе квартиры и бюро. Оказалось, что работа по изготовленію бомбъ ими производилась ночью, а днемъ квартира и бюро принимали видъ, не возбуждающій подозрѣній.

Черезъ десять дней, мѣстный секретный сотрудникъ сообщилъ, что въ Ростовъ, изъ Таганрога прибылъ, по какому то важному дѣлу, нѣкій Фурунджи и остановился въ гостиницѣ «Ливадія». За нимъ также было учреждено наблюденіе, которое, на слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, установило, что Фурунджи, съ особою осторожностью, вошелъ въ упомянутую контору и вскорѣ оттуда вышелъ съ какимъ то тяжелымъ пакетомъ.

Не заходя домой, Фурунджи направился на пристань и взялъ палубный билетъ до Таганрога, на отходящій утромъ пароходъ. Филеры послѣдовали за нимъ, съ приказаніемъ сопровождать Фурунджи до Таганрога и, не оставляя наблюденія, сообщить

въ жандармское управленіе, чтобы оно не производило арестовъ до телеграммы изъ Ростова.

По дорогѣ филеры обратили вниманіе, что Фурунджи не выпускалъ изъ рукъ упомянутаго пакета и старался все время держаться подальше отъ теплой дымовой трубы, возлѣ которой пришлось его палубное мѣсто.

Послѣ отъѣзда Фурунджи, наружное наблюденіе въ Ростовѣ отмѣтило, что «Молотокъ» и его товарищи начали нервничать, озираться, часто останавливаться, съ цѣлью провѣрить — нѣтъ ли за ними слѣжки, и пошли на вокзалъ.

Все вмѣстѣ взятое съ очевидностью доказывало, что утреннее наблюденіе было ими замѣчено, вслѣдствіе какой либо оплошности филера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвало предположеніе, что лица этой группы, опасаясь ареста, могутъ скрыться и заблаговременно уничтожить слѣды преступленія.

Поэтому рѣшено было слѣжку въ городѣ за ними прекратить, а усилить ее на вокзалѣ и пароходныхъ пристаняхъ, чтобы, въ случаѣ попытки къ отъѣзду кого либо изъ этой группы, — таковую тотчасъ же ликвидировать; въ противномъ же случаѣ отложить эту ликвидацію до ночи, когда будетъ выяснена работа въ Таганрогѣ.

Предположеніе о тревогѣ техническаго бюро оказалось правильнымъ. Когда ночью къ этой квартирѣ приближался нарядъ полиціи, то онъ уже былъ замѣченъ на значительномъ разстояніи и изъ оконъ квартиры «Молотка», начали метать бомбы, которыя были такой разрушительной силы, что кам-

ни мостовой превращались въ песокъ. Взрывы были слышны во всемъ городѣ, а въ ближайшихъ домахъ квартала всѣ стекла въ окнахъ оказались разбитыми. Обыскомъ было изъято 200 готовыхъ разрывныхъ снарядовъ и около двухъ пудовъ динамита.

Такого же образца снаряды были отобраны и въ Таганрогѣ въ квартирахъ, бывшихъ тамъ подъ наблюденіемъ. Бомбы были обнаружены и въ помойныхъ ведрахъ и въ кастрюляхъ и въ другихъ мѣстахъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, эти бомбы были сконструированы по проекту Красина, партійная кличка «Никитичъ», игравшаго впослѣдствіи, при большевикахъ, крупную роль въ качествѣ «полпреда» въ Лондонѣ.

Въ той же квартирѣ были найдены бумажныя ленты, съ зашифрованными адресами, относящимися къ разнымъ городамъ Имперіи. Такимъ образомъ, неосторожность Фурунджи, при появленіи его въ серьезной партійной квартирѣ, въ Таганрогѣ, непосредственно съ пароходной пристани и безъ провѣрки за собою наблюденія «провалило» всѣ адреса организаціи, по которымъ повсемѣстно въ Россіи была произведена ликвидація.

Техническая группа Р. С. Д. Р. П. была совершенно разбита, чѣмъ охранное отдѣленіе предупредило гибель многихъ сотенъ людей.

Съ другой стороны, былъ моментъ, когда вся успѣшная работа розыска могла кончиться ничѣмъ, вслѣдствіе неосторожности филера, замѣченнаго наблюдаемыми въ Ростовѣ. Усовы успѣли бѣжать,

но вскорѣ, въ Кіевѣ, были задержаны, одновременно съ мѣстными наблюдаемыми по этому же дѣлу. Маслова была задержана въ Москвѣ на Остоженкѣ, съ весьма серьезнымъ поличнымъ и спискомъ фамилій и адресовъ должностныхъ лицъ и учрежденій, которыя очевидно предназначались быть объектами разрывныхъ снарядовъ. Она, въ числѣ другихъ, по суду была приговорена къ ссылкѣ, но до отправки умерла въ тюрьмѣ отъ тифа.

Такъ погибли двѣ молодыя жизни, Нѣмовой и Масловой.

Что же касается Копытева и другихъ, то они были своевременно арестованы въ Ростовѣ, гдѣ вели мѣстную, довольно блѣдную революціонную работу и съ технической группой никакой связи не имѣли. Въ связи съ драмой, разыгравшейся съ Нѣмовой, прибавлю нѣсколько словъ о Копытевѣ. Это былъ бывшій студентъ, съ одной стороны идейный соціалъ-демократъ, считавшійся впрочемъ въ партійной средѣ блѣдной посредственностью, а съ другой — безпринципный человѣкъ, въ своей личной жизни, не брезгавшій деньгами своихъ сожительницъ, ведущихъ трудовую жизнь. При этомъ онъ былъ лѣнивъ и циниченъ. Нѣмова, явившаяся для него одной изъ многихъ прошедшихъ мимо него женщинъ, тѣмъ не менѣе своимъ трагическимъ концомъ и глубиною своего чувства, оставила въ его сознаніи глубокій моральный слѣдъ.

ГЛАВА 12.

КРОШКА.

Съ 1906 года я состоялъ въ должности начальника Варшавскаго раіоннаго охраннаго отдѣленія, при которомъ въ городской ратушѣ была и моя личная квартира. Въ Варшавѣ молоко намъ доставлялось на домъ. Утромъ приходила дѣвочка лѣтъ 11-ти. Свѣтлыя кудри, голубые глаза и хорошенькое личико маленькой молочницы привлекало вниманіе клієнтовъ, которые сочувственно относились къ этому ребенку, разносившему свой товаръ въ большомъ жестяномъ жбанѣ. Молоко это доставлялось давно изъ дома, гдѣ было нѣсколько коровъ, а дѣвочка съ матерью тамъ служили. Всѣ обитатели ратуши прозвали дѣвочку «Крошкой», баловали ее и подкармливали. Она перезнакомилась съ дѣтьми и по праздникамъ часто бывала во дворѣ ратуши, играя съ ними. Особенно она была въ дружбѣ съ дѣтьми моего кучера Яна, служившаго десять лѣтъ въ охранномъ отдѣленіи.

Однажды филеры, наблюдавшіе за террористкою Роте, замѣтили, что съ нею изъ дому вышла дѣвочка, которая несла кувшинъ, повидимому, молока. Роте вошла въ домъ на Прагѣ, куда прошла и дѣвочка. Черезъ 5 минутъ, она вышла на улицу, но уже безъ кувшина. «Дѣвочка стрюгая», заключилъ филеръ, маленькая а хитрая какъ муха. Мы ее взя-

ли въ наблюденіе, но было трудно работать, она часто останавливалась, заходила въ переулки, возвращалась назадъ, и такъ мы съ ней промучились часа два. Наконецъ, она, вѣроятно, устала и вошла въ домъ № 10 по Сенаторской улицѣ, оттуда больше не выходила».

— Да это наша «Крошка», — сказалъ старшій филеръ, — въ этомъ домѣ она живетъ у молочницы.

Въ то же время секретный сотрудникъ «Ласій» сказалъ, что боевики, когда идутъ на работу, т. е. на убійство или грабежъ, при себѣ оружія и бомбъ не имѣютъ, а ихъ носятъ дѣти, отъ которыхъ они берутъ оружіе лишь въ моментъ дѣйствій. Дѣйствительно, вскорѣ это и подтвердилось при нѣкоторыхъ террористическихъ актахъ. Тотъ же сотрудникъ отмѣтилъ, что у боевиковъ ведется наблюденіе за охраннымъ отдѣленіемъ и притомъ такъ ловко, что о немъ будто бы никогда и не догадаются; они знаютъ номера извозчиковъ, служащихъ въ охранѣ, которые наблюдаютъ за ними и даже получаютъ иногда изъ «охранки» секретныя бумаги. Сопоставивъ результаты наблюденія за Роте и эти свѣдѣнія, невольно напрашивался выводъ о «работѣ» «Крошки», которая можетъ являться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ революціонеровъ и натворить большихъ бѣдъ. Тотчасъ же выплыли и мелкіе эпизоды, которые хотя своевременно и останавливали на себѣ вниманіе, но не сопоставлялись съ заподозрѣнною нынѣ «Крошкой». Такъ, однажды, пріѣхавъ изъ служебной командировки, рано утромъ,

въ охранное отдѣленіе, я засталъ тамъ за уборкой помѣщеній жену кучера Яна и ея дочь. Тутъ же оказалась и «Крошка». Я спросилъ ее, что она тутъ дѣлаетъ; на это она смѣло, на чисто русскомъ языкѣ, отвѣтила: «Я уже разнесла молоко и пришла провѣдать Гандзю (такъ звали дочь кучера). Я поинтересовался, гдѣ она выучилась такъ хорошо говорить по русски и узналъ, что, хотя ея отецъ и былъ австрійскимъ полякомъ, но всегда дома говорилъ по русски, такъ какъ долго служилъ на пивоваренномъ заводѣ въ Москвѣ. Три года тому назадъ, онъ умеръ, послѣ чего ея мать и поселилась въ Варшавѣ.

Затѣмъ припомнилось, что недавно у дѣлопроизводителя отдѣленія пропала департаментская бумага, оставленная имъ наканунѣ, по забывчивости, на столѣ. Тогда мы не найдя ея только ломали себѣ головы, куда она могла затеряться. Наконецъ, «Крошку» часто видѣли въ нашемъ сараѣ, гдѣ стояли дрожки, съ которыхъ наши филеры, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наблюдали за революціонерами. Словомъ все подтверждало подозрѣніе, что «Крошка» опасна. Однако, высказать ей это подозрѣніе значило спугнуть всю организацію. Было рѣшено, не спугивая «Крошку», установить за нею и ея матерью наблюденіе. Вскорѣ выяснилось, что ея мать живетъ съ виднымъ членомъ польской соціалистической партіи, извѣстнымъ въ партіи подъ именемъ «Михаса», причемъ, отъ поры до времени, этотъ «Михасъ» ходилъ съ «Крошкой» по улицамъ. Послѣ этого было установлено наблюденіе и за «Ми-

хасомъ» и рѣшено мать «Крошки» выслать изъ Варшавы въ Австрію, подданной которой она состояла; конечно, она обязывалась взять съ собою и дочь. Меня заинтересовало, что скажутъ въ свое оправданіе мать и ребенокъ и я ихъ вызвалъ къ себѣ въ отдѣленіе на опросъ. Мать «Крошки», — поблекшая лѣтъ 35 женщина, еще красивая, объяснила, что, въ концѣ концовъ, она даже довольна переселенію изъ Варшавы во Львовъ, куда она выѣдетъ въ указанный ей трехдневный срокъ. Сначала она отвѣчала на всѣ вопросы нехотя и осмотрительно, но затѣмъ разговорилась. Узнавъ, что мы располагаемъ всѣми данными о ея ребенкѣ, за котораго она могла бы отвѣчать передъ закономъ, мадамъ Кузицкая — такъ ее звали — заплакавъ сказала, что она ничего не могла сдѣлать, чтобы предотвратить моральную порчу ея ребенка, которая происходила на ея глазахъ, но теперь этого болѣе не будетъ, такъ какъ въ здоровой обстановкѣ ея «Крошка» будетъ учиться и работать.

— Вѣдь ей уже 13 лѣтъ, — сказала мать, — она лишь выглядитъ десятилѣтней. Сначала она наблюдала за охраннымъ отдѣленіемъ, но когда поняла, какъ къ ней тамъ хорошо относятся, то ей стало стыдно. Правду я говорю, моя дочка?

«Крошка», стояла вся красная, съ опущенными глазами и, ничего не отвѣтивъ, крѣпко схватила мать за руку и потянула ее изъ моего кабинета.

Обѣ ушли и эпизодъ съ «Крошкой» совсѣмъ изгладился изъ моей памяти.

Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Я состоялъ начальникомъ Одесскаго жандармскаго управленія. Война была въ полномъ разгарѣ. Какъ то вечеромъ, когда я находился уже у себя дома, меня вызвалъ по телефону женскій голосъ:

— Алло! Начальникъ управленія, полковникъ Заварзинъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, говорящая сказала:

— Мнѣ необходимо васъ немедленно видѣть, но не въ помѣщеніи управленія; я говорю съ вокзала. Пока что, посовѣтуйте хорошую гостинницу.

— Кто вы? — спросилъ я.

— Если припомните, то я «Крошка» изъ Варшавы.

Я предложилъ ей пріѣхать ко мнѣ на квартиру, удобную для такихъ позднихъ свиданій и назвалъ Лондонскую гостиницу, посовѣтовавъ ей тамъ остановиться.

Тотчасъ же былъ вызванъ завѣдующій филерами Будаковъ, который долженъ былъ впустить «Крошку» въ мою квартиру и два филера, кои должны были взять въ наблюденіе «Крошку», по выходѣ ея изъ моего дома, послѣ свиданія. Въ ожиданіи ихъ, я ясно представилъ себѣ «Крошку», ея работу по наблюденію за нами и свиданіе съ ея матерью передъ отъѣздомъ.

Пришелъ Будаковъ и я ему разсказалъ все о Крошкѣ, на что онъ отвѣтилъ: «Такая шельма можетъ принести съ собою если не револьверъ, то

бомбу. Надо намъ смотрѣть въ оба», — и вышелъ на улицу встрѣчать гостью.

Стукъ въ дверь, и въ комнату вошла, небольшого роста, стройная, худенькая женщина и, улыбаясь, подала мнѣ руку.

— Вы меня узнали? ну и прекрасно! но я уже не прежняя «Крошка», а вашъ союзникъ. Въ прихожей я попросила этого господина — и она указала на Будакова — осмотрѣть мою сумку, чтобы не было подозрѣній, что я могу быть опасной. Вѣдь отъ прошлой «Крошки» всего можно было ожидать.

Я познакомилъ ее съ Будаковымъ, послѣ чего она сказала:

— Вы, вѣроятно, уже распорядились учредить за мной наблюденіе; это очень важно, такъ какъ сегодня въ 1 часъ ночи я буду имѣть свиданіе въ театрѣ «Варіете» въ Сѣверной гостинницѣ съ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Съ нимъ должна меня познакомить, выступающая въ этомъ театрѣ, женщина-стрѣлокъ. Его надо будетъ взять въ наблюденіе. Онъ имѣетъ связь съ австрійскимъ генеральнымъ штабомъ. Человѣкъ очень серьезный, и надо, чтобы онъ не замѣтилъ слѣжки. Завтра я ѣду въ Петербургъ къ директору департамента полиціи Бѣлецкому, у котораго долженъ быть адресъ моего мужа и который меня свяжетъ съ генеральнымъ штабомъ; но, по дорогѣ, возможно, что на вокзалахъ, я буду встрѣчаться съ интересными для васъ лицами, поэтому прошу наблюдать за мною и до Петербурга.

Тонъ и категоричность указаній свидѣтельствовали, что дама хорошо знакома съ техникой розыска. Будаковъ простился, чтобы переодѣться и поѣхать въ «Варіете», для наблюденія въ залѣ, а «Крошка», снявши шляпу, усѣлась, какъ сильно утомленный человѣкъ.

— Я устала, проголодалась и совсѣмъ издергана за дорогу изъ Вѣны въ Одессу.

Подали холодный ужинъ и чай. Она ѣла, какъ дѣйствительно проголодавшаяся, лишь отъ поры до времени, бросая отрывочныя фразы:

— Да, господинъ начальникъ, вы такую роль сыграли въ моей жизни, что даже представить себѣ не можете, а ваше спокойное обращеніе, при послѣднемъ нашемъ разговорѣ въ Варшавѣ, когда мы ждали криковъ и тюрьмы, во мнѣ и въ моей бѣдной покойной матери запечатлѣлось, какъ проявленіе гуманности. Вы поняли дѣло по существу. Мать моя оказалась слабой женщиной. Увлекшись соціалистомъ «Михасомъ», она сдѣлалась буквально его рабою, не раздѣляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, его взглядовъ и съ отвращеніемъ относясь къ террору. «Михасъ» такъ завладѣлъ мною, несмотря на протесты матери, что не только его приказаніе, но даже желаніе было для меня закономъ. Вы, вѣдь, вѣроятно, знаете, что я таскала для Роте динамитъ и даже готовыя бомбы; присутствовала при убійствѣ офицеровъ и городовыхъ, пряча оружіе, изъ котораго «Михасъ» убивалъ этихъ людей и наконецъ наблюдала за охраннымъ отдѣленіемъ. Оно, по проекту «Михаса», должно было быть взорвано,

а вы и вашъ помощникъ — убиты. Ужасный кошмаръ! Но странно: ребенкомъ я не считала все сказанное плохимъ и страшнымъ. Напротивъ — меня эта «работа» увлекала, а «Михасъ» былъ тогда въ моихъ глазахъ героемъ, окруженнымъ ореоломъ. Лишь впослѣдствіи я очнулась. Вѣдь, пройди еще года три, и я, какъ уже отвѣтственная по закону, была бы на каторгѣ. Я узнала, что вы ликвидировали группу террористовъ, которые были повѣшены, во главѣ съ «Михасомъ»...

Она замолкла и посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, прямымъ, твердымъ взглядомъ, прибавила:

— Говорю вамъ честно и прошу подать мнѣ руку, въ знакъ того, что вы мнѣ вѣрите.

Я исполнилъ ея просьбу, хотя вѣрилъ только въ ея искренность въ данный моментъ, думая, что особа пережившая такія метаморфозы, сама не знаетъ, какъ сложится ея жизненный путь.

— Скажите, «Крошка», неужели ваши волосы почернѣли отъ времени? Вѣдь вы были свѣтлой блондинкой, — сказалъ я.

— А это я выкрасила волосы, чтобы казаться старше. — Какъ я вамъ сказала, я ѣду прямо въ Петербургъ, но узнавъ, что вы здѣсь, хотѣла съ вами кое о чемъ посовѣтоваться и поговорить. Сначала, если у васъ есть время, я разскажу вамъ о себѣ. Въ 1906 году, какъ вамъ извѣстно, я выѣхала изъ Варшавы во Львовъ. Здѣсь мама меня отдала въ монастырь для пріобрѣтенія общаго образованія и полученія профессіональныхъ знаній по кройкѣ и шитью. Тяжелая и строгая школа пройдена тамъ

мною. Непрерывный трудъ, молитвы, одиночество и постоянная покорность требовались неуклонно. Нравъ у меня былъ своевольный и я за это подвергалась жесточайшимъ наказаніямъ: по нѣскольку часовъ простаивала на колѣняхъ въ холодной церкви на каменномъ полу; оставалась безъ ѣды, дежурила по цѣлымъ ночамъ у дверей кельи настоятельницы и т. д. И думалось мнѣ тогда: гдѣ-же милосердіе и христіанская любовь, когда все, какъ мнѣ казалось, было вокругъ сухо и даже зло. Мама моя умерла и я, оставшись совершенно одинокой на бѣломъ свѣтѣ, рѣшила терпѣть, пока не буду имѣть въ рукахъ ремесла. За меня некому было платить монастырю и я не знала, какъ быть, находя выходъ только въ слезахъ. Однажды въ комнату ко мнѣ вошла настоятельница, старая худая старуха, всегда неприступная и суровая. Подойдя ко мнѣ, она положила на мою голову руку и заговорила мягкимъ, душевнымъ голосмоъ, котораго я у нея и представить себѣ не могла:

— Серафима! не плачь. Люби безпредѣльно Христа. Страдающій человѣкъ близокъ къ Нему и Онъ его утѣшитъ. Отнынѣ я буду твоей матерью и въ мірской жизни. Оставайся съ нами, а тамъ перстъ Божій укажетъ тебѣ твой путь.

Я тогда поняла, что Христосъ для человѣка, какъ Его любятъ монахини этого монастыря, какъ велико ихъ отреченіе отъ жизни и какъ онѣ смотрямъ на свое и людское страданіе. Въ этотъ моментъ мнѣ многое стало понятно и точно теплотою согрѣла меня мѣра, которая до того момента такъ далека

была отъ меня... Прошло шесть лѣтъ монастырской жизни, я прошла положенный стажъ. Захлопнулись за мною ворота обители, въ которой осталась частичка меня и которая живетъ и вѣчно жить будетъ во мнѣ... Однако, я оказалась буквально на улицѣ, но все же не свихнулась, получивъ мѣсто бонны при дѣтяхъ небогатой семьи галичанъ. Съ племянникомъ хозяйки у меня начался романъ сильный, но чистый и мы вскорѣ повѣнчались. Мужъ признался мнѣ, что работаетъ въ русскомъ розыскномъ дѣлѣ, говоря, что только Россія можетъ помочь объединиться всему славянству. Безпредѣльно любя мужа, я пошла ему навстрѣчу и начала помогать, чѣмъ могла, въ его работѣ. Но вотъ началась война. Мужъ былъ призванъ на дѣйствительную службу, посланъ на фронтъ и оказался въ плѣну у русскихъ. Опять я одна, въ горѣ, съ маленькими средствами и съ ребенкомъ на рукахъ. Тоска по мужѣ была такъ велика, что я начала стремиться пробраться во что бы то ни стало въ Россію. Лелѣя надежду получить въ Россію командировку отъ генеральнаго штаба, я рѣшила поступить въ австрійскую развѣдку, сдавъ ребенка своей свекрови. Я всѣ средства использовала, чтобы проникнуть въ среду офицеровъ генеральнаго штаба; ходила съ разными прошеніями по штабамъ; наводила справки о мужѣ; посѣщала лекціи; предлагала услуги по шитью семьямъ военныхъ и т. д. Наконецъ, въ одной изъ этихъ семей я встрѣтила офицера генеральнаго штаба и, начавъ съ нимъ кокетничать, повидимому, заинтересовала его собою. Мы встрѣ-

чались и бесѣдовали. Я прикинулась безпредѣльно преданной Австріи, упомянула, что знаю Россію, русскій языкъ и Варшаву и т. д., словомъ представилась ловкой женщиной. Вы знаете, господинъ, полковникъ, что я умѣю лицемѣрить, а монастырь былъ моей высшей школой. Словомъ, клюнуло, и офицеръ однажды сказалъ мнѣ, не пожелаю ли я служить въ развѣдкѣ. Сначала я отнѣкивалась, ссылаясь на свою неподготовленность, но онъ настаивалъ только на принципіальномъ согласіи, которое я и дала. Я поступила въ развѣдку. Меня испытывали внезапными вопросами; подбрасывали секретныя бумаги; оставляли меня одну въ комнатѣ, въ которой на столѣ были разложены секретные планы и въ это время наблюдали въ скважину замка, не излишне ли я любопытна. Наблюдали за мною на улицѣ; провѣряли знаніе передаваемыхъ мнѣ для изученія инструкцій и насколько я ихъ усвоила, — тутъ были и психологія и тактика и идея родины и т. д. Такъ продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ, когда меня вызвалъ офицеръ германской службы, одинъ изъ главныхъ руководителей, являвшійся и связью съ Берлиномъ. Онъ долго говорилъ со мною по нѣмецки и по русски и въ заключеніе сказалъ, что по русски я говорю лучше, чѣмъ по нѣмецки и спросилъ, знакома ли я съ уходомъ за больными. Я отвѣтила, что въ монастырѣ я это дѣло изучила вполнѣ. Онъ подумалъ и сказалъ: Я васъ назначаю старшей сестрой милосердія въ госпиталь, гдѣ находятся тяжело раненые русскіе плѣнные. Меня только смущаетъ, что вы съ бѣлокурыми волосами

слишкомъ моложавы и потому выкрасьте ихъ въ черный цвѣтъ. Мнѣ было жаль: вѣдь мужъ такъ любилъ мои свѣтлыя кудри, но я не возражала и исполнила его указаніе. Я должна была разбираться въ бредовыхъ разговорахъ больныхъ плѣнныхъ. Тутъ были указанія на расположеніе ихъ полковъ, фамиліи начальниковъ, отрывки приказовъ и т. п., но я чутко взвѣшивала, чтобы сообщать только то, что не повредило бы русскимъ. Такъ я проработала три мѣсяца, когда меня вызвалъ капитанъ и сказалъ, что на меня возлагаются большія надежды по исполненію важныхъ порученій: «Вы будете теперь русской изъ Сибирскаго города Тюмени, Анной Яковлевной Лобовой. Вотъ вамъ и ея паспортъ. Документъ хорошій, такъ какъ Лобова здѣсь вышла замужъ и теперь въ Россію возвращаться не полагаетъ. Замѣнивъ ее, вы будете въ числѣ другихъ русскихъ переданы въ обмѣнъ на нашихъ задержанныхъ въ Россіи. Необходимо проявлять въ работѣ наблюдательность и сосредоточенность, а патріотизмъ вамъ многое еще подскажетъ. Посмотрите, какъ мы любимъ нашу родину и какъ работаемъ для нея», заключилъ капитанъ. Дѣйствительно, нѣмцы любятъ сильно и возвышенно свою родину и эта ихъ любовь дѣлаетъ ихъ работниками безъ устали. Сонъ и отдыхъ, зачастую не превышаетъ у нихъ двухъ часовъ въ сутки. Только подъемомъ моральныхъ силъ можно объяснить, что они такъ неутомимы и трудоспособны. По заданію я должна доѣхать до Владивостока, давая свѣдѣнія секретнымъ корреспондентамъ, для направленія ихъ по

принадлежности. Сѣть этихъ освѣдомителей я и помогу выяснить русскимъ. Затѣмъ, по тому же заданію, я должна буду тайно перейти границу въ Харбинѣ и пробраться въ Шанхай къ нѣмецкому консулу... Но я больше не возвращусь въ Австрію, и при первой возможности проберусь съ мужемъ въ Сѣверную Америку, куда доставитъ мать нашего сына. Въ Одессѣ изъ властей, кромѣ васъ, я никого видѣть не буду, здѣсь много германскихъ развѣдчиковъ, почему я опасаюсь наблюденія за собою и вызвать у нихъ подозрѣніе... Кстати, на-дняхъ германскіе броненосцы «Гебенъ» и «Бреслау» будутъ бомбардировать порты Чернаго моря...*)

Крошка ушла и на прощанье, пожелавъ мнѣ всего добраго, прибавила:

— Какъ случайно мы съ вами встрѣтились! Если кому нибудь это разсказать, то это показалось бы невѣроятнымъ!

Ночью ко мнѣ пришелъ Будаковъ для доклада. Онъ былъ нѣсколько навеселѣ отъ выпитой бутылки вина, во время наблюденія въ «Сѣверной» за «Крошкой». По его словамъ она появилась въ залѣ послѣ полуночи, разодѣтая, красивая и веселая, подошла къ актрисѣ «Альпійскому Стрѣлку» и сѣла за ея столикъ. Вскорѣ къ нимъ подошелъ тол-

*) Эти важныя свѣдѣнія я тотчасъ же сообщилъ по телеграфу въ Петербургъ. Они были и своевременны и точны. Къ сожалѣнію намъ не удалось захватить этихъ чудовищныхъ дреднаутовъ и они надѣлали намъ на Черноморскомъ побережьѣ много бѣдъ.

стякъ и тоже усѣлся. Посмѣялись и ушли въ отдѣльный кабинетъ. Черезъ часъ они вышли изъ кафэ-шантана, филеры пошли наблюдать за толстястякомъ, а Будаковъ — за «Крошкой».

На другой день «Крошка» уѣхала изъ Одессы и больше я ее никогда не видѣлъ, Слышалъ, что въ Петроградѣ она была у директора департамента полиціи, но какъ протекла ея дальнѣйшая развѣдывательная работа и жизнь, я не знаю.

Теперь, въ бѣженствѣ, какъ то вечеромъ, послѣ тяжелой работы на заводѣ Ситроена, я встрѣтился со своими земляками въ бистро. Вспоминая прошлое, я разсказалъ своимъ собесѣдникамъ о «Крошкѣ». На это одинъ изъ присутствующихъ, проигравшій недавно все что имѣлъ въ рулетку, сказалъ:

— Не будетъ ли ваша «Крошка» дамой, которую въ Монте-Карло называли «Австріячкою»? Она тоже хорошо говорила по русски и обращала на себя вниманіе своей ангельской красотою и недоступностью. Тратила она и проигрывала громадныя деньги богатаго американца съ которымъ и уѣхала въ Бразилію...

— Быть можетъ и она — съ разбогатѣвшимъ мужемъ или влюбленнымъ въ нее другомъ!

---

*) ,,Алкпійскій стрѣлокъ" и ,,толстякъ" дѣйствительно оказались шпіонами, но уликъ, для преданія суду добыто не было, и они отправлены въ Сибиръ до окончаиія войны, гдѣ за ними наблюдали.

ГЛАВА 13.

ПИСЬМО.

При Императорѣ Александрѣ III министерству внутреннихъ дѣлъ, въ интересахъ охраненія порядка и безопасности въ Имперіи, было разрѣшено пользоваться, безъ огласки, перлюстраціей, т. е. секретнымъ просмотромъ писемъ и почтовыхъ пакетовъ, внушающихъ подозрѣніе въ ихъ противозаконности, въ смыслѣ военнаго шпіонажа или революціонной дѣятельности.

Въ крупныхъ городахъ Имперіи были учреждены съ этой цѣлью при управленіи почтово-телеграфныхъ округовъ, особые отдѣлы «иностранной цензуры», которымъ и было вмѣнено вѣдать перлюстраціей. Въ каждомъ такомъ учрежденіи состояло на службѣ нѣсколько человѣкъ, знающихъ до восьми языковъ. По большей части эти чиновники лингвисты были иностранцами по происхожденію, но русскими подданными; среди нихъ выдѣлялись нѣмцы, зачастую говорившіе по русски съ акцентомъ, но отличные чиновники и спеціалисты этого дѣла.

Главная работа производилась по адресамъ и спискамъ департамента полиціи, но многолѣтняя практика выработала у цензоровъ такой опытъ, чтобы не сказать чутье, что, основываясь на какихъ то никому другому не уловимыхъ признакахъ письма или пакета, они обнаруживали массу переписокъ, въ которой оказывался шифръ, химическій

текстъ или условные знаки и выраженія. Черта подъ именемъ, какой нибудь блѣдный знакъ на конвертѣ, особая форма буквъ на адресѣ или адресъ «для», точка или крестикъ и т. п. были достаточны, чтобы остановить ихъ вниманіе, причемъ ошибались они чрезвычайно рѣдко. Работа эта была срочная, непрерывная и трудная, такъ какъ требовала сосредоточеннаго вниманія, причемъ проходили иногда цѣлыя недѣли не дававшія цѣннаго матеріала.

Когда какое нибудь письмо было заподозрѣно, оно вскрывалось спеціальной машинкой или на пару, затѣмъ съ него снималась копія и оно вновь заклеивалось, такъ что адресатъ, получая его, и не подозрѣвалъ, что содержимое письма уже извѣстно власти. Письма, въ которыхъ обнаруживались признаки невидимаго простымъ глазомъ текста, разсматривались особо тщательно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ нихъ снимались фотографіи, которыя при помощи особаго аппарата увеличивались и, такимъ образомъ, удавалось прочесть написанное химическимъ способомъ и отправлять затѣмъ письмо по назначенію. При этомъ бывали случаи, когда тайна оказывалась просто интимнаго характера перепиской. Большинство же переписокъ съ химическимъ текстомъ приходилось подвергать реактиву и поэтому по назначенію они не отправлялись.

Простѣйшій способъ невидимаго текста — это написать его простымъ лимоннымъ сокомъ, молокомъ, и даже слюной, а для того чтобы его проявить, надо нагрѣть бумагу до начала ея обугли-

ванія или смазать 1,5% растворомъ хлористой жидкости.

Въ позднѣйшее время, какъ шпіоны, такъ и революціонеры стали примѣнять сложные химическіе составы и текстъ приходилось подвергать проявленію при помощи особыхъ реактивовъ.

Тайная перлюстрація существуетъ, вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, а во время Великой войны, она производилась оффиціально и на конвертахъ ставился особый штемпель, удостовѣряющій, что письмо просмотрѣно въ военной цензурѣ.

Свѣдѣнія получаемыя перлюстраціей, въ отличіе отъ такъ называемыхъ «агентурныхъ», т. е. получаемыхъ отъ секретныхъ сотрудниковъ, носили названіе «секретныхъ свѣдѣній» и ими пользовались съ особою осмотрительностью и безъ ссылки на источникъ. Переписка лица уже привлеченнаго къ судебной отвѣтственности, задерживалась оффиціально, по сношенію судебной власти съ почтово-телеграфными конторами.

Нынѣ въ Совѣтской Россіи просматривается вся частная корреспонденція повсемѣстно, во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ. Зачастую, одно и тоже письмо вскрывается и заклеивается по нѣсколько разъ, а часто и вовсе не доходитъ по назначенію.

Изъ болѣе интересныхъ писемъ присланныхъ мнѣ въ охранное отдѣленіе изъ «бюро иностранной цензуры», припоминается письмо съ датой іюнь мѣсяцъ 1911 года, адресованное изъ Финлян-

діи въ Москву, въ кооперативъ, на имя В. Въ письмѣ оказался химическій текстъ, зашифрованный дробью и настолько сложный, что пришлось телефонировать въ департаментъ полиціи, прося прислать изъ Петербурга въ Москву чиновника спеціалиста Зыбина.

Зыбинъ прибылъ на другой же день. Высокій, худощавый брюнетъ, лѣтъ сорока, съ длинными раздѣленными проборомъ волосами, совершенно желтымъ цвѣтомъ лица и живымъ пристальнымъ взглядомъ. Онъ былъ фанатикомъ, чтобы не сказать, маніакомъ, своего дѣла. Простые шифры онъ разбиралъ съ перваго взгляда, за то болѣе сложные приводили его въ состояніе подобное аффекту, которое длилось, пока ему не удавалось расшифровать документъ.

Зыбинъ, явившись ко мнѣ и едва поздоровавшись, тотчасъ спросилъ о письмѣ. Ему подали копію, но она его не удовлетворила. Па отвѣтъ, что подлинникъ уже отправленъ обратно въ почтовую контору, онъ, не внимая ничьимъ словамъ, бросился безъ шапки, какъ былъ, на улицу, съ явнымъ намѣреніемъ отправиться на почту. Выходъ его былъ такъ стремителенъ, что только, когда онъ уже садился на извозчика, удалось запыхавшемуся курьеру остановить его, буквально схвативъ за рукавъ и объяснить, что письмо уже вытребовано съ почты по телефону, и находится на пути въ отдѣленіе. Зыбинъ вернулся, и, схвативъ копію, началъ сосредоточенно разсматривать тотъ рядъ дробей, подъ которыми для меня скрывалась, по всей вѣ-

роятности, серьезная работа революціонеровъ, а для этого оригинала, хитроумная загадка, возбуждающая его пытливость. Задавъ Зыбину нѣсколько вопросовъ, на которые онъ почти-что не отвѣтилъ, я оставилъ его въ своемъ кабинетѣ и отправился съ докладомъ къ градоначальнику. Возвращаюсь черезъ часа полтора и застаю Зыбина, сидящимъ за моимъ столомъ, въ моемъ креслѣ, теперь уже съ подлинникомъ письма въ одной рукѣ и карандашемъ въ другой, которымъ онъ безпощадно расписывалъ какими то знаками и фигурами обложки, разложенныхъ на столѣ, моихъ дѣлъ. Онъ не замѣтилъ моего прихода, и мнѣ пришлось дважды окликнуть его, прежде чѣмъ онъ поднялъ на меня блуждающій взоръ...

— Идемте обѣдать! — сказалъ я. Онъ что то пробормоталъ и хотѣлъ опять углубиться въ созерцаніе листка, но я настойчиво повелъ его къ себѣ. Съ письмомъ и карандашемъ онъ не разстался, сѣлъ за столъ, и, быстро проглотивъ поставленную передъ нимъ тарелку супа, оттолкнулъ ее, перевернулъ одну, другую тарелку изъ бывшихъ на столѣ, и сталъ писать на ихъ скользкомъ днѣ. Это не удавалось; тогда онъ,, нетерпѣливымъ жестомъ вытянулъ свой манжетъ и продолжалъ работу на немъ. На хозяевъ онъ не обращалъ никакого вниманія. Я пробовалъ вовлечь его въ разговоръ, но тщетно. Вдругъ онъ вскочилъ и буквально заревѣлъ: «Тише ѣдешь, дальше будешь, да, да!».

Ошеломленные, жена и я воззрились на него. Онъ продолжалъ стоять и уже болѣе тихо повто-

рялъ: «Тише ѣдешь, дальше будешь. Вѣдь «ш» вторая буква съ конца и повторяется четыре раза. Это навело меня на разгадку. Вотъ дуракъ! «На воздушномъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтрилъ» было куда труднѣе». Тутъ онъ очнулся, опять сѣлъ и продолжалъ обѣдъ уже, какъ вполнѣ уравновѣшенный человѣкъ, вышедшій изъ какого то транса сказавши добродушно: «Теперь можно и отдохнуть». Оставалось одно лишь радостное возбужденіе еще разъ одержанной побѣды. Онъ заявилъ, что за всю свою жизнь не расшифровалъ только одного письма по дѣлу австрійскаго шпіонажа, но что это было давно, «теперь я и съ нимъ не провалился бы!» заключилъ онъ.

Зная ключъ, прочесть зашифрованное письмо было легко. Надо было выписать послѣдовательно одну букву подъ другою въ вертикальномъ столбцѣ изъ всей пословицы, затѣмъ отъ каждой буквы продолжить горизонтально алфавитъ. Такимъ образомъ, создается рядъ алфавитовъ по числу буквъ, расположенныхъ вертикально въ столбцѣ. Для дешифранта берутъ послѣдовательно дроби изъ письма и замѣняютъ ихъ буквами такъ: 1/5 — числитель обозначаетъ рядъ первый, а знаменатель, что искомая буква въ этомъ ряду будетъ пятая и т. д. Иногда шифровка производится лишь по одному слову, тогда число рядовъ должно соотвѣтствовать числу буквъ въ данномъ словѣ.

Расшифрованное, такимъ образомъ, письмо, содержало въ себѣ указаніе на адресъ: Мустамяки, санаторій Линденъ и на отправку «картонныхъ ко-

робокъ» въ Кіевъ, а также на необходимость пріѣзда въ Финляндію «товарища». Повидимому, тождественнаго содержанія письмо было получено въ Москвѣ и по другому неизвѣстному мнѣ адресу, т. к. именно въ этотъ день мѣстная агентура заявила, что извѣстный соціалъ-демократъ Сѣменцовъ, прошедшій школу пропагандистовъ на островѣ Капри, ѣдетъ по важному дѣлу въ Финляндію, обставляя свой отъѣздъ особыми предосторожностями, чтобы не попасть въ слѣжку охраннаго отдѣленія. За Сѣменцовымъ было тотчасъ установлено наблюденіе и филерамъ было приказано сопровождать его въ Петербургъ, гдѣ и сдать для дальнѣйшаго наблюденія петербургскому охранному отдѣленію. Указаніе въ шифрѣ на «картонки» давало основаніе предполагать, что дѣло можетъ относиться къ подпольной литературѣ, бомбамъ или оружію и даже къ подготовленію террористическаго акта. Къ тому же въ это время предполагался пріѣздъ въ Кіевъ Государя и министра Столыпина.

На это дѣло было обращено особое вниманіе, выразившееся въ рядѣ дѣйствій департамента полиціи и Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго охранныхъ отдѣленій. Надо было, во-первыхъ, «не потерять» Сѣменцова и довести его подъ наблюденіемъ до Мустомякъ, а тамъ выяснить его связи. Затѣмъ надлежало заняться выясненіемъ автора письма и его замысловъ, установить связи группы, къ которой онъ принадлежалъ съ Кіевомъ, и, наконецъ, разработать наблюденіемъ Уфимскую (сѣверо-восточную) группу, т. к., сопоставляя всѣ

имѣвшіяся данныя, Московское охранное отдѣленіе установило связь Сѣменцева и другихъ съ означенной организаціей и высказало предположеніе, что авторомъ письма могъ быть нѣкій Мячинъ, возглавлявшій Уфимскую группу. Этотъ послѣдній былъ организаторомъ ограбленія Міускаго казначейства и на взятыя тамъ деньги вооружилъ своихъ товарищей, сохраняя въ группѣ боевыя тенденціи, даже и послѣ того, когда Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія, вслѣдствіе неудавшейся революціи 1905 года, перешла къ дореволюціонной тактикѣ, и распустила свои боевыя организаціи.

Днемъ и ночью, лучшіе филеры непрерывно наблюдали за Сѣменцевымъ; наблюденіе было сложное съ различными ухищреніями, чтобы таковое не было имъ замѣчено. Назначалось по два извозчика, работали женщины, была нанята комната, изъ оконъ которой видны ворота дома, гдѣ проживалъ Сѣменцевъ и т. д. На вокзалѣ, откуда отходили поѣзда въ Петербургъ, дежурили филеры, знавшіе въ лицо Сѣменцева, причемъ, одинъ, переодѣтый жандармомъ, былъ поставленъ у билетной кассы.

На третій день, рано утромъ, къ дому, гдѣ проживалъ Сѣменцевъ, подъѣхалъ извозчикъ съ сѣдокомъ, оказавшимся извѣстнымъ филерамъ подъ кличкой «Толстый». Сойдя съ извозчика, онъ осмотрѣлся по всѣмъ направленіямъ, очевидно «провѣряя», нѣтъ ли за домомъ слѣжки, и вошелъ въ ворота. Черезъ четверть часа онъ вышелъ и, сѣвъ

на своего же извозчика, поѣхалъ на Николаевскій (Петербургскій) вокзалъ. Филеръ Рыбкинъ рѣшилъ ѣхать за нимъ на одномъ изъ нашихъ извозчиковъ, а двое оставшихся филеровъ продолжали ждать выхода Сѣменцева. Дѣйствительно, черезъ полчаса послѣдній вышелъ, осмотрѣлся и, подойдя къ другому нашему извозчику, началъ съ нимъ торговаться за проѣздъ на станцію Лоссиный Островъ вблизи Москвы. Сторговавшись, извозчикъ сталъ возиться съ упряжью, чтобы дать «нашимъ» время найти другого и слѣдовать за нимъ.

Тѣмъ временемъ, «Толстый», выѣхавшій ранѣе Сѣменцева изъ его дома, доѣхалъ до вокзала, взялъ билетъ III класса и сѣлъ въ товаропассажирскій поѣздъ, отходящій въ Петербургъ. Филеръ Рыбкинъ рѣшилъ послѣдовать за нимъ, предполагая, что, по какимъ либо соображеніямъ, этотъ человѣкъ назначенъ, вмѣсто Сѣменцева, для поѣздки въ Финляндію. Въ такомъ случаѣ, терять его изъ вида не приходилось. Не доѣзжая до станціи Лосиный-Островъ, въ то время, какъ поѣздъ началъ замедлять ходъ для остановки, «Толстый» высунулся изъ окна вагона и, снявъ шляпу, началъ ею махать передъ собою. Филеру Рыбкину стало ясно, что надо быть на сторожѣ и наблюдать зорко. Дѣйствительно, какъ только поѣздъ остановился, въ вагонъ вошелъ Сѣменцевъ. «Толстый» глазами указалъ Сѣменцеву свое мѣсто и бросивъ проѣздной билетъ, какъ бы его теряя, еле успѣлъ выскочить изъ вагона. Поѣхавшіе же за Сѣменцевымъ на извозчикѣ московскіе филеры не успѣли его нагнать и по-

этому не видѣли его посадки въ поѣздъ. Въ Петербургѣ Рыбкинъ сдалъ Сѣменцева въ наблюденіе Петербургскимъ филерамъ, которые, проводивъ Сѣменцева на Финляндскій вокзалъ, сѣли съ нимъ въ поѣздъ до Мустомякъ.

Надо было координировать дальнѣйшую работу по этому дѣлу, для чего генералъ Курловъ, состоявшій тогда товарищемъ министра завѣдующимъ полиціей, созвалъ совѣщаніе въ составѣ вице-директора департамента полиціи Виссаріонова, начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія полковника Котена и меня. Сопоставляя всѣ данныя, намъ стало ясно, что авторомъ письма изъ Мустомякъ являлся именно упомянутый Мячинъ, почему дѣло представлялось серьезнымъ.

Петербургское охранное отдѣленіе уже успѣло подослать «своихъ», подъ видомъ больного господина съ женой въ санаторій Линденъ-Мустомяки. За табельдотомъ, они познакомились съ Мячинымъ и въ надеждѣ, что онъ, быть можетъ, раскроетъ имъ свои замыслы, его оставили на свободѣ, послѣ произведеннаго все же у него обыска. Однако, работа «супруговъ» оказалась вскорѣ ненужной. Сѣменцевъ, вернувшись въ Москву, сдѣлалъ особый докладъ Московской группѣ, вѣдавшей полученіемъ и распространеніемъ литературы въ Московскомъ раіонѣ. Онъ сообщилъ, что ѣздилъ въ Финляндію получить указанія по перевозкѣ подпольной, агитаціонной литературы, идущей изъ-за границы черезъ Финляндію въ Петербургъ и Москву. По мнѣнію Сѣменцева, этотъ способъ былъ очень сложенъ

и высказалъ предположеніе, что онъ можетъ быть терпимъ лишь, какъ временный, пока не будетъ вновь налажено дѣло на западной границѣ. Все же, одинъ-другой транспортъ вскорѣ прибудутъ въ Москву, какъ только удастся благополучно ихъ переправить, при посредствѣ испытанныхъ контрабандистовъ, черезъ границу. Часть транспорта предназначена для отправки въ Кіевъ и распространенія тамъ.

Такимъ образомъ выяснилось, что переписка относилась къ подпольной литературѣ. Задача теперь заключалась въ томъ, чтобы перехватить эту литературу, прежде чѣмъ она разошлась по рукамъ и тайнымъ организаціямъ. Свѣдѣній, на какую именно станцію Москвы или подъ Москвою направится транспортъ, не было. Сотрудникъ «Вяткинъ», стоявшій близко къ группамъ, занимавшимся водвореніемъ запрещенной литературы въ Россію узналъ, что грузъ поступитъ въ вѣдѣніе «Григорія», члена Московскаго комитета, и что онъ желалъ бы поручить полученіе транспорта на вокзалѣ какому либо вѣрному лицу, хотя и не входящему въ партію, но не заподозрѣнному, т. е. «чистому» отъ полицейскаго наблюденія. У «Григорія» была сестра Маня, посѣщавшая высшіе курсы въ Москвѣ и состоявшая тоже членомъ партіи. Маня предложила переговорить объ этомъ «дѣлѣ» со своей подругой-курсисткой Нюрой, на чемъ они и порѣшили. «Вяткинъ» не зналъ, гдѣ живутъ эти курсистки и какъ ихъ фамиліи; тѣмъ не менѣе, онъ выяснилъ, что Маня на одномъ курсѣ съ Нюрой и

что въ эти дни, онѣ, — курсистки медицинскаго факультета, — будутъ посѣщать Голицинскую больницу, чтобы присутствовать при интересныхъ вскрытіяхъ. Онъ описалъ наружность обѣихъ студентокъ: Маня, свѣтлая блондинка, средняго роста. Нюра же смуглая брюнетка, маленькая и изящная. На слѣдующій же день филеры замѣтили среди слушательницъ медицинскихъ курсовъ, посѣтившихъ Голицинскую мертвецкую, двухъ дѣвушекъ, державшихся вмѣстѣ и соотвѣтствующихъ описанію «Вяткина». Оказалось, что Нюра проживаетъ на Зубовскомъ бульварѣ, въ домѣ № 16 у своего отца-доктора Данина и что имя ея Анна, но называютъ ее Нюра. Филеры же ей дали кличку «Быстрая». На слѣдующій день «Быстрая» встрѣтилась съ Маней на Страстномъ бульварѣ. Тамъ же былъ и студентъ, оказавшійся впослѣдствіи Петровымъ, по партійной кличкѣ «Григорій». Дѣвушки и студентъ начали оживленно бесѣдовать, гуляя по бульвару, а когда начали прощаться, то Петровъ передалъ Аннѣ Даниной, какую то бумагу. «Вѣроятно коносаментъ», подумалъ наблюдающій издали филеръ Перцовъ и сосредоточилъ свое вниманіе на дѣйствіяхъ дѣвушки. На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, «Быстрая» вышла изъ дому, поѣхала на извозчикѣ на станцію Лосинно-Островскую и пошла въ багажное отдѣленіе. Черезъ нѣкоторое время, она вышла съ носильщикомъ, который несъ большой ящикъ, который и установилъ на извозчика «Быстрой». Филеру удалось узнать, что ящикъ былъ помѣченъ въ желѣзнодорожномъ

коносаментѣ, какъ «домашнія вещи». Данина поѣхала прямо на Никитскій бульваръ, къ меблированнымъ комнатамъ, гдѣ ее встрѣтилъ Григорій, очевидно, поджидавшій ее у входа на улицѣ. Онъ быстро схватилъ ящикъ и унесъ его внутрь дома, а Данина, расплатившись съ извозчикомъ, отправилась въ Голицинскую больницу. Полиція тотчасъ явилась на обыскъ и обнаружила привезенный ящикъ въ комнатѣ Петрова, гдѣ онъ, сестра его Маня и студентъ Пѣтуховъ были заняты распредѣленіемъ по пачкамъ прокламацій. Ихъ арестовали; была арестована и Данина; маленькая и хрупкая, она сидѣла передо мною, отказываясь отвѣчать на вопросы; судорожное дыханіе и постоянно наполнявшіеся слезами глаза выдавали ея большое горе.

Вскорѣ послѣ опроса Даниной, мнѣ доложили, что меня хочетъ видѣть ея отецъ. Вошелъ огромнаго роста элегантный мужчина, гладко выбритый, съ зачесанными назадъ, сѣдѣющими, волосами. Отрекомендовавшись мнѣ докторомъ Данинымъ, онъ сказалъ:

— Я хочу поговорить съ вами, полковникъ, о моей дочери... Тутъ его голосъ дрогнулъ и оборвался. Я попросилъ его сѣсть и онъ, какъ то неловко и тяжело, опустился въ кресло.

— Я только шесть мѣсяцевъ, какъ овдовѣлъ, началъ онъ, моя старшая дочь, теперь арестованная, замѣнила мать для моихъ маленькихъ дѣтей и весь домъ лежитъ на ней... да и мнѣ безъ Нюры... Затѣмъ, искренно и правдиво, онъ сталъ говорить

о дочери, подтверждая уже создавшееся у меня впечатлѣніе.

Анна Данина любила семью, хорошо училась и была внѣ всякихъ политическихъ партій, вполнѣ раздѣляя взгляды своего отца, конституціоналиста-эволюціониста.

— Я человѣкъ науки, говорилъ онъ, природа все создаетъ эволюціей, а не ураганами, Нюра тоже понимаетъ это. Петрова, ея подруга по факультету, сыграла на ея товарищескомъ чувствѣ, прося ее съѣздить за багажемъ, котораго будто не могла получить лично, не объясняя, что въ немъ находится. Несомнѣнно, что дочь подозрѣвала или знала о принадлежности Петровой къ революціонной партіи и что находилось въ ящикѣ. Отказаться исполнить такую просьбу было бы, по мнѣнію Нюры, не только не по товарищески, но могло быть истолковано трусостью, чего дочери не хотѣлось. Тяжела была ей мысль заслужить презрительный взглядъ или ѣдкую насмѣшку рѣшительной и авторитетной въ студенческихъ кругахъ Петровой; словомъ, она не отдавала себѣ отчета въ послѣдствіяхъ своего поступка для себя и семьи....

Въ заключеніе онъ сказалъ: «Не разбивайте нашей семьи, не губите молодой жизни. Изъ нея выйдетъ полезный для родины человѣкъ, хорошій врачъ и нѣжная мать...»

Прокуратура вошла въ положеніе Даниной и она была освобождена отъ слѣдствія.

Была опрошена мною и Петрова. Типичная соціалъ-демократка, «Эсдечка», какъ они себя назы-

вали, энергичная, развязная, съ большой дозой хитрецы, словоохотливая и бывалая, она явно была довольна, что въ отношенiи ея нѣтъ достаточныхъ уликъ, для постановки дѣла на судъ, но и была обезпокоена тѣмъ, какъ бы переписка о ней не была выдѣлена въ особое административное производство, съ немедленной ея высылкой изъ Москвы, почему стала просить, чтобы ей дали возможность окончить университетскiе экзамены. Я ей отвѣтилъ, что охранное отдѣленiе препятствовать этому не будетъ, но что это не отъ него зависитъ, о чемъ ей было, конечно, извѣстно самой. Вскользь я спросилъ ее, зачѣмъ она подвела Данину, возложивъ на нее — безпартiйную — партiйную работу.

— А это не ваше дѣло! — отрѣзала она. Потомъ добавила, что партiйныя соображенiя все равно охранкѣ непонятны.

— Соображенiя, соображенiями, возразилъ я, но тутъ дѣло въ томъ, что за Данину спрятались, чтобы взвалить отвѣтственность съ больной головы, да на здоровую.

Петрова не согласилась съ этимъ, заявивъ въ заключенiе, что партiи нужны дѣла, а чьи головы при этомъ болятъ, ей неважно. Я и не ожидалъ отъ нея другого взгляда, благодаря той особенной революцiонной психологiи, при которой цѣль оправдывала любое средство и не разъ позволяла партiйнымъ дѣятелямъ обращаться къ тѣмъ самымъ товарищескимъ или дружескимъ отношенiямъ, которые они, со своей стороны такъ грубо, съ точки

зрѣнія обычной этики, нарушали, подводя стороннихъ лицъ подъ тяжкія взысканія. Это положеніе можетъ быть потверждено слѣдующимъ яркимъ примѣромъ:

Въ бытность свою еще въ Россіи, маститый соціалъ-демократъ Плехановъ и его жена Роза Марковна, женщина-врачъ, были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ однимъ молодымъ слѣдователемъ. Онъ видѣлъ въ нихъ только идейныхъ, культурныхъ и интересныхъ знакомыхъ. Супруги Плехановы уѣзжали за границу, но слѣдователь не зналъ, что это было бѣгствомъ, чтобы избѣжать послѣдствій ускользнувшей отъ него, ихъ революціонной дѣятельности. Роза Марковна просила его, какъ добраго знакомаго, разрѣшенія, поставить временно у него сундукъ съ какими то ея вещами. Онъ охотно согласился, но черезъ нѣсколько дней у неосторожнаго слѣдователя былъ произведенъ обыскъ, обнаружившій въ сундукѣ, принадлежащемъ Плехановымъ, партійную переписку и литературу. Слѣдователь былъ уволенъ въ отставку и отъ потрясенія сошелъ съ ума, причемъ постоянно кричалъ, при всякомъ приближеніи женскихъ шаговъ: «Не пускайте, не пускайте, ко мнѣ Розу, съ ея сундукомъ!»

Что же касается до брата Мани, студента Петрова, то онъ оказался уже бывшимъ въ высылкѣ и дважды арестованнымъ въ прошломъ по политическимъ дѣламъ и успѣлъ выработать манеру держать себя, какъ въ охранномъ отдѣленіи, такъ и на слѣдствіи. Записавъ въ протоколѣ данныя о

своей личности, онъ, въ графѣ «на предложенные вопросы отвѣчаю», отмѣтилъ: «на предложенные вопросы отвѣчать отказываюсь», и, поднявшись со стула, спросилъ не безъ язвительной интонаціи:

— Могу уходить?

Манера держать себя и отвѣты Петрова типичны для большинства «политическихъ».

Судъ приговорилъ его къ заключенію на два года въ тюрьмѣ, а сестру его и Пѣтухова оправдалъ.

Арестъ этой маленькой группы, не пріостановилъ дальнѣйшей работы охраннаго отдѣленія, въ выясненіи всей системы водворенія нелегальной литературы Рос. С. Д. Р. П. въ Москву и др. города Имперіи. — Секретными сотрудниками «Вяткинымъ» и другими, было выяснено, что «литература» печатается въ Германіи, въ г. Лейпцигѣ, откуда направляется къ русской границѣ, гдѣ принимается контрабандистами и отправляется въ Москву, Петербургъ и Харьковъ, для дальнѣйшаго распространенія по другимъ городамъ Имперіи. — Были тогда же выяснены фамиліи и адреса причастныхъ къ этому дѣлу лицъ, до контрабандистовъ, включительно; задержано нѣсколько транспортовъ этой литературы, а виновные арестованы и привлечены къ надлежащей отвѣтственности.

Такимъ образомъ надолго былъ разстроенъ лейпцигскій транспоръ. Притомъ слѣдуетъ отмѣтить, что «техническія группы», занимающіяся изготовленіемъ и распространеніемъ литературы или фабрикаціей разрывныхъ снарядовъ, ликвидировались тотчасъ же по выясненіи; съ одной сто-

роны, для пресѣченія преступной ихъ дѣятельности, съ другой же отбираемый матеріалъ, давалъ неопровержимыя данныя, для преданія виновныхъ суду, съ поличнымъ.

Иначе обстояло дѣло съ комитетами, пропагандистами и различной градаціи партійными работниками.

Ихъ надо было выслѣживать довольно продолжительное время, производя аресты въ соотвѣтственный моментъ; обыкновенно, когда организація собиралась въ закрытомъ помѣщеніи для рѣшенія того или другого партійнаго вопроса или вынесенія резолюцій о забастовкѣ, уличной демонстраціи и т. д. Тогда обыкновенно удавалось добыть матеріалъ или для административнаго наказанія, въ видѣ высылки, или преданія суду..

Сѣменцевъ и лица входившія въ Московскій и раіонные комитеты были арестованы позже, въ числѣ 54 человѣкъ, изъ которыхъ 18 человѣкъ было представлено къ административной высылкѣ, а 36 предстали передъ судомъ Московской Палаты, которая 11 человѣкъ оправдала, а двадцати пяти вынесла обвинительный приговоръ.

Что же касается Мячина, то онъ успѣлъ скрыться. Бѣглые изъ Сибири и оправданные, вновь сорганизовывались, а охранныя отдѣленія вновь продолжали свою розыскную работу и такъ непрерывно.

Мало по малу кропотливо и фанатично крѣпли кадры революціонеровъ; постепенно накапливался матеріалъ въ Департаментѣ Полиціи и американ-

скіе шкафы наполнялись карточками, зарегистрированныхъ наблюдаемыхъ, но это только скользило по умамъ власти, и конституціонной общественности, которыя ясно не сознавали, что такое собою представляетъ масса разнаго наименованія соціалистовъ, съ ихъ ясными программами, уставами и тактикой.

Въ итогѣ у Департамента Полиціи были сосредоточены свѣдѣнія о всѣхъ 100% революціонеровъ, ставшихъ послѣ революціи во главѣ власти надъ русскимъ государствомъ. Для спасенія Россіи не нашлось ни одного человѣка, который совмѣщалъ въ себѣ идею крайняго націонализма и дерзаніе яраго революціонера.

ГЛАВА 14.

КОММУНАРЫ

Одна изъ наиболѣе крупныхъ и дѣятельныхъ анархическихъ группъ была ликвидирована мною въ Москвѣ, въ 1911 году, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Секретный сотрудникъ, работавшій подъ псевдонимомъ «Фельдшеръ», однажды отмѣтилъ, что отъ бывшей фабричной работницы Елены Шистовой, по убѣжденію анархистки, онъ узналъ о скоромъ пріѣздѣ въ Москву анархиста Гуляка. По словамъ сотрудника, Елена близка къ нѣкоему Савельеву и, очевидно, замышляетъ съ нимъ какое-то

преступленіе, т. к. во время появленія въ ея квартирѣ Савельева, она всегда выходитъ въ коридоръ и тамъ ведетъ съ нимъ таинственно разговоры. Какъ то случилось, что, послѣ такого посѣщенія Савельева, Елена просила «Фельдшера» оказать ей услугу и добыть фунта три пороха, но, получивъ отказъ, отвѣта: «тогда достанетъ «Таня».

Изложенныя данныя секретной агентуры послужили основаніемъ для учрежденія наружнаго наблюденія за Савельевымъ, которому филеры дали кличку «Техникъ», а черезъ нѣсколько дней выяснили конспиративную встрѣчу послѣдняго, на Страстномъ бульварѣ, съ неизвѣстнымъ, мѣтко названнымъ наблюдательными агентами «Войлочнымъ», по внѣшнему виду его шляпы и пальто. Вскорѣ дальнѣйшая слѣжка выявила группу въ нѣсколько лицъ, таинственно встрѣчавшихся съ первыми двумя наблюдаемыми. Оказалось, что большинство изъ нихъ проживало въ громадномъ домѣ дешевыхъ квартиръ Солодовникова, вмѣщавшемъ въ себѣ до четырехъ тысячъ постояльцевъ. Тамъ рабочіе и бѣдные жители, за 7-8 рублей въ мѣсяцъ, имѣли комнату съ электрическимъ освѣщеніемъ, горячею водою и другими удобствами. Домъ имѣлъ нѣсколько выходовъ, вслѣдствіе чего наблюденіе за группою было технически крайне затруднительно и вызывало ежедневно назначеніе усиленнаго наряда филеровъ, человѣкъ до четырнадцати.

Недѣли черезъ двѣ, встрѣчи членовъ группы стали учащаться, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюда-

емые проявляли и болѣе осторожности и предусмотрительности.

Въ то же время «Фельдшеръ» сообщилъ, что онъ вновь посѣтилъ Елену и засталъ у нея въ комнатѣ Савельева, который, однако, оставался недолго, и, прощаясь, шепнулъ хозяйкѣ: «Ярославскій 11 часовъ». Отсюда сотрудникъ сдѣлалъ выводъ, что Елена и Савельевъ куда то уѣдутъ, хотя, по этому поводу, она съ нимъ, «Фельдшеромъ», никакого разговора не имѣла.

Дѣйствительно, въ тотъ же день наблюденіе на Ярославскомъ вокзалѣ отмѣтило отъѣздъ Елены и Савельева по направленію къ Костромѣ, куда тотчасъ же и была послана соотвѣтствующая телеграмма. На слѣдующій день, филеры ни одного изъ наблюдаемыхъ ими лицъ въ Москвѣ не видѣли, а начальникъ Костромского губернскаго жандармскаго управленія увѣдомилъ по телеграфу, что его филеры установили разновременный выходъ изъ московскаго поѣзда женщины и шести мужчинъ, которые прошли порознь на Соборную площадь и тамъ, подъ покровомъ темной ночи, сошлись. Нарядъ полиціи окружилъ группу, съ цѣлью ареста, но пріѣзжіе, оказавъ вооруженное сопротивленіе, открыли стрѣльбу изъ револьверовъ и ранили одного городового. Оказалось что Еленѣ и Савельеву удалось избѣжать задержанія и скрыться, остальные же были арестованы на площади.

Московское охранное отдѣленіе распорядилось устроить на упомянутой квартирѣ секретную полицейскую засаду, причемъ удалось задержать и

этихъ лицъ, когда они изъ Костромы возвратились домой. При задержанныхъ найдены были заряженные револьверы.

Всѣ арестованные въ Костромѣ были препровождены въ Москву, и, послѣ непродолжительнаго административнаго разслѣдованія, переданы въ распоряженіе слѣдственной власти.

Въ своемъ показаніи Савельевъ, между прочимъ, высказалъ, что его группу не слѣдуетъ смѣшивать съ шайками разбойниковъ и грабителей, такъ какъ онъ и его товарищи являются идейными «анархистами-коммунарами», проводящими въ жизнь «безмотивный терроръ». Имъ безразлична, какъ жертва, та или другая личность. Они стремятся лишь воздѣйствовать на «сытыхъ буржуа», чтобы заставить ихъ отдавать свои излишки голоднымъ и неимущимъ людямъ, словомъ, работать на пользу пролетаріевъ. По этимъ же соображеніямъ «анархисты-коммунары» бросили бомбу въ Барселонѣ, въ Испаніи, въ городскомъ театрѣ, — во время спектакля, въ Одессѣ — въ фешенебельную кондитерскую Либмана, посѣщаемую богатыми людьми, въ Варшавѣ — въ ресторанъ «Бристоль», когда тамъ находилось много разодѣтыхъ и безпечныхъ «эксплоататоровъ бѣдноты».

Черезъ короткое время, Савельевъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ повѣсился, и въ предсмертной запискѣ объяснилъ свой поступокъ, невозможностью пережить разочарованіе въ близкихъ людяхъ.

Дѣло заключалось въ томъ, что арестованный,

въ числѣ другихъ, изъ группы Савельева, его другъ Филипповъ, бѣглый матросъ съ броненосца «Потемкинъ», вызвался дать откровенное показаніе и предупредилъ, что его необходимо допросить скорѣе, иначе можетъ «уйти важное дѣло». Это заявленіе было особенно интересно, т. к. продолжавшееся агентурное разслѣдованіе, выясненія, просмотръ корреспонденціи и филерское наблюденіе развернули полную картину дѣятельности группы Савельева, заключавшейся въ убійствахъ, грабежахъ, пропагандѣ и пр., а также установили связи группы съ подобными организаціями въ Брянскѣ, Калугѣ, Екатеринославѣ и даже Австріи. Тотчасъ же перевезенный изъ тюрьмы въ охранное отдѣленіе Филипповъ, былъ введенъ въ мой кабинетъ.

Высокаго роста мужчина, лѣтъ 35, худощавый брюнетъ, съ прямыми длинными волосами, спускавшимися на лобъ и виски, съ приподнятыми плечами и вытянутой впередъ головою на мускулистой шеѣ. Глядящія изъ подлобья маленькіе, каріе, раскосые, бѣгающіе глаза, улыбка затравленнаго звѣря и сложенныя на груди руки съ узловатыми жилами и, толстыми въ концахъ, короткими пальцами; вотъ внѣшность Филиппова, которая производила отталкивающее и жуткое впечатлѣніе.

Когда конвоиры вышли изъ кабинета, Филипповъ объяснилъ, что ему необходимо находиться скорѣе на свободѣ, чтобы узнать мѣстопребываніе скрывшихся членовъ шайки. Такое заявленіе имѣло для него основаніе, т. к. по свѣдѣніямъ секретной агентуры, за двѣ недѣли до ареста Филиппо-

ва, онъ, его сожительница «Курносая Таня» и еще двое неизвѣстныхъ совершили нападеніе въ окрестностяхъ Калуги на усадьбу одинокой богатой вдовы. Задушивъ ее и служившихъ у нея садовника и горничную, шайка похитила большую сумму денегъ и массу цѣнныхъ вещей, причемъ Филипповъ значительную долю награбленнаго передалъ «Курносой Танѣ», которая должна была эти цѣнности закопать и ждать дальнѣйшихъ указаній отъ Филиппова, спѣшно выѣхавшаго въ Москву. Тамъ онъ былъ задержанъ и опасается, что оставшіеся на свободѣ члены шайки могутъ отобрать закопанныя его сожительницей деньги и вещи, а ее самое убить.

Я отвѣтилъ Филиппову, что его желаніе быть освобожденнымъ изъ подъ стражи, по многимъ основаніямъ, невыполнимо. Филипповъ съ большимъ трудомъ сдержалъ свое волненіе и негодованіе послѣ такого отвѣта и только сильно хрустнулъ пальцами. Наступило продолжительное молчаніе. Филипповъ долго размышлялъ и, наконецъ, упавшимъ голосомъ заявилъ, что разскажетъ «всю правду, какъ передъ Богомъ», причемъ началъ истово креститься на, висѣвшій въ углу комнаты, образъ.

Однако, своего торжественнаго обѣщанія Филипповъ сразу же не выполнилъ и сталъ давать показаніе, съ очевидной цѣлью запутать дѣло и направить розыскъ по ложному пути, что вынудило меня прервать его разсказъ и уличить во лжи. Филипповъ смутился, забѣгалъ глазами и, махнувъ рукой, началъ излагать правдиво свои объясненія, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему.

Въ 1905 г., во время революціоннаго бунта на

броненосцѣ «Потемкинъ», Филипповъ лично убилъ трехъ морскихъ офицеровъ, а затѣмъ бѣжалъ, вмѣстѣ съ другими матросами, въ Румынію, откуда пробрался во Владивостокъ, гдѣ организовалъ шайку, безнаказанно совершившую нѣсколько убійствъ и разбойничьихъ нападеній. Впослѣдствіи, когда двое изъ его товарищей были арестованы, онъ счелъ благоразумнымъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими членами шайки, покинуть Сибирь и, запасшись нелегальными паспортами, переѣхать въ Брянскъ, Орловской губерніи. Тамъ онъ, встрѣтившись съ Савельевымъ, близко сошелся съ нимъ и вошелъ въ его группу. По его словамъ, Савельевъ относился къ анархической дѣятельности группы съ большимъ увлеченіемъ и неоднократно многорѣчиво высказывалъ свои отвлеченныя сужденія о революціонной работѣ вообще, причемъ старался внушить членамъ шайки убѣжденіе, что ихъ предпріятія осуществляются соотвѣтственно програмнымъ задачамъ анархическаго ученія. На Филиппова, по его признанію, слова Савельева производили слабое впечатлѣніе: ему нужно было «дѣло» и его матеріальные результаты, а не отвлеченныя програмы, смысла которыхъ онъ такъ и не усвоилъ.

Члены группы очень цѣнили смѣлость и ловкость Филиппова, и всѣ его «уважали», т. к. до послѣдняго времени изъ многочисленныхъ преступныхъ предпріятій, онъ выходилъ «сухимъ», т. е. всегда благополучно ускользалъ отъ полиціи. По поводу разбойнаго нападенія подъ Калугою, Фи-

липповъ съ гордостью пояснилъ, что старуху землевладѣлицу онъ придушилъ лично: «ажъ кости хрустнули на шеѣ, такъ я ее прижалъ».

На совѣсти Филиппова было одиннадцать имъ убитыхъ человѣкъ.

Сопоставляя показанія Филиппова и другихъ съ данными, добытыми по обыскамъ, была установлена главная квартира группы, находившаяся въ Брянскѣ у пріятеля Филиппола, живущаго въ маленькомъ собственномъ домѣ на окраинѣ города, гдѣ онъ имѣлъ бондарную мастерскую, а жена его занималась огородомъ, находившимся тутъ же при домѣ.

Я тотчасъ же послалъ въ Брянскъ четырехъ опытныхъ филеровъ, которые должны были, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, найти тамъ работу на одномъ изъ заводовъ и постараться поселиться вблизи бондаря, наблюдая за нимъ послѣ работы и по праздничнымъ днямъ, посѣщая также трактиръ, гдѣ бываетъ бондарь и гдѣ слѣдовательно могутъ имѣть мѣсто интересныя для насъ встрѣчи. При этомъ самая отвѣтственная задача была возложена на старшаго филера Тѣленова. Онъ долженъ былъ, изображая бѣглаго изъ полка солдата, поступить куда нибудь на поденную работу и, посѣщая трактиръ, постараться познакомиться съ бондаремъ. Я поставилъ Тѣленова въ курсъ всего дѣла и ознакомилъ его со связями Филиппова и Савельева, которыми онъ могъ бы заинтересовать бондаря. Затѣмъ я указалъ на то, что «Курносая Таня» до сихъ поръ нами не разыскана, хотя она

проживаетъ въ Брянскѣ, о чемъ далъ свѣдѣнія сотрудникъ «Фельдшеръ», находящійся теперь въ тюрьмѣ, въ качествѣ арестованнаго и имѣющій непрерывную связь съ содержащимися тамъ анархистами. Кромѣ того «Фельдшеръ» повѣдалъ, что анархисты обезпокоены, чтобы «охранка» не обнаружила у бондаря лабораторіи и нелегальщины. Вслѣдствіе этого Савельевъ передалъ, освобожденному изъ тюрьмы вору, письмо на имя бондаря. Въ этомъ письмѣ, условными выраженіями рекомендуется «произвести чистку» квартиры и соръ выбросить или оставить для удобренія». «Фельдшеръ» это письмо понимаетъ такъ: вынести изъ квартиры нелегальщину, которую или закопать въ огородѣ или уничтожить.

Тѣленовъ вскорѣ донесъ мнѣ, что онъ уже познакомился съ бондаремъ въ трактирѣ. Бондарь пьяница и во хмелю разговорчивъ. Узнавъ, что Тѣленовъ бѣглый солдатъ и что онъ знакомъ съ Филипповымъ, бондарь, оказавшійся Иваномъ Маливымъ, таинственно улыбнулся, но себя не выдалъ, переведя разговоръ на другую тему. Въ тотъ день, когда Тѣленовъ писалъ полученное мною письмо, Маливъ забѣгалъ въ трактиръ, гдѣ встрѣтился съ молодой женщиной, передавшей ему синій платокъ, въ который были положены какія то вещи. Они пошептались и тотчасъ же разошлись, причемъ Маливъ, уходя, на ходу, поздоровался съ Тѣленовымъ, которому всетаки удалось передать женщину въ наблюденіе нашему филеру. По мнѣнію Тѣленова, женщина, судя по примѣтамъ и вздернутому носу,

можетъ быть «Курносой Таней». Въ заключеніе Тѣленовъ доносилъ:

«Хотя бондарь Маливъ увѣряетъ, что онъ постоянный житель Брянска, откуда уже много лѣтъ не выѣзжалъ, но я этому не вѣрю, т. к. полагаю, что Маливъ нелегальный матросъ, пріѣхавшій съ Дальняго Востока. Я полагаю такъ потому, что, однажды, сидя въ трактирѣ, Маливъ случайно обнажилъ правую руку, на которой я замѣтилъ татуировку-дракона, которую обыкновенно себѣ дѣлаютъ матросы, плавающіе въ китайскихъ водахъ. Затѣмъ походка бондаря морская и онъ сутулится, шляпу носитъ какъ моряки — назадъ и, наконецъ, когда бондарь куритъ, то выбрасываетъ слюну далеко отъ себя, что привыкаютъ дѣлать курящіе моряки, чтобы не плевать на палубу, а за бортъ».

Послѣ всего изложеннаго, я рѣшилъ арестовать «Курносую Таню» и Малива, съ тѣмъ, чтобы у послѣдняго оставить засаду, въ надеждѣ, что къ нему можетъ пріѣхать Гулякъ. Для ликвидаціи я командировал- въ Брянскъ ротмистра Курдюкова, двухъ надзирателей и чиновника Дмитріева, вѣдавшаго, какъ спеціалистъ-дрессировщикъ, находившейся при охранномъ отдѣленіи, извѣстной въ то время въ Россіи, полицейской собаки «Трефъ».

Эта собака прославилась рядомъ дѣлъ, по которымъ она отыскивала по слѣдамъ, запрятанныя грабителями, въ различныхъ скрытыхъ мѣстахъ, похищенныя вещи, а иногда и самихъ преступниковъ. Однако, работа съ собакой была полезна

только на окраинахъ городовъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ слѣды человѣческихъ ногъ могли довольно долго сохраняться. Въ городѣ же ея работа была почти безрезультатна. Трефъ по внѣшнему виду представлялъ собою исключительной чистоты типъ «Дабберманъ-Пинчера». Онъ былъ очень красивъ, со своими темно коричневыми подпалинами на черной шерсти и на ушахъ, всегда торчащихъ, причемъ острая морда, съ большими круглыми глазами, была привлекательна и останавливала на себѣ общее вниманіе. Съ первыхъ же дней дресировки онъ обнаружилъ исключительную понятливость, серьезность и настойчивость въ работѣ, при феноменальномъ чутьѣ. Всѣ эти данныя способствовали тому, что, на собачьихъ выставкахъ и на состязаніяхъ, Трефъ получалъ всегда первые призы, а легонды о его дѣлахъ облетали, безъ малаго, всю Россію. Признавалъ Трефъ единственно только Дмитріева, изъ рукъ котораго онъ только и принималъ пищу, или имъ оставленную, что обыкновенно вырабатывается, чтобы собака не была отравлена. Трефъ въ обхожденіи былъ сухъ и никогда не ласкался. Отъ поры до времени, Дмитріевъ являлся ко мнѣ въ кабинетъ съ Трефомъ, который безмолвно садился, имѣя переднія ноги прямыми, около Дмитріева и только поворотомъ головы и взглядомъ, показывалъ, что онъ интересуется шумомъ вентилятора или хлопнувшей дверью.

Словомъ, Трефъ тоже отправился въ Брянскъ на помощь въ розыскѣ спрятанныхъ бондаремъ

предметовъ, если таковые не будутъ найдены въ домѣ.

Черезъ три дня отрядъ возвратился въ Москву, куда были доставлены и арестованные въ Брянскѣ Маливъ, оказавшійся, какъ и предполагалъ Тѣленовъ, военнымъ матросомъ Куличенко, бѣглымъ изъ Владивостокской тюрьмы, гдѣ содержался, какъ привлеченный по дѣлу убійства священника и ограбленія церкви, его сожительница (а не жена) — изъ тѣхъ же мѣстъ — извѣстная воровка Шестова и «Таня Курносая» — сожительница Филиппова, зарегистрированная въ Брянскѣ, какъ проститутка.

Оказалось, что Трефъ превзошелъ всѣ ожиданія. По прибытіи въ Брянскъ, нашъ отрядъ, при содѣйствіи мѣстной полиціи, произвелъ обыски у Малива и «Тани Курносой». Ихъ арестовали, хотя абсолютно ничего компрометирующаго ихъ, обнаружено не было. Арестованныхъ препроводили въ полицейскій участокъ, гдѣ они и содержались порознь. На слѣдующій день, утромъ, ротмистръ, Курдюмовъ, вызвалъ Дмитріева, объяснилъ, что, вѣроятно, въ огородѣ закопаны вещи принадлежащія группѣ. Въ огородъ привели Маливу. Трефъ обнюхалъ ее и пошелъ въ огородъ, ища ея слѣдовъ. За Трефомъ шелъ Дмитріевъ, который, между прочимъ, ограждалъ огородъ, во время обыска, чтобы туда не проникъ, со своими слѣдами, посторонній человѣкъ. Трефъ началъ внимательно обнюхивать землю и ходилъ по дорожкамъ и между растеніями, около двухъ часовъ и, затѣмъ, подойдя къ две-

рямъ дома, спокойно сѣлъ. Все это было дважды повторено и столь же безрезультатно. Тогда Дмитріевъ объяснилъ, что Малива всегда работала въ огородѣ и Трефъ обошелъ весь огородъ, гдѣ естественно, могъ найти только ея слѣды. Пришелъ Тѣленовъ, на котораго съ нескрываемою яростью посмотрѣла Малива и разразилась руганью и проклятіями. Тѣленовъ вспомнилъ, что въ послѣднее посѣщеніе Маливымъ трактира, у него на рукахъ были замѣтны слѣды земли, слѣдовательно, именно онъ, Маливъ, могъ закопать вещи. Привезли бондаря. Трефъ обнюхалъ его и увѣренно пошелъ вдоль забора огорода, остановился и возвратился тѣмъ же путемъ назадъ. Дмитріевъ всетаки не удовлетворился этимъ и повелъ Трефа обнюхивать въ квартирѣ бондаря и въ его мастерской вещи и тряпье. Затѣмъ Трефъ вновь обнюхалъ Малива и направился, какъ въ первый разъ, вдоль забора, но на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ тогда только остановился, началъ сильно скребсти землю и лаять. Когда же къ нему пытался подойти ротмистръ Курдюмовъ, то онъ такъ яростно на него бросился, что Дмитріевъ, вздрогнувъ, крикнулъ: «Господинъ ротмистръ осторожно!» и подошелъ къ Трефу, который началъ махать обрѣзаннымъ своимъ хвостомъ и «подавать голосъ» т. е. лаять. На этомъ мѣстѣ, подъ кустомъ крыжовника, начали копать и тамъ обнаружили закопанный боченокъ, накрытый кускомъ стараго одѣяла, другая часть котораго находилась, среди тряпокъ, въ квартирѣ. Въ бочкѣ оказались: пробирки для сѣрной кислоты, сѣрная кислота, цин-

ковые листы, одинъ цилиндръ, порохъ, крупная дробь, т. е. все необходимое для изготовленія примитивныхъ, но смертоносныхъ бомбъ, затѣмъ письма и замѣтки, принадлежащія Гуляку, которыя были завернуты въ синій платокъ, переданный передъ тѣмъ Таней Маливу и 200 экземпляровъ журнала «Буревѣстникъ». На днѣ бочки оказалась папка съ бумагами Малива и его фотографіями. На одной изъ нихъ были изображены матросъ и женщина, причемъ на карточкѣ было напечатано: «Владивостокъ. Фотографія Экспрессъ». Присмотрѣвшись внимательно, безъ труда можно было распознать, въ снятыхъ на карточкѣ, Малива и его сожительницу; тамъ же находились и паспорта на имя Шестовой и Куличенко.

Не запираясь, Маливы сознались, кто они такіе. Дмитріевъ узнавъ что «Курносая» имѣла полученныя отъ Филиппова деньги и вещи, принадлежавшія убитой помѣщицѣ, началъ розыскивать ихъ въ усадьбѣ, гдѣ жила «Таня», которую нѣсколько разъ обнюхивалъ Трефъ. Сопровождаемый Дмитріевымъ, Трефъ нѣсколько разъ обошелъ чердаки, сараи и погребъ, когда въ послѣднемъ «подалъ голосъ» и, дѣйствительно, подъ лоханкой съ бѣльемъ были закопаны вещи, завернутыя въ бумагу и платокъ, принадлежащій «Курносой». Денегъ не оказалось, но ограбленныя вещи были всѣ налицо.

Дмитріева впослѣдствіи разстрѣляли большевики.

На ряду съ такими типами, какъ Филипповъ,

«Курносая Таня» и др., въ той же группѣ находились и иного характера участники, какъ напр. Гулякъ, который былъ арестованъ впослѣдствіи, по возвращеніи его изъ Австріи, изъ города Черновицъ, откуда онъ пріѣхалъ съ транспортомъ подпольнаго журнала «Буревѣстникъ», предназначеннаго для распространенія въ Москвѣ и другихъ городахъ.

Молодой человѣкъ, 22 лѣтъ, съ изможденнымъ и блѣднымъ лицомъ, Гулякъ былъ убѣжденнымъ анархистомъ-фанатикомъ и аскетомъ. Одѣтъ всегда плохо, почти оборванный, тратилъ на пищу минимально, лишь бы не умереть съ голода, не допускалъ лично для себя никакихъ тратъ на развлеченія, удовольствія или что либо другое, связанное съ излишествомъ и роскошью. Преслѣдовавшій убѣжденно чисто идейныя цѣли анархической программы, Гулякъ, однако, никогда не отказывался отъ личнаго участія во всѣхъ осуществлявшихся группами преступленіяхъ, но всегда предпочиталъ, такъ или иначе, содѣйствовать террористическимъ актамъ.

Въ концѣ концовъ, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи было подвергнуто задержанію 35 человѣкъ и у нихъ было отобрано много бомбъ, оружія и нелегальной литературы. Въ числѣ арестованныхъ были разнаго рода лица. Были типы такіе, какъ Филипповъ и такіе, какъ Гулякъ, встрѣчались и вовсе безхарактерные люди, просто вовлеченные въ грабительскую дѣятельность, попадались развращенные недоучки, женщины и испорченные до моз-

га костей незрѣлые юноши. Конечно, въ составъ группъ входили и подонки разныхъ революціонныхъ партій, которые въ своей агитаціонной работѣ проводили всегда популярную и легко воспринимаемую идеологію: отчужденія богатствъ, отрицанія собственности, грабежа награбленнаго и т. д.

Идея и кровь, деньги и любовь, все это переплелось въ пестрый клубокъ, который и былъ разрубленъ приговоромъ Московской судебной палаты, осудившей всю группу на разные сроки каторжныхъ работъ.

Послѣ захвата въ Россіи власти, большевиками, Филипповъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Чека въ Брянскѣ.

ГЛАВА 15.

СОТРУДНИКИ.

Изъ наиболѣе интересныхъ сотрудниковъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло или пользоваться ихъ свѣдѣніями, не безинтересно упомянуть о слѣдующихъ:

Окончившая Смольный институтъ З. Ф. Жученко, по своимъ убѣжденіямъ была далека отъ революціонныхъ стремленій и согласилась пойти въ секретную агентуру изъ любви къ таинственности, риску, а отчасти авантюризму и полной убѣжденности въ разлагающемъ вліяніи революціонеровъ на русскій народъ. Жученко была полезною сек-

ретною сотрудницей Московскаго охраннаго отдѣленія. На ней, главнымъ образомъ, базировалась работа этого учрежденія по партіи соціалистовъ-революціонеровъ, пока, наконецъ, она не была разоблачена въ революціонной средѣ, послѣ выдачи розыскнымъ властямъ оппозиціи С. Р. Въ ея работѣ бывали подчасъ очень трудные моменты, грозившіе поставить ее въ безвыходное положеніе. Такъ, въ 1905 году, партія с.-р. поручила Жученко взять на себя руководство убійствомъ Минскаго губернатора, впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, П. Г. Курлова. Получилась дилемма: или ее провалить отказомъ исполнить веленіе комитета, или, для сохраненія ея исключительнаго положенія въ партіи, пойти на компромиссъ. Съ ея согласія и даже по ея настойчивой просьбѣ, начальникъ Московскаго охраннаго отдѣленія, полковникъ Климовичъ, остановился на второмъ разрѣшеніи труднаго вопроса. Жученко изъявила готовность руководить порученнымъ ей террористическимъ актомъ и дѣловито подвергала обсужденію съ комитетомъ подробности этого заданія. Разрывной снарядъ она доставила въ Московское охранное отдѣленіе, гдѣ запальное приспособленіе (детонаторъ), было обезврежено, отчего при метаніи взрыва произойти не могло. Этотъ безопасный снарядъ былъ брошенъ въ губернатора и, конечно, безъ всякихъ послѣдствій. Всетаки въ отношеніи Жученко, у комитета с.-р. прошла тѣнь подозрѣнія, но поведеніе ея и конъюнктура другихъ обстоятельствъ сдѣлали то, что ея положеніе

было вновь упрочено и она стала пользоваться прежнимъ довѣріемъ. Съ точки зрѣнія руководителей розыскомъ, сотрудница была спасена отъ «провала», почему продолжала агентурную работу и, благодаря ея свѣдѣніямъ, впослѣдствіи было ликвидировано нѣсколько группъ, сформировавшихся для совершенія ряда убійствъ и экспропріяцій.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что метатель бомбъ въ Минскаго губернатора, наказанія не понесъ.

Съ Жученко я лично не работалъ, но изложенный случай съ Минскимъ губернаторомъ, знаю съ ея собственныхъ словъ, когда въ 1910 году, въ бытность свою начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія,я пригласилъ ее пріѣхать ко мнѣ изъ Берлина въ Москву. Какъ «проваленная» сотрудница, она была безполезна для освѣщенія текущаго момента, но ея колоссальная память и знаніе главарей партіи с.-р. и ихъ связей были весьма цѣнны для меня, при изученіи личнаго состава партіи и индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ въ послѣдніе три года я боролся лишь исключительно съ польскими революціонными партіями, занимая должность начальника Варшавскаго охраннаго отдѣленія.

Съ внѣшней стороны Жученко представляла собою высокаго роста, весьма худощавую блондинку, лѣтъ 35, въ большихъ круглыхъ очкахъ въ золотой оправѣ на маленькомъ носу, съ широкимъ лбомъ, словомъ физіономія ея ничего особеннаго собою не представляла и красотою не отличалась,

Но бесѣдуя съ нею и прислушиваясь къ твердой опредѣленной рѣчи ея грудного голоса, нельзя было не оцѣнить ея большой характеръ, незаурядный умъ и вдумчивость, съ которою она выражала свои мысли. Вспоминая о рядѣ дѣлъ, ликвидированныхъ по ея свѣдѣніямъ, она увлекалась техникою розыска и пріемами, которыми пользовалась для отвлеченія отъ себя подозрѣній. Тогда ея глаза оживлялись и въ нихъ чувствовалась проницательность, хитреца и увлеченіе выпадавшими на нее дѣлами, изъ которыхъ она выходила побѣдительницею. Цѣль ея жизни сводилась къ тому, чтобы воспитать и поставить на ноги своего малолѣтняго сына. Слабостью ея была музыка и опера, которую она постоянно посѣщала съ увлеченіемъ. Зная всесторонне русское общество, вращаясь въ разныхъ кругахъ, отъ аристократической безпартійной среды, монархическаго образа мышленія, до прогрессивно-революціонныхъ группъ, ярко проводящихъ свои республиканскія стремленія въ борьбѣ съ монархизмомъ, она, какъ рѣдко кто, могла судить о силѣ тѣхъ и другихъ.

Считая монархическій образъ правленія необходимымъ для Россіи, она, тѣмъ не менѣе, сомнѣвалась, чтобы при повторной, послѣ 1905 года, революціи, правительство выйдетъ побѣдителемъ. Необходимы реформы, мудрость и твердость центральной власти для борьбы съ соціалъ-демократами, завладѣвшими рабочимъ классомъ и соціалистами-революціонерами, работающими успѣшно въ крестьянской и военной средѣ, говорила она. Они,

какъ муравьи, создаютъ свой міръ, управляемый партіями внѣ правительства и окрылены вѣрой въ свой успѣхъ, Вѣдь, несмотря на 1905 годъ, русское общество и правящія сферы не поняли сути происшедшаго, заключила она.

Гдѣ теперь Жученко, неизвѣстно, но она избѣгла и революціонной мести и большевистскаго разстрѣла.

Освѣщаемая Жученко партія соціалистовъ-революціонеровъ, образовалась въ 1901 году изъ цѣлаго ряда организацій, возникшихъ въ Россіи ранѣе.

Партія эта стремилась къ объединенію, для революціонной борьбы съ правительствомъ, рабочихъ, крестьянъ и трудовой интеллигенціи. Идеологически она совершенно разошлась съ марксистами, признавая созидательное значеніе личности. Тактика ея: пропаганда, агитація въ массахъ и терроръ проводимый при посредствѣ боевыхъ организацій. У нея сильнѣе всего былъ разработанъ крестьянскій вопросъ, съ конечной цѣлью соціализаціи земли. Въ вопросѣ о строѣ государственнаго управленія она стояла за республиканскій федеративный образъ правленія. Какъ ни странно, эти стремленія соціалистовъ-революціонеровъ осуществили въ Россіи коммунисты, въ своемъ корнѣ соціалъ-демократы марксисты, не признававшіе ни соціализаціи, ни федераціи.

Много толковъ вызвалъ въ свое время Азефъ, имя котораго стало нарицательнымъ. Азефъ, членъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, нагло обманывалъ свою партію и завѣдывавшаго розыскомъ, у котораго онъ состоялъ на службѣ въ качествѣ секретнаго сотрудника. Первымъ, кто понялъ дѣйствительную роль Азефа, — былъ завѣдывавшій заграничною агентурою Рачковскій, который о немъ лично разсказывалъ мнѣ небезъинтересныя данныя. Уличивъ Азефа въ работѣ на два фронта, Рачковскій прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Тогда Азефъ, чтобы снять съ себя, возникшее у нѣкоторыхъ членовъ партіи с.-р. въ отношеніи его сомнѣіе и отомстить департаменту полиціи за лишеніе его крупнаго содержанія (500 рублей въ мѣсяцъ), вошелъ въ активную партійную работу по террору и явился однимъ изъ соучастниковъ по организаціи убійства въ Москвѣ вел. кн. Сергѣя Александровича.

Послѣ этого, однажды, въ С.-Петербургѣ, одинъ изъ филеровъ С.-П. Б-го охраннаго отдѣленія замѣтилъ, что его наблюдаемый встрѣтился съ нѣкіимъ «Филиппикомъ», за которымъ нѣсколько лѣтъ ранѣе онъ слѣдилъ. Филеръ не оставилъ послѣдняго и выяснилъ его квартиру, а по справкѣ въ охранномъ отдѣленіи, оказалось, что кличку «Филиппика» носилъ Евно Филипповичъ Азефъ, псевдонимъ по розыскной работѣ «Виноградовъ». — Азефъ былъ, съ соблюденіемъ конспираціи, арестованъ и привезенъ къ начальнику Петербургскаго охраннаго отдѣленія Герасимову, у котора-

го послѣ разговоровъ съ Азефомъ возникъ вопросъ, или допустить продолженіе дѣятельности крайне законспирированной боевой группы партіи с.-р., извѣстной Азефу и неизвѣстной охранному отдѣленію или вновь воспользоваться его работой, хотя увольненіе Азефа Рачковскимъ было извѣстно, но неизвѣстно было тогда еще участіе его въ московскомъ убійствѣ. По обсужденіи этого вопроса, остановились на второмъ рѣшеніи и Азефъ сдѣлался опять секретнымъ сотрудникомъ. Окончательно онъ былъ «проваленъ» быв. директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ, въ неосторожномъ разговорѣ заграницей съ В. Л. Бурцевымъ, который тогда спеціально интересовался выясненіемъ и разоблаченіями секретныхъ сотрудниковъ департамента полиціи.

Надо сказать, что работа съ такими секретными сотрудниками, какъ Азефъ весьма затруднялась тѣмъ, что они стояли внѣ сферы другой агентуры и поэтому отъ провѣрки ускользали.

Въ 1910 г. въ Москвѣ былъ арестованъ Малиновскій, — членъ такъ называемой «семерки» Ц. К. Р. С. Д. Р. П., «фракціи большевиковъ».

Слесарь по ремеслу, 30 лѣтъ, высокаго роста, шатенъ съ застѣнчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, Малиновскій производилъ впечатлѣніе зауряднаго фабричнаго рабочаго, но изъ агентурныхъ источниковъ было извѣстно, что онъ смѣлый и бойкій митинговый ораторъ и видный дѣятель фракціи.

На основаніи такихъ данныхъ было рѣшено попытаться склонить Малиновскаго работать по розыску въ качествѣ секретнаго сотрудника. Прямого предложенія ему не было сдѣлано, но осторожно, касаясь общихъ принципіальныхъ вопросовъ, партійныхъ тенденцій и даже обстоятельствъ частной жизни, Малиновскому дано было понять, что убѣжденности въ его поступкахъ, какъ большевика нѣтъ, и что въ немъ сквозитъ дѣятель, толкаемый на революціонную работу лишь авантюризмомъ его натуры, денежнымъ расчетомъ и желаніемъ быть въ глазахъ рабочихъ окруженнымъ ореоломъ борца за народную свободу. Ему было также указано на не совсѣмъ устойчивое его прошлое и преслѣдованіе по суду за присвоеніе чужой собственности.

Долго Малиновскій молчалъ и размышлялъ. Онъ понялъ, что настроеніе его учтено вѣрно.

Наконецъ, послѣ долгаго разговора, Малиновскій выразилъ согласіе и на заданныя ему вопросы, относительно текущаго момента и его сопартійниковъ, далъ правдивые отвѣты и тѣмъ убѣдилъ въ искренности своего рѣшенія.

Свиданіе съ нимъ затянулось до утра. Чтобы маскировать столь продолжительное пребываніе Малиновскаго въ охранномъ отдѣленіи, а также и его освобожденіе, пришлось немедленно же вызвать изъ тюрьмы остальныхъ членовъ большевистской группы, опросить ихъ и одновременно всѣхъ освободить.

Всѣ мѣры предосторожности были приняты и образъ дѣйствія охраннаго отдѣленія никому изъ

членовъ партіи не далъ никакого подозрѣнія, что Малиновскій сдѣлался секретнымъ сотрудникомъ, сначала подъ кличкой «Портной», а потомъ подъ псевдонимомъ «Иксъ».

Малиновскій оказался весьма обстоятельнымъ агентомъ, его свѣдѣнія всегда отличались точностью и полнотою, почему, когда онъ былъ избранъ членомъ государственной думы, всѣ намѣренія революціонныхъ круговъ были извѣстны правительству.

Впослѣдствіи Малиновскій продолжалъ свое тайное сотрудничество съ директоромъ департамента полиціи С. П. Бѣлецкимъ; послѣдній, между прочимъ, далъ указанія Малиновскому искусственно вызвать между думскими соціалъ-демократами расколъ и тѣмъ ослабить, при голосованіи, значеніе фракціи с.-д., насчитывающей въ своей средѣ тринадцать человѣкъ. Сотрудникъ это порученіе выполнилъ, совершенно незамѣтно для своихъ товарищей, которые, можетъ быть, до сего времени, не догадались, что всѣ ихъ распри и послѣдовавшій затѣмъ расколъ фракціи на двѣ группы — одна въ шесть, а другая въ семь человѣкъ — были вызваны и проведены изложеннымъ выше путемъ.

Малиновскій оффиціально, какъ секретный сотрудникъ, былъ разоблаченъ послѣ февральскаго переворота 1917 года; дѣятельность его получила совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности освѣщеніе въ прессѣ, будто бы, при посредствѣ этого и другихъ сотрудниковъ, департаментъ полиціи поддерживалъ большевиковъ. Кромѣ того слѣ-

дуетъ отмѣтить, что въ условіяхъ порядка вещей, до Временнаго Правительства, дѣятельность большевиковъ въ Россіи проявлялась весьма замкнуто и только послѣ переворота, она развилась до предѣловъ, позволившихъ имъ захватить государственную власть въ свои руки.

Малиновскій давалъ свѣдѣнія охранѣ о Россійской социалъ-демократической рабочей партіи. Не вдаваясь въ подробности, я полагаю, что нѣкоторымъ читателямъ, по всей вѣроятности, интересно будетъ ознакомиться съ нею въ общихъ чертахъ.

Партія эта образовалась въ 1898 году на первомъ съѣздѣ марксистскихъ группъ и кружковъ, существовавшихъ въ Россіи въ восьмидесятыхъ годахъ.

Эта партія, согласно марксистской идеологіи, стояла на классовой позиціи, защищая интересы рабочаго класса, отрицала терроръ. Первоначально въ партіи существовало два теченія: правое — «легальные марксисты» и «экономисты» (Петръ Струве, Туганъ-Барановскій, Кускова и др.) и лѣвое «Искровцы» (Плехановъ, Мартовъ, Ленинъ и др.).

На второмъ съѣздѣ, въ 1903 году, произошелъ расколъ среди «Искровцевъ», на почвѣ расхожденія въ уставныхъ вопросахъ, а именно: 1) кого принимать въ члены партіи, 2) какъ относиться къ либераламъ и 3) какъ долженъ быть организованъ центральный органъ партіи.

«Большинство», во главѣ съ Ленинымъ и Плехановымъ, рѣшило, что въ партію могутъ прини-

маться только люди, принявшіе полностью программу, уставъ и тактику партіи, что съ либералами никакое соглашательство не допустимо и что работа должна быть строго централизирована, имѣя во главѣ центральный комитетъ. «Меньшинство» же, во главѣ съ Мартовымъ, держалось по этимъ вопросамъ иного мнѣнія, а именно было за пріемъ въ партію и сочувствующихъ, за допускъ соглашательства съ либералами и за децентрализацію работы.

Такимъ образомъ, появились двѣ фракціи въ партіи: большевиковъ, во главѣ съ Ленинымъ, и меньшевиковъ, во главѣ съ Мартовымъ и вскорѣ присоединившимся къ нимъ Плехановымъ.

Между этими фракціями велась постоянная борьба, какъ говорили не на животъ, а на смерть.

Побѣдили большевики.

ГЛАВА 16.

ВЪ ПРЕДДВЕРЬИ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ сентябрѣ 1916 года я выѣхалъ, по приглашенію министерства, изъ Одессы въ Петербургъ, чтобы поступить въ распоряженіе департамента полиціи, для командировокъ отъ министерства по дѣламъ розыскной части. Въ Одессѣ я пробылъ начальникомъ жандармскаго управленія въ теченіи пяти лѣтъ и не безъ сожалѣнія покидалъ оживленный, богатый, южный городъ.

Обычные въ такихъ случаяхъ проводы, съ по-

дарками, рѣчами и обѣдами. О революціи нѣтъ и рѣчи, однако, въ общей атмосферѣ замѣтенъ сдвигъ влѣво, выражающійся въ болѣе открытой критикѣ Правительства. Затяжная война, съ ея многочисленными жертвами и рѣдкими и неполными побѣдами, вызываетъ всеобщее утомленіе и раздраженіе. Общественное мнѣніе, руководимое лѣвыми вліяніями, обращается противъ центральной власти, причемъ непровѣренные злонамѣренные слухи разрастаются до инсинуацій противъ самаго Двора. Всѣ спорятъ, но въ сущности никто точно не знаетъ, что онъ отрицаетъ и съ чѣмъ соглашается, причемъ, несогласіе фатально разъединяетъ интеллигентную среду въ моментъ остраго напряженія войны, когда такъ необходимы единеніе и солидарность.

На горизонтѣ революціонной работы начало проявляться вліяніе подпольныхъ ячеекъ на заводахъ. Дѣло въ томъ, что изготовленіе снарядовъ производилось военнымъ вѣдомствомъ на частныхъ заводахъ, владѣльцы которыхъ входили въ составъ Военно-Промышленныхъ комитетовъ (мѣстныхъ), во главѣ съ общественными дѣятелями; комитеты эти возглавлялись центромъ, который находился въ Петербургѣ, имѣя своимъ предсѣдателемъ А. И. Гучкова, а товарищемъ — прогрессиста Коновалова, шедшими на поводу у соціалистовъ, соглашательствомъ съ которыми въ Военно-Промышленные комитеты были допущены представители отъ рабочихъ, которые тотчасъ же начали вносить въ дѣловую работу чисто соціалистическія тенденціи.

Во главѣ этого дѣла, въ Петербургѣ, сталъ Гвоздевъ, вошедшій въ Центральный Комитетъ отъ рабочихъ и занявшій въ немъ доминирующее положеніе. Въ тоже время, естественно, онъ сдѣлался главой и подпольнаго центра. Впослѣдствіи Гвоздевъ былъ министромъ труда во Временномъ Правительствѣ, а большевики его избивъ, арестовали. Гвоздевъ и всѣ рабочіе представители были извѣстны розыскнымъ органамъ не какъ техники, а какъ соціалисты, представляющіе собою величины въ революціонномъ мірѣ. Нисколько не способствуя практическимъ цѣлямъ комитетовъ, они тотчасъ же создали на заводахъ революціонныя ячейки и постепенно пріобрѣли значеніе руководителей массами. Между прочимъ, Петербургомъ былъ делигированъ въ Одессу нелегальный партіецъ, что было отмѣчено и въ другихъ городахъ. Это положеніе стало отражаться вскорѣ на количествѣ и качествѣ работы на заводахъ. Такимъ образомъ Промышленный Комитетъ становился, какъ бы прикрытіемъ подпольныхъ организацій, члены коихъ, подъ видомъ освѣдомленія массъ о ходѣ работъ, разъѣзжали по мѣстамъ, организовывали и настраивали рабочихъ, связывая ячейки съ подпольными центрами, по восходящей линіи, откуда онѣ далѣе и получали указанія. Въ итогѣ, вся Россія оказалась окутанной сѣтью нелегальныхъ организацій-ячеекъ, сплоченныхъ и дисциплинированныхъ, внѣ правительства и противъ него.

Немедленно вслѣдъ за этимъ, были организованы повсюду и желѣзнодорожные комитеты, также

рабочіе и подпольные. Во всѣхъ нихъ оказались рабочіе, тоже принадлежащіе къ той или другой революціонной партіи, въ большинствѣ случаевъ опытные агитаторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя сказать, чтобы и эти лѣвыя организаціи не проявляли бы стремленія къ благополучному исходу войны. Тѣмъ не менѣе, департаментъ полиціи вскорѣ отмѣтилъ, пораженческую пропаганду, проникающую и въ эти рабочія организаціи изъ большевистскаго центра въ Швейцаріи, послѣ Циммервальдскаго съѣзда, возглавленнаго Ленинымъ. Какъ извѣстно, при посредствѣ Троцкаго, принужденнаго покинуть Францію, гдѣ онъ участвовалъ въ пораженческихъ изданіяхъ, нѣкій Парвусъ свелъ Ленина съ германскимъ генеральнымъ штабомъ, чего не скрываетъ и генералъ Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Ленинъ получаетъ отъ Германіи колоссальныя деньги, вражеская работа кипитъ; распространяется всюду пораженческая литература, въ Россіи разъѣзжаютъ пропагандисты и агитаторы, развивается шпіонажъ и какъ результатъ Ленинской работы, выявляется ярко деморализація въ войскахъ и въ обществѣ. Правительство на это должнымъ образомъ не реагировало, а революціонныя и общественныя организаціи, желавшія побѣднаго конца, не поняли, что своей оппозиціей къ власти, они льютъ масло на нѣмецкій костеръ.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и работу общественной организаціи «Земгоръ», что означало: объединеніе земскихъ и городскихъ общественныхъ дѣятелей. Замыселъ работы «Земгора» и выполненіе ея

въ сферѣ устройства госпиталей, санитарныхъ отрядовъ, питательныхъ пунктовъ, были въ высшей степени патріотичны и цѣлесообразны; но вскорѣ «Земгоръ», перейдя къ политической работѣ, придалъ ей общій оппозиціонный характеръ, создавая впечатлѣніе, что и люди и учрежденія существующаго режима должны быть замѣнены изъ ихъ среды болѣе дѣятельными и соотвѣтствующими требованіямъ времени.

Не лишено при этомъ интереса и то, что «Земгоръ» въ своей организаціи пріютилъ немало здоровыхъ молодыхъ людей, не желавшихъ подставлять свои головы подъ пули.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, положеніе вещей, при которыхъ состоялся мой пріѣздъ въ Петербургъ. Тотчасъ послѣ явки по начальству, я былъ командированъ для провѣрки агентуры въ Полтаву. Пріѣхавъ туда, я явился къ губернатору Моллову, бывшему прокурору Одесской судебной палаты, съ которымъ я работалъ въ Одессѣ почти пять лѣтъ. Я положительно не узналъ его, такъ измѣнились его взгляды и подходъ къ различнымъ вопросамъ по борьбѣ съ революціоннымъ и оппозиціоннымъ движеніемъ. Ранѣе, ясный и категоричный въ своихъ мнѣніяхъ, онъ сталъ теперь какъ то неопредѣлененъ и ближе къ психологіи лѣвой общественности, чѣмъ къ государственной точкѣ зрѣнія. Чувствовалась какая то апатія. Оказалось, что въ полтавскихъ мастерскихъ существуетъ желѣзнодорожный подпольный комитетъ, извѣстный мѣстной жандармеріи, но ярко безнаказанно проявляющій свою дѣятельность

въ возбужденіи рабочихъ, который, поднявъ на забастовку, предъявилъ рядъ требованій, хотя и экономическаго характера, но совершенно невыполнимыхъ по условіямъ военнаго времени. Той откровенности, которая была раньше между мною и Молловымъ, не осталось и слѣда. Изъ всего сказаннаго имъ, можно было заключить, что Петербургъ не даетъ опредѣленныхъ указаній и что послѣднія сводились къ расплывчатымъ фразамъ, съ предоставленіемъ дѣйствовать «на общихъ основаніяхъ». Между тѣмъ, возникавшіе вопросы являлись общими для всей Имперіи и только одновременныя энергичныя мѣропріятія во всемъ государствѣ могли бы вернуть страну къ сознанію отвѣтственности переживаемаго момента и къ укрѣпленію государственной власти. Такимъ образомъ, условія работы губернатора были крайне тяжелыми; неопредѣленность подрывала его авторитетъ, а нерѣшительность центральной власти отражалась на его положеніи.

Посѣщеніе Полтавы впервые ярко выявило въ моемъ сознаніи угрозу, нависшую надъ государствомъ.

Ко времени моего возвращенія въ столицу, многое перемѣнилось. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ Протопоповъ, странная, неопредѣленная, неуравновѣшенная личность, какъ бы олицетворяющая собою слабость и непопулярность государственной власти.

Въ началѣ октября 1916 года, т. е. за четыре мѣсяца до революціи, я вновь былъ командированъ для провѣрки и постановки розыскного дѣла по всей

Сибири. До Иркутска предстояло ѣхать пять сутокъ въ Сибирскомъ экспрессѣ, но оборудованіе этого поѣзда съ ванной, вагономъ рестораномъ, читальней и прочими удобствами были настолько превосходно, что обѣщало, хотя и долгую, но пріятную дорогу въ пять тысячъ километровъ.

Выѣзжаю изъ Петербурга въ мокрую осеннюю погоду. Черезъ десять часовъ проѣзжаемъ мимо Вологды. Сквозь громадныя окна вагона прекрасно виденъ этотъ старинный, широко разбросанный городъ, съ низкими, большею частью деревянными, и изрѣдка, каменными, домами и массой церквей, своеобразной старинной архитектуры, съ высокими колокольнями и сферическими куполами, увѣнченными большими золочеными крестами. Тутъ тоже осень, но замѣтно холоднѣе. Проѣхавъ еще сутки, мы очутились въ снѣжномъ мокромъ ураганѣ. Крупныя хлопья снѣга, падая и тая, образовывали лужи воды и непролазную грязь на дорогахъ. Здѣсь шоссе не существуетъ; дороги проложены по вязкому грунту и въ это время года, до морозовъ, сообщеніе на лошадяхъ почти прекращается; только, кое-гдѣ, появляется одноконная крестьянская телѣга или тяжело шагающій по грязи пѣшеходъ.

Въ поѣздѣ всѣ скоро перезнакомились. Постепенно стали образовываться, какъ во всякой долгой поѣздкѣ, группы, которыя располагались вмѣстѣ въ ресторанѣ, посѣщали другъ друга въ купэ или играли въ коммерческія игры въ карты. Въ дорогѣ, какъ-то всѣ дѣлаются проще и симпатичнѣе. Ѣхалъ прокуроръ Иркутской судебной палаты Нимандеръ

и мы быстро сговорились о томъ, какъ слѣдуетъ реагировать на инцидентъ, происшедшій въ Иркутскѣ между жандармами, слѣдователемъ и прокуратурой. По существу все сводилось къ пустякамъ, на почвѣ провинціальнаго мѣстничества.

Въ поѣздѣ ѣхалъ также мрачнаго вида старичекъ, маленькій, сухенькій, лѣтъ 70. Онъ все время читалъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Я какъ то запоздалъ въ вагонъ-ресторанъ, гдѣ сидѣлъ и онъ, уже собираясь уходить. Въ ожиданіи лакея, я развернулъ мѣстную газету, когда старикъ подошелъ ко мнѣ, прося разрѣшенія присѣсть къ столу, чтобы просмотрѣть телеграммы. Такимъ образомъ мы познакомились и разговорились. Оказалось, что онъ ѣздилъ на Кавказъ, навѣстить свою дочь. Теперь же возвращается къ себѣ во Владивостокъ, гдѣ имѣлъ коммерческое предпріятіе. Онъ многое зналъ и многое видѣлъ на своемъ вѣку, обладалъ прекрасною памятью и былъ зло остроуменъ.

— Ѣду я седьмыя сутки, — сказалъ онъ, — и не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія обширности нашей родины. Подумать только, что теперь въ Батумѣ до 20 градусовъ въ тѣни, пальмы растутъ подъ открытымъ небомъ, апельсины и лимоны зрѣютъ, какъ въ Италіи, а тутъ мы переваливаемъ холодный Уралъ, съ его рудными богатствами, неисчислимой міровой цѣнности, но что они въ сравненіи со всѣми богатствами еще вовсе непочатыми въ Сибири и Туркестанѣ... Величіе Россіи поразительно и нельзя отказать въ мудрости народу и его вождямъ, ко-

торые ее создали, но необходимы еще многіе годы устроенія и развитія, а тутъ въ короткое время вторая война и можно ли удивляться, что чувствуется ослабленіе духа. Конечно, оно временное, но имъ могутъ воспользоваться, чтобы злоупотребить и натворить много бѣдъ. Всетаки, слѣдуетъ вѣрить въ жизненную силу народа, создавшаго такое государство. Посмотрите хотя бы на этотъ колоссальный Сибирскій желѣзнодорожный путь, — сколько различныхъ мѣстъ онъ проходитъ и какъ грандіозенъ планъ его выполненія! Къ сѣверу отъ насъ, за безпредѣльными лѣсами, полными рѣдкаго звѣря, начинаютъ тянуться земли, гдѣ населеніе одѣвается въ оленьи шкуры и гдѣ водятся тюлени и бѣлые медвѣди, а къ югу — въ нашей же Россіи — плодороднѣйшія земли Вѣрнаго и Семирѣчья, гдѣ тигры кроются въ тростникахъ, а еще далѣе къ югу, зрѣютъ хлопокъ и флора и фауна приближается къ тропической. Здѣсь десять градусовъ ниже нуля, а потомъ станетъ снова теплѣе и во Владивостокѣ мы застанемъ теплую осень. Да, государь мой, приходится ѣхать пятнадцать дней въ скорыхъ поѣздахъ, чтобы доѣхать отъ Батума до Владивостока. Но плохія времена мы переживаемъ. Всюду неурядица, неудовольствіе, слезы и критика. Ужасное явленіе война! лучшіе гибнутъ, все безпощадно разрушается, а самое главное, что народъ точно теряетъ свое единство и всѣ озлоблены. Да что много говорить. Въ Батумѣ, въ клубѣ, почти открыто, порицали Царя и Царицу, а одинъ типъ даже сказалъ: «Не стоитъ о нихъ и говорить! Они скоро уй-

дутъ. Царь отречется, а на его мѣсто будетъ Алексѣй, съ регентомъ Михаиломъ Александровичемъ». На это одинъ изъ членовъ клуба, вполнѣ солидный и приличный человѣкъ, добавилъ, что, повидимому, свѣдѣнія о предстоящемъ отреченіи правильны, такъ какъ въ Батумъ пріѣзжали: Гучковъ, а затѣмъ — членъ Думы Бубликовъ, которые, по секрету, говорили нѣкоторымъ тоже самое, но регентомъ назвали Вел. Кн. Николая Николаевича. Они же склоняли на свою сторону военныхъ начальниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые соглашались, считая, что такъ будетъ лучше...

Старикъ смолкъ и задумался. Затѣмъ быстро, всталъ и, подавая мнѣ руку, твердо сказалъ:

— Дѣло дрянь! Не во время войны такія штуки затѣвать и умы мутить. Ничего хорошаго не будетъ!

То что сказалъ этотъ человѣкъ, соотвѣтствовало дѣйствительности: работа многихъ общественныхъ дѣятелей и членовъ государственной думы была именно такова, каковой изображалъ ее старичекъ. Все доподлинно было извѣстно министру Протопопову, который однако не только не принималъ никакихъ мѣръ, но и не докладывалъ всѣхъ свѣдѣній полностью Государю. Говорю «полностью», такъ какъ министръ Вн. Д. составляя всеподданнѣйшіе доклады изъ свѣдѣній, поступавшихъ со всей Имперіи, весьма смягчалъ положеніе, почему въ высшихъ сферахъ и царилъ изумительный оптимизмъ.

Отъ жандармскаго офицера станціи Красноярскъ, которую мы только что проѣхали, я узналъ,

что въ городѣ были безпорядки на почвѣ дороговизны продуктовъ; чернь грабила магазины и избивала торговцевъ. Убито и ранено нѣсколько полицейскихъ. Къ этому ротмистръ добавилъ, что въ толпѣ были агитаторы и руководители безпорядками, кои пришлось подавить дѣйствіями войскъ.

Поѣздъ мчитъ насъ дальше. Уже зима. Необозримыя снѣжныя поля и убранныя въ бѣлые саваны деревья. Природа замерла на многіе мѣсяцы. Кое гдѣ виднѣются деревни и хутора, но людей почти не замѣтно. Оживленіе только на станціяхъ, гдѣ идетъ обычная жизнь и служба и куда стекается къ проходу поѣздовъ мѣстное населеніе. Сибирь страна крестьянская, въ ней не было никогда помѣщиковъ, а заселялась и культивировалась она выходцами изъ Европейской Россіи, образовавшими Сибирское, Забайкальское и Амурское казачества. Земли было много. Поэтому сибиряки жили чрезвычайно зажиточно, въ просторныхъ избахъ съ массами построекъ, широкими дворами. Иногда селились деревнями, иногда же отдѣльными хуторами. Сибирякъ энергиченъ, себѣ на умѣ, привыкъ бороться не только съ природой, но и защищать свое имущество самолично. Онъ самостоятеленъ, но не замкнутъ, радушный хозяинъ; при случаѣ умѣетъ и съ оружіемъ въ рукахъ постоять за себя. Сибирскія условія выработали особый бытъ. На ночь сибирякъ крѣпко запирается, но не забываетъ при этомъ выставить на подоконникъ или на скамью у воротъ горшокъ съ ѣдой и хлѣбъ или крынку молока для прохожаго бродяги. Это вызвано тѣмъ, что

издавно бѣглые каторжане, скрываются днемъ, подходятъ къ жильямъ ночью. Отказать имъ въ пищѣ не въ характерѣ русскаго человѣка, но въ тоже время впустить въ домъ такого гостя было бы не безопасно. Такимъ образомъ, установился этотъ обычай, свято хранимый всей Сибирью. Даже война мало отозвалась внѣшне на Сибири.

На пятыя сутки мы пріѣхали на станцію Иркутскъ. Намъ подали сани и мы тотчасъ же въѣхали на пловучій мостъ черезъ рѣку Ангару, которая несмотря на установившуюся зиму при 15 градусномъ морозѣ, продолжала катить свои быстрыя и прозрачныя воды. Глубокая и широкая, около километра, рѣка эта отличается такой чистотой воды, что все дно ея видно до мельчайшихъ подробностей. Она начинаетъ замерзать со дна, въ декабрѣ мѣсяцѣ, послѣ двухмѣсячныхъ морозовъ. Ледъ быстро подымается на поверхность съ шумомъ, похожимъ на выстрѣлъ изъ пушки. Сообщеніе по ней прерывается на однѣ сутки, когда разводятъ мостъ и подготовляютъ конный путь по льду.

Иркутскъ обширный городъ, какъ все въ Сибири, гдѣ мѣстомъ не стѣсняются; весь въ снѣгу; люди кутаются и кажутся толстыми и неповоротливыми. Дома по большей части деревянные, въ одинъ или два этажа; такія же гостиницы. Прекрасные магазины снабжены въ изобиліи товарами и мѣхами. Поражаютъ огромные универсальные дома, принадлежащіе двумъ конкурирующимъ фирмамъ, раскинувшимъ свои отдѣленія по всѣмъ городамъ Сибири. Въ Западной Сибири: Ламееръ и Второвъ, въ

Восточной: Кунстъ-Альбертсъ и Чуринъ. По размѣрамъ они немногимъ меньше парижскихъ, но въ нихъ имѣются также и отдѣлы продовольствія. Все въ нихъ есть, какъ говорятъ, отъ дегтя до брилліантовыхъ серегъ и собольихъ муфтъ включительно. Окна щеголяютъ всевозможными товарами, отъ мѣстныхъ до парижскихъ и лондонскихъ. Эти же дома организовывали цѣлыя экспедиціи на крайній сѣверъ, для скупки мѣховъ, гдѣ ихъ агентамъ приходилось ѣздить даже на собакахъ. Привезенное сырье направлялось до войны въ Лейпцигъ для выдѣлки, а затѣмъ тѣ же мѣха возвращались въ Россію и въ сибирскія лавки. Во время войны выдѣлка производилась въ Москвѣ, но была качествомъ хуже. Подобныя же экспедиціи отправлялись и къ югу, для привоза чая, хлопка и т. п.

Въ Иркутскѣ высшее начальство края — генералъ-губернаторъ и командующій войсками. Жандармское управленіе вѣдало тамъ и розыскомъ.

Вечеромъ, по темнымъ окраинамъ улицъ, приходилось посѣщать конспиративныя квартиры. Иду съ офицеромъ, въ штатскомъ платьѣ. Слышенъ скрипъ полозьевъ, приближающихся саней — «корзинки», т. е. сдѣланнаго изъ прутьевъ большого кузова, положеннаго на полозья. Къ моему удивленію, мой спутникъ быстро поднялъ руки вверхъ, говоря и мнѣ сдѣлать тоже самое. Оказывается, что эти «корзинки» поздно вечеромъ иногда появляются въ окраинахъ на «промыселъ». Возница набрасываетъ, съ необычайной ловкостью, на прохожаго лассо и затягиваетъ петлю, что не удается сдѣлать, если у

человѣка руки свободны. Задушенная жертва раздѣвается до нага, а тѣло бросается въ Ангару или закапывается въ снѣгъ. Весною, когда разстаетъ снѣгъ, обнаруживаютъ трупы этихъ людей, которыхъ, на мѣстномъ нарѣчіи, называютъ «подснѣжниками».

Агентура при жандармскомъ управленіи была освѣдомлена, что желѣзнодорожныя мастерскія въ рукахъ соціалистовъ и что подпольные комитеты въ непрерывной связи съ Петербургомъ, а въ городахъ работаютъ, подъ прикрытіемъ кооперативовъ и профессіональныхъ организацій, ссыльные, усиленно ведущіе пропаганду съ призывомъ къ революціи. Вездѣ распространены гектографированные листки съ думскими рѣчами Милюкова и Керенскаго, которыя понимаются читающими, какъ призывъ къ перевороту и низверженію существующей царской власти. Распространяется также и рѣчь Гучкова, въ свое время, произнесенная имъ съ думской трибуны, съ критикой дѣйствій членовъ дома Романовыхъ. Губернаторъ заваленъ разрѣшеніемъ дѣлъ по распредѣленію высылаемыхъ изъ Европейской Россіи и жалуется на слишкомъ широкое использованіе мѣстными властями права высылки, что является переливаніемъ вредныхъ элементовъ изъ Россіи въ Сибирь, гдѣ они явно прооджая свою дѣятельность, заражаютъ ею здоровые слои населенія. Вмѣстѣ съ политически вредными элементами высылаютъ и мелкихъ уголовныхъ преступниковъ и даже проститутокъ больныхъ неизлѣчимыми болѣзнями. Желѣзнодорожные жандармы обременены преслѣдова-

ніемъ контрабандистовъ по перевозкѣ золота, опіума и спирта. Надняхъ, наблюдательный жандармъ обратилъ вниманіе, что, повидимому, беременная въ послѣдней степени, женщина, сильно ударилась животомъ объ уголъ дома. Онъ былъ готовъ идти ей на помощь, но, къ удивленію своему, увидѣлъ, что такой ударъ нисколько на ней не отразился; тогда онъ пригласилъ ее въ канцелярію, гдѣ и обнаружилось, что ея беременность заключается въ огромномъ цинковомъ сосудѣ, наполненнымъ контрабанднымъ спиртомъ. За одинъ только день было обнаружено въ поѣздахъ восемь такихъ контрабандистокъ.

Вообще контрабандный промыселъ широко разросся за время войны, такъ какъ на пограничную стражу, жандармовъ, полицію и другія власти, помимо ихъ прямой службы, были возложены сложныя обязанности по мобилизаціи, наборамъ, транспортировкѣ раненыхъ, перевозкѣ и размѣщенію военно-плѣнныхъ, и т. д. Число послѣднихъ достигло двухъ милліоновъ человѣкъ.

Изъ Иркутска опять переѣздъ въ четверо сутокъ въ скоромъ поѣздѣ до Владивостока. Проѣхали мимо моря — Байкалъ, Манджурію, съ русскимъ Харбиномъ, и опустѣлаго военнаго города Никольскъ-Уссурійска. Всюду поѣзда военнаго снабженія, идущіе преимущественно съ предметами, присылаемыми изъ Америки черезъ Владивостокъ, а затѣмъ по Сибирскому пути — на фронтъ. Всѣхъ поѣздовъ пропустить не успѣвали, а потому станціи и разъѣзды были забиты вагонами. Во Владивосто-

кѣ царило громадное оживленіе, въ связи съ снабженіемъ фронта. Власти были поглощены этимъ отвѣтственнымъ дѣломъ и революціонная дѣятельность проявлялась слабо, но за то работалъ противникъ, направляя извнѣ свою дѣятельность, на затрудненіе снабженія путемъ взрывовъ и поджоговъ складовъ, расположенныхъ скучено въ порту и вдоль желѣзнодорожныхъ путей. Здѣсь, также какъ и во всей Россіи, работали подпольные желѣзнодорожные комитеты, составъ которыхъ хотя и былъ извѣстенъ, но объ ихъ арестѣ категорическихъ приказаній не поступало.

Вышеупомянутыя рѣчи Милюкова, Керенскаго и Гучкова ходили по рукамъ и здѣсь. Ясно было, что Дума играла роль революціонной трибуны.

Владивостокъ изобилуетъ пестрымъ населеніемъ, что, конечно, и могло способствовать иностранному шпіонажу. Съ непривычки, особенно привлекали на себя вниманіе китайцы своими странными одеждами и длинными косами. Японскій элементъ, благодаря своей національной дисциплинѣ, былъ вполнѣ благонадеженъ, разъ Японія находилась на сторонѣ союзниковъ, китайцы же должны были находиться подъ непрерывнымъ наблюденіемъ, тѣмъ болѣе, что Германія послѣдніе годы имѣла большое вліяніе въ Китаѣ.

Мнѣ надлежало, по дѣламъ, проѣхать въ Японію. Видимо война тамъ отраженія не имѣла, хотя всѣ японцы очень живо интересовались ею, высказывая убѣжденіе, что державы согласія не могутъ выиграть войны, такъ какъ на сторонѣ союзниковъ

находится Японія. Страна Восходящаго Солнца слишкомъ часто описывалась, чтобы я подробно на ней останавливался. Скажу только, что Японія, сохранившая свои бытовыя традиціи и одежду, произвела на меня огромное впечатлѣніе своей культурой, флотомъ, заводами, желѣзными дорогами и образцовой обработкой земли. Я былъ, между прочимъ, удивленъ тѣмъ, какой тяжелый трудъ, вплоть до грузовыхъ работъ въ портахъ, несутъ японскія женщины. Съ непривычки останавливаетъ также на себѣ вниманіе перевозка людей людьми же, въ маленькихъ двухколесныхъ колясочкахъ — «рикшахъ».

Возвратившись во Владивостокъ, я тотчасъ выѣхалъ въ Хабаровскъ, находящійся у устья Амура, сѣвернѣе Владивостока и съ климатомъ очень суровымъ. Тамъ я представился генералъ-губернатору Гондатти, личности исключительно яркой. Говорили, что онъ былъ намѣченъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, но не получилъ этого назначенія благодаря интригамъ въ Петербургскомъ свѣтѣ.

Жандармскій офицеръ въ Хабаровскѣ — ротмистръ Бабычъ, лѣтъ 30, обращалъ на себя вниманіе своей красивой внѣшностью статнаго блондина, способный, живой, былъ хорошо освѣдомленъ и производилъ прекрасное впечатлѣніе дѣльной и активной работой; жизнь и энергія точно били ключемъ въ этомъ человѣкѣ. Такіе типы нерѣдко встрѣчаются въ казачьей средѣ, изъ которой вышелъ и Бабычъ. Когда наступила революція и большевики пришли къ власти, Бабычъ организовалъ вооружен-

ную группу и сталъ истреблять представителей совѣтской власти, но эта работа продолжалась недолго: случайно взорвавшаяся бомба оторвала ему обѣ руки и вырвавъ глазъ, обезобразила его. Сотрудники Бабыча перевезли его въ Харбинъ, гдѣ, впрочемъ, онъ могъ только влачить жизнь несчастнаго калѣки.

Хабаровскъ гордился своимъ Китайскимъ музеемъ, созданнымъ генераломъ Гродековымъ, бывшимъ начальникомъ этого края и ушедшимъ съ этой должности по разногласію съ военнымъ министромъ Куропаткинымъ, такъ какъ Гродековъ, предвидя войну съ Японіей, требовалъ немедленнаго усиленія военной силы на Дальнемъ Востокѣ, межъ тѣмъ, какъ Куропаткинъ и Витте, считали эти требованія, лишенными основанія.

Гродековъ и его сотрудники положили много труда къ созданію этого музея. Тутъ было полное собраніе всевозможныхъ идоловъ, среди которыхъ боги-цѣлители, покровители путешественниковъ, страшные боги заразныхъ болѣзней, войны и пр. Особенно же разнообразна была коллекція злыхъ духовъ, лѣшихъ, домовыхъ, мстителей и т. д. Затѣмъ слѣдовалъ отдѣлъ казней и наказаній изъ воска, отрубленныя головы въ клѣткахъ, въ томъ видѣ, какъ они выставлялись въ Китаѣ на площадяхъ; мѣшечки съ комплектомъ ножей для постепеннаго отрубанія всѣхъ частей тѣла у пытаемыхъ и казнимыхъ; каменные мѣшки для заточенія, гдѣ осужденный проводитъ время стоя; особые сосуды, изъ которыхъ медленно капаетъ горячее масло или рас-

плавленный свинецъ на голову осужденнаго, огромныя плоскія палки, которыми бьютъ по пяткамъ до ихъ размозженія. Изощренная жестокость, доходящая до садизма, поражала въ этомъ отдѣлѣ. Не представлялось тогда, что такъ скоро, овладѣвшая Россіей шайка пригласитъ китайскихъ спеціалистовъ по пыткамъ показывать свое искусство на русскихъ людяхъ. Музей также былъ богатъ одеждами, предметами искусства, картами и таблицами.

Противоправительственная дѣятельность мѣстнаго революціоннаго элемента ни въ чемъ ярко не проявлялась, — то же распространеніе рѣчей думскихъ дѣятелей, пропаганда въ союзахъ и на желѣзной дорогѣ и т. д.

Изъ Хабаровска я проѣхалъ въ Благовѣщенскъ. Богатый хлѣбородный край, въ большей части населенный переселенцами съ Украины, внесшими въ него особенность своей національности и языка, настойчивость и любовь къ землѣ. Изъ этихъ переселенцевъ были образованы тѣ Сибирскіе полки, которые покрыли себя славой на поляхъ сраженія, въ особенности подъ Варшавой. Громадный городъ Благовѣщенскъ производитъ впечатлѣніе своей оригинальностью: всюду одноэтажные дома, среди которыхъ нѣсколько церквей и два огромныхъ универсальныхъ магазина, одинъ противъ другого. Вблизи нихъ устроены коновязи къ которымъ привязываютъ своихъ лошадей, пріѣзжающіе иногда за тысячу верстъ, покупатели. Въ политическомъ отношеніи застаю то же, что и въ другихъ мѣстахъ. Власти живутъ сплоченно и своеобразно по про-

винціальному, ежедневно, по очереди, посѣщая другъ друга, причемъ нѣкоторыя выпиваютъ лишнее. Въ день моего пріѣзда, было совершено днемъ открытое нападеніе шайки на золотопромышленника, привезшаго наканунѣ, съ извѣстныхъ Ленскихъ промысловъ десять фунтовъ золота. Его убили, золото забрали, а сами разбойники скрылись въ глушь сибирскихъ лѣсовъ. Такое преступленіе характерно въ этихъ краяхъ, гдѣ золотоискатели выслѣживаются, ограбляются и убиваются. Опытные сибиряки умѣютъ сами расправляться съ такими шайками; они ихъ заманиваютъ и уничтожаютъ. Война взяла у Сибири большинство молодого, сильнаго населенія, какъ и во всей имперіи. Разбойники же, большею частью бѣглые каторжане, остались; ихъ дѣятельность и смѣлость возросли, ихъ стало много повсюду, въ особенности на большихъ дорогахъ, причемъ къ нимъ присоединялись теперь еще китайцы, и борьба съ ними стала для власти трудной задачей, даже невыполнимой.

Изъ Благовѣщенска я выѣхалъ въ Читу. Дорога проходитъ по Сибирской тайгѣ, т. е. многовѣковымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Тайга мало изслѣдована; мѣстами лѣса обнимаютъ площадь во много тысячъ километровъ и воспѣваются преступной Сибирью, какъ пристанище бѣглыхъ каторжанъ, исчезающихъ въ ихъ недоступной глуши. Тамъ же образуются шайки смѣлыхъ разбойниковъ, подчасъ легендарныхъ.

Для поѣздки мнѣ былъ предоставленъ прекрасный вагонъ, изъ стеклянной галлереи котораго, вид-

на была необозримая дикая Сибирь. Во всей Сибири, а въ особенности въ этой мѣстности, жизнь еще первобытная: человѣкъ одинъ съ природой, которая разнообразна и богата и особенно поражаетъ повсюду своей необъятной ширью пространствъ. Все равно, степь-ли, лѣсъ-ли, они тянутся на тысячи верстъ. Сибиряки не считаются съ разстояніемъ и поѣздка за нѣсколько сотъ верстъ на лошадяхъ не представляется для нихъ ничѣмъ необычайнымъ. Самая Сибирь, отъ Уральскихъ горъ до Владивостока и отъ сѣверныхъ тундръ до Монголіи и Туркестана, заселена, въ преобладающей части, русскими. Многіе сибиряки, въ особенности съ окраинъ, по торговымъ дѣламъ побывали въ Монголіи или ходили за пушнымъ звѣремъ на крайній сѣверъ. Изъ соприкосновеній съ инородцами, Сибирь восприняла предразсудки, буддійскіе и самоѣдскіе колдовства и повѣрья, поэтому въ Сибири многіе вѣрятъ въ колдуновъ, заговоры и пр. Кромѣ того, тамъ много сектантовъ; они живутъ богатыми селами, въ недосягаемой глуши, собственной жизнью, создавъ свои обычаи и законы. Много также скитовъ, т. е. монастырскихъ общинъ, о существованіи которыхъ, зачастую почти никому неизвѣстно.

Въ Читѣ я продолжалъ жить въ вагонѣ, выѣзжая по дѣламъ въ колесномъ экипажѣ. Не знающему Сибирь эта особенность бросается въ глаза: всюду снѣгъ, а здѣсь пыльныя улицы при сорока градусахъ мороза; въ Читѣ иногда цѣлую зиму не бываетъ снѣгопада. Здѣсь работа соціалъ-демократовъ развилась такъ широко, подъ прикрытіемъ союзовъ

и библіотекъ, что, въ одномъ изъ донесеній департаменту полиціи, мнѣ пришлось отмѣтить, что въ случаѣ революціи въ Читѣ областной революціонный комитетъ вполнѣ уже сформированъ, о чемъ я и доложилъ мѣстному начальнику. На это онъ только пожалъ плечами и, разведя руками, отвѣтилъ: «Ничего не подѣлаешь, нѣтъ доказательствъ». Въ такомъ же духѣ были и заключенія по вопросамъ о революціонной пропагандѣ на желѣзной дорогѣ и на городскихъ лекціяхъ. Въ обществѣ совершенно открыто говорили о надвигающемся переворотѣ, отвѣтственномъ министерствѣ и непопулярности Царя и правительства.

Выѣхалъ я изъ Читы морально подавленнымъ, съ сознаніемъ, что власть атрофирована и мы находимся на краю бездны.

Чита была сосредоточіемъ военноплѣнныхъ, которые посѣщали городъ въ сопровожденіи солдатъ для разныхъ покупокъ; нѣкоторые, при помощи извнѣ, организовывали побѣги, стараясь пробраться на юго-востокъ къ Китайской границѣ. Предпріятіе это было крайне легкомысленнымъ, указывая на полное незнаніе бѣглецами условій той мѣстности, которая граничитъ съ Китаемъ и въ которой большинству изъ бѣжавшихъ суждено было погибнуть отъ рукъ убійцъ, въ особенности же въ раіонѣ «Кара». Тамъ проходитъ дорога по обѣ стороны которой на многія версты стоятъ непрерывно кресты. По мѣстному обычаю, если на дорогѣ или вблизи ея, обнаруживается трупъ, то онъ тутъ же зарывается на обочинѣ и ставится деревянный крестъ. Это

одинъ изъ самыхъ жуткихъ краевъ Сибири, съ его страшнымъ населеніемъ бѣглыхъ каторжанъ. Если военноплѣнному удалось бы пройти благополучно этотъ ужасный районъ, то вблизи Китая его поджидали не менѣе опасныя шайки хунхузовъ. Послѣ революціи населеніе «Кары», по общей амнистіи, влилось въ среду русской арміи и народа съ придачей всѣхъ каторжанъ изъ рудниковъ и тюремъ. Элементъ этотъ широко былъ использованъ большевиками для избіенія русской интеллигенціи, разрушенія и ограбленія хозяйствъ и имущества, тѣмъ болѣе, что большевицкій лозунгъ «убивай и грабь награбленное», вполнѣ отвѣчалъ психологіи и натурѣ преступниковъ. Эта же преступная орда, хлынувшая изъ мѣстъ ссылки Сибири, стала оружіемъ противъ населенія, заставляя его выполнять налоговыя требованія большевиковъ, кощунствуя въ церквахъ и звѣрски убивая священниковъ, служащихъ и офицеровъ, чтобы перейти затѣмъ къ такому же террору въ деревняхъ и селахъ. Въ итогѣ — тюрьма и каторга дали сотни тысячъ преступниковъ для «углубленія» революціи. Деморализація населенія, подъ вліяніемъ этихъ подонковъ человѣчества, сказывается и теперь, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ занимаютъ должности, при которыхъ участь цѣлаго района всецѣло въ ихъ рукахъ. Населеніе ночлежекъ, воровскихъ притоновъ, тюрьмы и каторги — вотъ резервы арміи для проведенія революціи, по рецепту Москвы, и въ другихъ странахъ. Организованные рабочіе и взбунтовавшіеся солдаты — это только авангардъ, который въ свою

очередь долженъ будетъ уступить мѣсто и подчиниться тѣмъ профессіоналамъ преступленія, на которыхъ большевики могутъ разсчитывать вполнѣ, такъ какъ ни при какомъ другомъ строѣ имъ мѣста въ государствѣ, кромѣ пребыванія подъ стражей, быть не можетъ.

Вновь Иркутскъ, гдѣ я пробылъ одинъ день. Ангара стала. Морозъ доходилъ до сорока градусовъ, необычайная ясность неба, полная тишина прозрачнаго воздуха, но дышать, съ непривычки, трудно.

Былъ царскій день, я отправился въ кафедральный соборъ. Молящіеся переполняли громадный храмъ. Всѣ сосредоточено слушали талантливаго проповѣдника священника. Онъ, въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ смуту, отмѣчалъ отрицательную работу лѣвыхъ въ такое серьезное время, когда все должно быть объединено на интересахъ фронта, гдѣ течетъ русская кровь. «Преступно, — заключилъ онъ, — смущать души въ такое время!». Церковь въ Сибири сдѣлала все отъ нея зависящее и за это поплатилась: масса священнослужителей не только была перебита, но предварительно подверглась невѣроятнымъ пыткамъ, какъ то: ослѣпленію, полосованію ножами, ломанію костей, отрубливанію частей тѣла и т. д. Такой же участи подверглись многіе служители другихъ вѣроисповѣданій, до раввиновъ включительно. Не мѣшаетъ замѣтить, что евреевъ въ Сибири было мало, и сибирская жизнь наложила на нихъ

тотъ особый отпечатокъ, который ихъ слилъ съ остальнымъ населеніемъ.

Мнѣ предстояло еще посѣтить Красноярскъ, который уже въ 1905 году сталъ извѣстенъ провозглашеніемъ себя въ отдѣльную республику, что показываетъ насколько населеніе города представляло собою легко воспламеняемый для агитаторовъ матеріалъ. Объясняется это тѣмъ, что городъ находится непосредственно подъ вліяніемъ политическихъ высланыхъ. Союзы, кооперативы, комитеты и особенно подпольная дѣятельность здѣсь были ярко выражены и аресты являлись лишь палліативомъ. Вообще, не надо смѣшивать коренного населенія Сибири съ жителями городовъ, гдѣ сосредоточивались политическіе высланые и желѣзнодорожные рабочіе.

Въ Красноярскѣ пересаживаюсь въ экспрессъ для возвращенія въ Петербугръ, съ остановкой въ Вологдѣ и Москвѣ.

Поѣздка моя по Сибири закончилась. Масса лицъ промелькнула передо мною. Принадлежали они къ различнымъ категоріямъ службы, положенія и образованія. Были умные и опытные, сосредоточенные, преданные долгу люди, были глупые, легкомысленные и поверхностные, впавшіе въ обывательщину, но почти на всѣхъ отражался отпечатокъ унынія, нерѣшительности, что можно было бы назвать психозомъ апатіи, охватившимъ россійскаго обывателя и чиновника.

Въ настоящемъ очеркѣ я лишь бѣгло коснулся важнѣйшаго фактора не только въ созданіи русской

Сибири, но и присоединеніи ея къ Имперіи, я говорю о казачествахъ. О нихъ слѣдуетъ еще сказать, что этотъ видъ военнаго населенія, природныхъ воиновъ и хлѣбопашцевъ, далъ изъ своей среды Россіи выдающихся полководцевъ и государственныхъ дѣятелей. Казаки были оплотомъ Сибири, такъ какъ очищая мало по малу ее отъ монгольскихъ и хунхузскихъ бандъ, обезпечивали мирное проживаніе тамъ обитателей. Казаки раскинули въ необозримыхъ пространствахъ Сибири свои богатыя села и хутора, создали бойкую торговлю, сохраняя традиціонныя качества доблести и честности. Надо надѣяться, что совѣтскому режиму не удастся сломить твердый духъ сибирскихъ казаковъ. Тѣмъ болѣе, что въ началѣ большевизма они, объединившись, выступали и сражались съ ненавистнымъ имъ коммунизмомъ, но не хватило боевыхъ средствъ, чтобы использовать этотъ подъемъ. Несомнѣнно, что новое выступленіе этихъ богатырей не далеко.

И такъ Сибирь осталась далеко отъ насъ. Подходимъ къ станціи Вологда. На перронѣ всѣ читаютъ съ интересомъ газеты. Надѣемся узнать о какой нибудь побѣдѣ, но узнаемъ, что убитъ Распутинъ. Въ поѣздѣ почти всѣ пассажиры были за утреннимъ завтракомъ въ вагонѣ-ресторанѣ. Всѣ накидываются на газеты, гдѣ все описано по первоначальнымъ еще свѣдѣніямъ. Трупъ исчезъ, участники убійства — великій князь Дмитрій Павловичъ и князь Юсуповъ, въ особнякѣ котораго и совершилось убійство. Молчаніе продолжалось всего

нѣсколько минутъ, когда одинъ изъ пассажировъ громко сказалъ: «Слава Богу, что покончили съ этой сволочью». Говорилъ среднихъ лѣтъ человѣкъ, по внѣшнему виду сибирскій купецъ. Достаточно было этой фразы, чтобы присутствующіе начали шумно говорить и обмѣниваться впечатлѣніями. Говорили не объ убійствѣ человѣка, а объ уничтоженномъ какомъ то гадѣ. Неизвѣстный отставной генералъ, въ формѣ, съ академическимъ значкомъ сказалъ: «А я, милостивые государи, считаю, что теперь такими вещами заниматься не время. Но тѣмъ не менѣе, полагаю, что этими людьми совершенъ подвигъ и ими руководили благородныя чувства русскихъ патріотовъ!». Каждый пассажиръ считалъ совершившееся, какъ бы своимъ дѣломъ, о которомъ у него была потребность высказать и свое мнѣніе. Проводили и крайне лѣвые взгляды, не стѣсняясь моимъ, жандармскаго офицера, присутствіемъ. Слышались и выраженія: «Собакѣ — собачья смерть», или «Онъ сиволапый мужикъ, просто жертва интригъ дворцовой камарильи». «Не дворянское дѣло заманивать въ свой домъ, чтобы предательски убить!». «Юсуповъ, придя въ домъ Распутина, долженъ былъ проявить себя настоящимъ офицеромъ и убить его тамъ же, предавъ себя на общественный судъ». «Рухнула семья Романовыхъ, если члены Дома даютъ примѣръ выступленія противъ воли Государя». «Не Юсупову было браться за это дѣло, — сказалъ какой-то серьезнаго вида пожилой москвичъ,— къ нему особо хо-

рошо относились Государь и Государыня, а вѣдь это имъ ударъ въ спину».

«Признакъ развала и неминуемой революціи», — сказалъ какой то сибирякъ въ очкахъ, съ бороденкой и, рѣзко вставъ, ушелъ къ себѣ въ купэ.

Въ Вологдѣ я пересѣлъ на московскій поѣздъ и проѣхалъ въ Первопрестольную, гдѣ мнѣ нужно было выполнить и закончить нѣсколько дѣлъ.

Зима была суровая, воздухъ прозрачный, всюду снѣгъ ослѣпительно блестѣвшій подъ скользящими солнечными лучами. Высокіе дома, громадные колокольни и купола церквей съ золочеными крестами, библіотеки, музеи, галлереи, университетъ, оптовые и розничные магазины, электрическіе трамваи, оживленное конное и автомобильное движеніе во всѣхъ направленіяхъ, бѣгущіе въ разныя стороны по дѣламъ тысячи пѣшехоодвъ, подростки, женщины и старики, такъ какъ всѣ, способные носить оружіе, или на фронтѣ, или на кладбищахъ, или въ лазаретахъ. Все мелькаетъ мимо меня, когда я сорокъ минутъ ѣду съ вокзала въ гостиницу, на саняхъ, запряженныхъ парою рѣзвыхъ коней. Пріятное ощущеніе испытываешь, находясь въ прекрасномъ, богатѣйшемъ, европейскомъ городѣ, послѣ Сибири.

Останавливаюсь въ гостиницѣ «Джалита», беру номеръ изъ двухъ прекрасно и уютно меблированныхъ комнатъ и располагаюсь, какъ человѣкъ утомленный и нервно издерганный, стремящійся отдохнуть и побыть одному. Но не тутъ то было, раздается звонокъ:

— Алло! алло! Съ пріѣздомъ. Узналъ, что вы у насъ въ Москвѣ и хочу съ вами поболтать.

— Заходите, буду радъ васъ видѣть, — сказалъ я.

— Такъ я приду сейчасъ и вмѣстѣ позавтракаемъ.

— Вотъ и прекрасно. Жду, — заключилъ я и повѣсилъ трубку.

Черезъ нѣсколько минутъ, стукъ въ дверь и входитъ мой добрый знакомый, довольно извѣстный публицистъ. Спрашиваемъ другъ друга о здоровьѣ, вскользь говоримъ о нашихъ семьяхъ и быломъ, когда я служилъ въ Москвѣ, но разговоръ быстро переходитъ на войну, на общее уныніе, неудовольствіе и утомленіе...

— Плохо, плохо... — говоритъ онъ, — а тутъ еще и нелѣпое убійство Распутина...

— Почему вы находите это убійство нелѣпымъ? — спросилъ я.

— А потому, — отвѣтилъ онъ, — прежде всего, что самъ Распутинъ ноль, но публика, которая его создала — нѣчто, т. е. единица, а прикрываясь этимъ нолемъ, превратила Распутина въ величину — въ десятку, и онъ сталъ персоной. Дѣйствительно, — продолжалъ мой собесѣдникъ, — на вопросъ, кто такой Распутинъ самъ по себѣ, каждый, не задумываясь, отвѣчаетъ: сибирскій мужикъ, пользующійся силой неизслѣдованной наукой, благодаря которой пріостанавливается кровоизліяніе у Наслѣдника, страдающаго, такъ называемой Гессенской болѣзнью (гомефилія). Всѣ средства, ре-

комендованныя міровыми свѣтилами медицины, оказались безсильными, а этотъ мужикъ сосредоточенно посмотритъ на больного и тотъ выздоравливаетъ. Напряженіе внутреннихъ силъ Распутина при этомъ такъ велико, что онъ отходитъ отъ больного совершенно обезсиленнымъ. Отсутствуетъ Распутинъ—и ребенокъ оказывается въ безпомощномъ положеніи, на рукахъ эскулаповъ. Распутинъ скажетъ нѣсколько словъ, погладитъ человѣка по головѣ и онъ успокаивается, каково бы не было бы его нервное возбужденіе. Внѣ этой сферы, онъ неграмотный и пьяница, развращенный петербургскими салонами, окружившими его почитаніемъ, доходящимъ до преклоненія. Это его сначала интересовало, а затѣмъ стало надоѣдать и въ немъ стала выявляться уже нескрываемая грубость и даже наглость, такъ ярко проявляющіяся у неинтеллигентныхъ людей и создавшія рядъ поговорокъ: «Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ», «Изъ хама не будетъ пана» и т. д. Свѣтскіе салоны, стремясь играть роль и проводить дѣла, постепенно стали пользоваться Распустинымъ. Въ концѣ концовъ, имъ многое удавалось и возвышалось положеніе Распутина, что естественно вызывало протестъ со стороны не только лѣвыхъ и революціонеровъ, создавшихъ въ заграничной прессѣ атмосферу гнусныхъ сплетенъ и инсинуацій, но дворянства и другихъ слоевъ населенія, учитывающихъ вліяніе этихъ салоновъ, какъ пагубное для Россіи явленіе. Насколько крѣпко держался при Дворѣ Распутинъ, я убѣдился послѣ его здѣсь, въ Москвѣ,

пребыванія. Дѣло въ томъ, что Распутинъ, желая провести время у Яра, заказалъ себѣ большой кабинетъ въ этомъ ресторанѣ. Мой коллега, я и нѣсколько нашихъ общихъ знакомыхъ въ это время были въ общемъ залѣ и слѣдили за программой. Подошелъ къ нашему столу метръ-д-отель и сказалъ моему коллегѣ: — «Григорій Ефимовичъ (Распутинъ) сегодня къ намъ пожалуетъ откушать и заказали уже кабинетъ». Замѣтивъ, что уже усиленъ нарядъ полиціи и пріѣхали филеры, охранявшіе Распутина, коллега сказалъ мнѣ, что пойдетъ встрѣтить «старца», чтобы съ нимъ поздороваться, и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Въ обширномъ вестибюлѣ уже находился владѣлецъ Яра, метръ-д-отель и нѣсколько человѣкъ прислуги, а въ дверяхъ изъ зала столпилась публика, которая предпочла бросить ѣду и программу, лишь бы посмотрѣть на человѣка, о которомъ говоритъ вся Россія. Раньше я никогда не видѣлъ Распутина и мнѣ тоже было интересно повидать его. Вотъ, наружная дверь распахнулась, обдало насъ холоднымъ воздухомъ и появился средняго роста мужикъ, въ шапкѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ длинномъ пальто, которое было запахнуто. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ поздоровался на ходу съ хозяиномъ и, завидя моего пріятеля, подошелъ къ нему и, познакомившись со мною, пригласилъ насъ въ свой кабинетъ, направляясь нервной походкой наверхъ. Мы пошли за нимъ. Онъ привѣтливо пригласилъ насъ присѣсть и началъ разговаривать съ пріѣхавшими съ нимъ лица-

ми, о выпивкѣ, закускѣ и кушаньяхъ. Я пристально вглядывался въ Распутина, ища въ чертахъ его лица и наружности то особенное, что дало ему возможность такъ выдѣлиться, но его обликъ мнѣ ничего не сказалъ: мужчина лѣтъ сорока, брюнетъ, съ длинными волосами, спускающимися ниже шеи, раздѣленными проборомъ по серединѣ, причемъ волосы закрывали виски и часть лица, блѣднаго со впалыми щеками, обрамленнаго всклокоченною бородою, — не то аскетъ, не то монахъ, а скорѣе типъ странника. На немъ были черные шаровары, а поверхъ, подпоясанная шнуромъ, вышитая шелковая рубаха; но вотъ Распутинъ словно встрепенулся и безмолвно посмотрѣлъ на меня, и взоры наши встрѣтились; взглядъ его маленькихъ, казавшихся черными, глазъ словно впился и меня пронизывалъ. Этотъ взглядъ мнѣ и теперь ясно представляется. Затѣмъ, Распутинъ, жестомъ радушнаго хозяина, какъ бы пригласилъ меня угощаться и, проявляя хлѣбосольство русскаго крестьянина, обратился къ метръ-д-отелю со словами: «давай все, чтобы всѣ были довольны!». Оказывается, что Распутина всегда безпокоилъ упорный взглядъ присутствующихъ и онъ старался понять, что этотъ взглядъ выражаетъ, — враждебность ли, презрѣніе или доброжелательство. Чѣмъ дальше, тѣмъ большее оживленіе чувствовалось въ кабинетѣ. Приходили разные люди, которые подходили къ хозяину, почтительно раскланивались и, еле имъ замѣчаемые, отходили въ сторону, чтобы выпить и закусить на даровщину; нѣкоторые пытались загово-

рить съ Распутинымъ въ надеждѣ устроить при его протекціи, то или иное дѣло, но «старецъ» тотчасъ же обрывалъ эти поползновенія, приглашая обратиться къ нему въ другое время. Распутинъ буквально поражалъ тѣмъ количествомъ спиртныхъ напитковъ, которые онъ поглощалъ, мало хмелѣя. Появились женщины, начался пьяный разгулъ, безпорядочное пѣніе. На непрерывно задаваемые вопросы, относящіеся къ обиходу Царской семьи и роли его, Распутинъ, удовлетворяя любопытство, отдѣлывался короткими фразами, но подчеркивалъ свое значеніе, упомянувъ, напримѣръ, что сорочку, которую онъ носитъ поверхъ, вышила ему «Мама». (Такъ онъ называлъ Императрицу). На лицахъ многихъ присутствующихъ можно было замѣтить двусмысленныя улыбки. Вообще, слишкомъ много говорилось о Царѣ и Царицѣ, что производило тяжелое и отвратительное впечатлѣніе. Черезъ нѣкоторое время Распутинъ, какъ бы задумался, умолкъ и не отвѣчая на вопросы, самъ ни къ кому не обращался. Затѣмъ онъ всталъ и началъ танцовать, подъ мотивъ русскаго танца. Это собственно былъ не танецъ, а тяжелыя, неловкія движенія простолюдина. Руки Распутина были въ какомъ то нелѣпомъ движеніи и онъ, съ неутомимой энергіей, не менѣе двухъ часовъ, топтался на мѣстѣ, не обращая ни на кого вниманія; впрочемъ, и гости тоже перестали интересоваться хозяиномъ. Пьянаго Распутина отвезли на его квартиру. Прихлебатели быстро разнесли по городу сплетни о Распутинской оргіи, а затѣмъ началось разслѣдованіе мѣстными

властями о кутежѣ у Яра, съ опросомъ свидѣтелей — участниковъ. Докладъ былъ направленъ къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Государевой Свиты, генералу Джунковскому, съ заключеніемъ о недопустимости повторенія подобнаго, какъ отражающагося на престижѣ Высокой Семьи. Джунковскій не ограничился этимъ докладомъ и для провѣрки его командировалъ въ Москву генерала Попова, бывшаго ранѣе начальникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія (тогда занимавшаго должность генерала для порученій).

Затѣмъ, продолжалъ мой собесѣдникъ, Поповъ вновь опросилъ тѣхъ же лицъ, которые бесѣдовали съ мѣстными властями и мы полностью подтвердили ранѣе нами сказанное. Генералъ Джунковскій присоединился къ мнѣнію московскихъ властей, подкрѣпленному дознаніемъ Попова, составилъ подробную всеподданнѣйшую записку, которую лично и вручилъ Государю.

На Государыню докладъ произвелъ нехорошее впечатлѣніе, такъ какъ Распутинъ, покаявшись, что кутнулъ, чтобы отвести душу, сказалъ, что ничего плохого не было, но что его оговариваютъ, чтобы лишить царской милости. Началось новое дознаніе, которое было поручено одному изъ видныхъ флигель-адъютантовъ. Вновь были передопрошены тѣ же лица (въ томъ числѣ и мой собесѣдникъ), которыя придали совершенно другой характеръ происшедшему. Выходило такъ, что побывали у Яра, поужинали, выпили и чинно разошлись, причемъ

никакихъ разговоровъ о Царской Семьѣ даже и въ поминѣ не было.

— Зачѣмъ же вы раньше говорили одно, а затѣмъ измѣнили свое показаніе? спросилъ я публициста, на что онъ довольно сконфуженно отвѣтилъ:

— Да, знаете, съ одной стороны, мы поняли, что Распутинъ дѣйствительно въ силѣ, почему ссориться съ нимъ не имѣетъ никакого смысла, а съ другой, выходило, какъ то некрасиво — пользоваться его гостепріимствомъ и на него же доносить.

Посѣтило меня еще нѣсколько москвичей, подтвердившихъ разсказанное мнѣ публицистомъ. То же повѣдалъ мнѣ впослѣдствіи и генералъ Поповъ.

Въ результатѣ генералъ Джунковскій ушелъ отъ должности товарища министра и, пожелавъ принять пѣхотную бригаду, т. е. самую младшую генеральскую должность, выѣхалъ на фронтъ.

Въ дворцовыхъ кругахъ считали, что Джунковскому, какъ свитскому генералу, слѣдовало лично произвести дознаніе, а не поручать это щекотливое дѣло постороннему лицу.

Государь считалъ свои отношенія къ Распутину личнымъ дѣломъ, никого не касающагося.

Когда распропагандированные обыватели, съ расширенными зрачками, говорили объ уже ушедшемъ Распутинѣ, въ Москвѣ шли тайныя засѣданія земскихъ и городскихъ дѣятелей, прогрессивнаго направленія. На нихъ былъ разработанъ планъ переворота и избраны лица, которыя должны были войти въ составъ отвѣтственнаго министер-

ства, но вмѣсто этого составившія временное правительство.

За царствованіе Императора Николая II, Россія достигла невѣроятныхъ результатовъ въ своемъ расцвѣтѣ, что даже незамѣтно для самихъ враговъ бывшей центральной власти, ярко выявляется теперь въ ихъ рѣчахъ и повѣствованіяхъ.

ГЛАВА 17.

НАЧАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1917 ГОДА.

(Очеркъ).

Я возвратился изъ Архангельска въ Петроградъ за нѣсколько дней до революціи. Въ Архангельскѣ я былъ въ командировкѣ. Яркихъ признаковъ надвигающихся событій тамъ не ощущалось, хотя два эпизода были симптоматичны и они оставили у меня непріятный осадокъ. Послѣ одного изъ нашихъ засѣданій, мы, члены комиссіи, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, еще не разошлись; одинъ изъ членовъ комиссіи, генералъ, скорѣе съ правымъ уклономъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, выразился неуважительно о Государынѣ, рѣзко порицая ее за то, что она развила у Престола мерзкую «распутиновщину», причемъ, когда генералъ объ этомъ говорилъ, то двери въ комнату, гдѣ находились нижніе чины были открыты настежь. Никто по этому поводу не только не проте-

стовалъ, а, наоборотъ, какъ будто бы всѣ были съ нимъ согласны. Тогда же я подумалъ, что раньше такое публичное сужденіе было бы просто немыслимо и потому является показательнымъ въ томъ отношеніи, что и въ командномъ составѣ не все благополучно.

Второй же эпизодъ, выявившійся во время производимаго нами дознанія, хотя съ первымъ никакой связи не имѣлъ, являлся показателемъ разложенія уже въ низахъ арміи, въ тылу. Было установлено, что ночные часовые, солдаты и матросы, воровали разные предметы, которые были поручены ихъ охранѣ, и продавали ихъ скупщикамъ краденаго въ городѣ. Затѣмъ, часовой-матросъ, во время происшедшаго колоссальнаго взрыва снарядовъ, получивъ отъ своего начальника уцѣлѣвшіе бинокли, съ приказаніемъ передать ихъ караульному начальнику, не только не исполнилъ приказанія, но бинокли продалъ, о чемъ знали караульные, до начальника включительно.

Это развалъ! сказалъ одинъ изъ офицеровъ, что никто въ достаточной мѣрѣ на такое серьезное преступленіе не реагировалъ.

Вечеромъ, когда я говорилъ объ этомъ съ моимъ пріятелемъ, то онъ только пожалъ плечами и прибавилъ:

— Начальство побаивается мести со стороны своихъ подчиненныхъ, а главное опасается огласки, что у него такъ неблагополучно. Теперь это обыкновенная картина въ тыловыхъ частяхъ.

Въ Петроградѣ, съ внѣшней стороны, казалось

что столица живетъ обычно: магазины открыты, товаровъ много, движеніе по улицамъ бойкое и рядовой обыватель замѣчаетъ только, что хлѣбъ выдаютъ по карточкамъ и въ уменьшенномъ количествѣ, но за то макаронъ и крупъ можно достать сколько угодно. Что же касается десятка тысячъ чиновниковъ различныхъ министерствъ и учрежденій, то они спокойно посѣщаютъ свои канцеляріи, не выходя изъ повседневной рутины. Даже въ учрежденіяхъ департамента полиціи наблюдалось тоже.

Послѣ командировки я принялся за составленіе отчета по поѣздкѣ, и просидѣлъ двое сутокъ, не выходя изъ дома. Изрѣдка говорю по телефону съ директоромъ департамента полиціи Васильевымъ, градоначальникомъ генераломъ Балкомъ и начальникомъ охраннаго отдѣленія, генераломъ Глобачевымъ, не по службѣ, а по пріятельски, какъ со старыми своими сослуживцами. Первые два обычно привѣтливые, но кратки въ отвѣтахъ; можно понять, что въ городѣ не все благополучно, т. к. непрерывно происходятъ уличныя демонстраціи. Въ тонѣ генерала Глобачева слышна нотка опасенія, будутъ ли стрѣлять войска по демонстрантамъ, чтобы возстановить порядокъ оружіемъ.

Стало быть ясно, что если солдаты не будутъ подчиняться начальству, то правительство окажется безсильнымъ сохранить свои позиціи.

Имѣя изъ, предполагавшихся компетентными, источниковъ свѣдѣнія, что демонстраціи носятъ характеръ экономическаго протеста, а не политиче-

скаю, власть была увѣрена, что подвозъ продуктовъ возстановитъ порядокъ безъ кровопролитія. Поэтому рѣшили не прибѣгать къ оружію, въ теченіе двухъ дней. Этимъ экспериментомъ участь Россіи была поставлена на карту.

Вышло иначе. Демонстраціи, руководимыя агитаторами, разрастались въ ужасающей прогрессіи, превращаясь въ стихійное выступленіе сотни тысячъ рабочихъ, студентовъ, бездомныхъ, посѣтителей ночлежекъ, безработныхъ, обнищалыхъ и озлобленныхъ, подонковъ улицы и т. д. Все это начало захлестывать слабыя морально силы запасныхъ воинскихъ частей и деморализировать исполнительную полицейскую власть.

Всюду необъятное море головъ. Сплошныя массы заполняютъ площади и улицы, сначала на окраинахъ, проникая затѣмъ и въ городской центральный раіонъ.

Охранное отдѣленіе сдѣлало все отъ него зависящее, произведя ликвидацію всѣхъ подпольныхъ организацій, правильно учитывая надвигавшуюся на столицу грозу. Градоначальникъ тоже непрерывно доносилъ министру о ходѣ событій и видѣлъ какъ дѣйствія полиціи парализуются, рѣшая необъятную задачу по возстановленію уличнаго порядка. Онъ считалъ, что необходимы экстренныя, чрезвычайныя мѣры, но министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ медлилъ. Къ тому же полнота власти принадлежала не ему, а Совѣту Министровъ.

Событія продолжали разворачиваться и 1 мар-

та Государь прибылъ въ Ставку Главнокомандующаго Рузскаго, который уже настойчиво совѣтовалъ Государю отречься отъ Престола и провелъ къ Царю двухъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, генерала Саввича и Данилова, чтобы они подтвердили основательность его совѣта. Они «со слезами на глазахъ», какъ впослѣдствіи повѣствовалось, подтвердили необходимость отреченія.

Понятно, что роль взятая на себя Рузскимъ не создается мгновенно, а подготовляется заблаговременно.... Безпорядки въ столицѣ только приблизили къ цѣли Центральный Комитетъ партіи Народной Свободы, избравшаго своимъ орудіемъ Рузскаго и ему подобныхъ... О нихъ можно только сказать: не вѣдали, что творили... Рузскій, впослѣдствіи зарубленный большевиками на Кавказѣ, пробовалъ обратиться со словами къ палачамъ, но они не вняли его заслугамъ передъ революціей....

Уличные безпорядки въ столицѣ начали подавляться войсками лишь 25 февраля, при полной инертности командующаго войсками генерала Хабалова, подчиненнаго Совѣту Министровъ. Но было уже поздно и всякія распоряженія объ арестахъ и другихъ мѣропріятіяхъ являлись лишь предсмертными судорогами власти, которая была быстро стерта и какъ бы растаяла.

Происшедшее и ожидаемое, меня такъ выбили изъ колеи, что я рѣшилъ самъ посмотрѣть, что происходитъ. Надѣвъ старенькое штатское платье, я направился на Выборгскую сторону. Прошелъ Литейный мостъ и держу направленіе къ Финлянд-

скому вокзалу; но не тутъ то было. Улицы и тротуары сплошь запружены народомъ, все рабочіе мужчины, кое гдѣ работницы, студенты и курсистки; видны и сѣрыя шинели солдатъ, но послѣднихъ мало. Стоятъ группами, разговариваютъ другъ съ другомъ, серьезно и озлобленно; слышатся голоса протеста, что мало хлѣба, что приходится ждать очереди, простаивая часами въ хвостахъ; бранятъ правительство; нѣкоторые сильно жестикулируютъ и кричатъ. Иду дальше, или, вѣрнѣе, протискиваюсь. Необозримое море людей. Толпа внимательно слушаетъ какого то оратора, отъ поры до времени, выкрикивая: «Правильно! Правильно товарищъ!» Прислушиваюсь, и до меня доходятъ сначала отдѣльныя слова оратора, а затѣмъ и теченіе мысли говорящаго. Онъ стоитъ на какомъ то возвышеніи, ему лѣтъ 30, онъ въ темной курткѣ, блондинъ, по внѣшнему виду рабочій, но можетъ быть переодѣтый въ рабочее платье интеллигентъ. Манера себя держать, жестикулировать и владѣть голосовыми средствами указывали на то, что человѣкъ этотъ не впервые выступаетъ и умѣетъ нетолько завладѣть вниманіемъ массы, но и подчинить ее себѣ. Говорилъ онъ долго о правительствѣ, фабрикантахъ, жандармахъ и полиціи, съ озлобленіемъ заключивъ: «Долой ихъ! Довольно насъ эксплуатировали!» И, потрясая кулаками въ воздухѣ, закричалъ: «Власть народу! Мы должны быть кузнецами своего счастья. Довольно лили нашу кровь! Война для насъ гибель, а для буржуазіи выгода. Да здравствуетъ миръ!».

Очевидно, что этотъ субъектъ былъ однимъ изъ предтечей большевизма, подошедшій умѣло къ пропагандѣ о прекращеніи войны.

Этого оратора смѣнила нервная еврейка, пискливый голосъ которой сначала вызвалъ смѣхъ и нелестные эпитеты по ея адресу, но чѣмъ дальше, тѣмъ внимательнѣе толпа стала ее слушать, т. к. она затронула вопросы о нуждѣ и страданіяхъ рабочаго класса, жестокости правительства, эксплуатаціи и т. д. Опять послышались возгласы: «Правильно!» Словомъ, масса умѣло подготовлялась къ революціоннымъ выступленіямъ.

Вдругъ, издали, зашумѣлъ грохотъ пулемета, пули котораго ударили въ стѣну ближайшаго къ намъ дома. Толпа на моментъ замерла, а затѣмъ неудержимо ринулась, давя другъ друга и бросаясь изъ стороны въ сторону. Опять грохотъ. Вокругъ меня лица искаженныя озлобленіемъ и ужасомъ. Я чувствую, что меня давятъ со всѣхъ сторонъ и только думаю, чтобы не потерять самообладанія и не обратить на себя вниманія. Опять выстрѣлы. Повидимому, среди насъ есть раненые и сбитые съ ногъ. Слышны мольбы, ругань и призывъ къ помощи. Но стрѣльба прекратилась и часть толпы опять приблизилась къ новому появившемуся оратору. Это былъ хилый, изможденный, очевидно чахоточный, молодой человѣкъ, который, дыхаясь, кричалъ хриплымъ голосомъ: — Товарищи, надо защищаться на баррикадахъ! Наша возьметъ! — но кровь хлынула изъ его горла и онъ какъ снопъ свалился.

Многочисленныя толпы сосредоточивались и въ другихъ частяхъ города и въ нихъ уже замѣтны были въ значительномъ числѣ арестантскія куртки, освобожденныхъ толпою арестантовъ. Чернь неудержимо бушуетъ и начинаетъ грабить оружейные магазины и винныя лавки. Затѣмъ грабили арсеналы. Подожженъ окружной судъ. Разгромленъ департаментъ полиціи. Словомъ, грабежъ, ненависть, идеи, авантюра и праздность, все смѣшалось въ одномъ котлѣ революціи. Начались насилія надъ офицерами и случаи убійствъ Вытаскиваютъ полицейскихъ и ихъ убиваютъ, а на утро 27 февраля прибѣгаетъ на засѣданіе, собравшихся въ Кругломъ залѣ Государственной Думы, какой то прапорщикъ и требуетъ, чтобы Дума приняла въ свои руки власть. Членъ Думы Милюковъ протестуетъ, считая, что нѣтъ для этого данныхъ, но засѣданіе продолжается и членъ Думы Бубликовъ, поддерживаетъ точку зрѣнія прапорщика и формируется временная власть, а на утро 28 февраля уже сформировался «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ», во главѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ Соколовымъ, тотчасъ же замѣненнымъ соціалъ-демократомъ Чхеидзе, въ товарищи котораго избирается соціалистъ-революціонеръ Керенскій, ранѣе мало извѣстный, какъ средней величины революціонеръ и адвокатъ. Теперь же онъ выдвинутъ, чтобы сыграть крупную, оказавшуюся фатальной для Россіи, роль слѣпого исполнителя директивъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ одной и указаній президіума «совѣта рабочихъ депутатовъ» — съ другой стороны. Воле-

вой индивидуальности въ немъ не проявилось, но идеализируя революцію, ему удалось добиться упраздненія смертной казни и охранить жандармерію и полицію отъ поголовнаго истребленія.

Возвращаюсь къ продолженію моего разсказа.

28 февраля просыпаюсь отъ стука въ дверь и крика кухарки Юзефы:

— У насъ революція! Скорѣе выходите баринъ! Васъ спрашиваютъ.

Встаю и вижу передъ моими окнами на Кирочной улицѣ расположилась въ строю военная инженерная школа прапорщиковъ. Офицеровъ не видно. Юнкера стоятъ небрежно, курятъ, громко разговариваютъ, винтовки держатъ не такъ какъ положено, а одинъ даже ковыряетъ штыкомъ снѣгъ на мостовой.

Въ кухнѣ какой то унтеръ-офицеръ, съ папиросой въ зубахъ, громко выражалъ неудовольствіе Юзефѣ, что ему приходится такъ долго ждать. Увидѣвъ меня, унтеръ-офицеръ, по въѣвшейся въ него привычкѣ, сразу подтянулся, но тотчасъ же опомнился, что теперь власть онъ, разставилъ ноги и сказалъ:

— Господинъ офицеръ, распорядитесь, чтобы всѣ окна на улицу были заперты наглухо и смотрите, чтобы изъ нихъ не стрѣляли, а то мы васъ арестуемъ сейчасъ же. Я помощникъ комиссара и буду зорко слѣдить.

Замѣтивъ мой взглядъ, онъ, какъ бы сконфузился, быстро повернулся и ушелъ. Тутъ же находился

и мой вѣстовой Дмитрій, которому я сказалъ: «Затопи печку». На что онъ отвѣтилъ:

— Намъ приказано больше вамъ не служить, а за вами наблюдать, чтобы было все въ порядкѣ.

— Да, что ты бѣлены объѣлся что ли? возразилъ я, на что онъ логично отвѣтилъ:

— Когда вы были моимъ начальникомъ, я васъ слушалъ, а теперь я ваше начальство и вы слушайте меня. Теперь «ты» нѣтъ, и «вы», дѣло серьезное, у насъ на дворѣ революція, а вы все свое и эксплуатируете рабочій классъ.

На это Юзефа, повернувшись къ Дмитрію, закатила ему громкую оплеуху и крикнула: «Принеси дровъ, мерзавецъ!»

Къ моему удивленію, Дмитрій покорно вышелъ изъ кухни и сказалъ, что принесетъ дрова, но въ послѣдній разъ и что Юзефѣ стыдно такъ обращаться со своимъ товарищемъ, котораго эксплуатируютъ, также какъ и ее.

— А гдѣ же Маша? спросилъ я, на что Юзефа отвѣтила, что горничная только что взяла расчетъ у барыни и сказала, что уходитъ, т. к. ея братъ, обойщикъ, сказалъ, что теперь стыдно служить у жандармовъ, она благодаритъ, очень довольна бариномъ и барыней, которыхъ она больше не увидитъ и имъ кланяется.

Вернувшись на кухню, Дмитрій бросилъ двора и сказалъ, что онъ арестуетъ Юзефу, если она будетъ его оскорблять: «Я казенный человѣкъ!» заключилъ онъ, повидимому, уже побывавши въ солдатскомъ комитетѣ жандармскаго дивизіона, и тамъ

слышалъ рѣчи, которыя его окончательно захватили.

Газеты въ этотъ день не вышли, и я, довольно слабо разбираясь въ событіяхъ, улегся на диванъ и сталъ читать трилогію Мережковскаго, удивляясь охватившей меня апатіей и безразличіемъ.

Звонокъ. Пришелъ ко мнѣ бывшій директоръ департамента полиціи, сенаторъ, генералъ Климовичъ, бывшій въ свое время начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія. Спокойный, ничего не знающій о текущемъ моментѣ и находящійся въ недоумѣніи. Почему то, когда мы разговорились, я сравнилъ насъ съ врачами, у которыхъ преждевременно умеръ ихъ паціентъ.

Поболтали, перескакивая безсистемно съ однихъ предметовъ на другіе. Однако, пришли къ заключенію, что нашъ арестъ неизбѣженъ и вопросъ только въ томъ, когда придутъ къ намъ съ обыскомъ, теперь же или черезъ нѣсколько часовъ; рѣшили мы также, что насъ, вѣроятно, разстрѣляютъ, но это высказывалось такъ просто и спокойно, какъ будто бы это насъ совершенно не касалось.

— Пойду навѣстить Зуева! сказалъ уходящій Климовичъ, который къ вечеру уже былъ водворенъ въ помѣщеніе Государственной Думы въ качествѣ арестованнаго. Вскорѣ былъ арестованъ и упомянутый сенаторъ Зуевъ, впослѣдствіи разстрѣлянный большевиками. Той же участи подверглись бывшіе директоры того же департамента Бѣлецкій и впослѣдствіи Трусевичъ.

Началъ я приготовляться къ ожидаемому обыску, какъ вчера еще революціонеры приготовлялись къ приходу жандармовъ. Какъ говорили они, производилась «чистка». Сжегъ бумаги, отчеты, письма и прочее, чтобы не передавать ихъ новой власти и не подвести людей, имѣвшихъ съ нами переписку. Словомъ, мысль пошла уже систематично по опредѣленному руслу.

Юзефа настаивала, чтобы мы своевременно обѣдали, для того, чтобы она успѣла побывать въ городѣ, узнать новости и принести намъ «газеты».

Оригинальная женщина, думалось мнѣ. Пропаганда ея нисколько не коснулась. Шустрая, некрасивая полька, лѣтъ сорока, она побывала въ Сѣверной Америкѣ, но грамотѣ не выучилась. На мой вопросъ, что она думаетъ о революціи, она, не задумываясь, отвѣтила: «Никакого толка не будетъ! Солдаты и народъ распускаются!».

Вызываю къ телефону директора департамента полиціи Васильева, но никто не отозвался. Является предположеніе, или разстрѣлянъ или арестованъ. Также нѣтъ отвѣта отъ градоначальника Балка и отъ генерала Глобачева. Тѣ же предположенія.

Прошелъ еще день. Всюду праздная толпа наполняетъ улицы; солдаты, оборванцы, бабы и рабочіе, студенты и студентки, массы пьяныхъ; офицеровъ не видно. Трамваевъ и извозчиковъ нѣтъ. Лишь на военныхъ и конфискованныхъ автомобиляхъ проѣзжаютъ по направленію района, гдѣ находится Государственная Дума, рабочіе, какіе то типы, не то

учащіеся, не то хулиганы, офицеры и интеллигенты, завернувшіеся съ носомъ въ воротники пальто. Это новая власть вступаетъ въ свои права.

Я, въ штатскомъ платьѣ. съ женою, иду навѣстить товарища министра внутреннихъ дѣлъ, нынѣ покойнаго, Ивана Васильевича Сосновскаго .По Литейному проѣзжаетъ подъ конвоемъ тюремная карета, а впереди нея, на лошади, ѣдетъ немолодой унтеръ-офицеръ и во все горло кричитъ: «Въ каретѣ арестованный градоначальникъ генералъ Балкъ!» и непрерывно повторяетъ эту фразу. Вдругъ, раздается издали пулеметный огонь и пули дробью посыпались на мостовую. Мигъ и улица совершенно опустѣла.

Сосновскаго дома нѣтъ. Жена его, Любовь Семеновна, принимая насъ, держитъ себя съ полнымъ самообладаніемъ. Вблизи подожженъ особнякъ министра Двора графа Фредерикса; безмолвная толпа, въ которой и мы наблюдаемъ за распространяющимся огнемъ, проникающимъ всюду, и черезъ нѣсколько часовъ отъ особняка, со всѣми его сокровищами, остались только руины изъ четырехъ стѣнъ. Пожарная команда явилась поздно и могла лишь локализировать пламя настолько, чтобы пожаръ не распространился на сосѣдніе дома.

Возвращаемся домой. Опять идемъ больше пяти километровъ. Встрѣчаются студенты и рабочіе съ винтовками за плечами, очевидно добытыми изъ разграбленныхъ арсеналовъ. Вблизи, на тротуарахъ, видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спящіе пьяные оборванцы, тоже съ винтовками. У одного изъ

казенныхъ учрежденій разложенъ костеръ. Горятъ дѣла, среди которыхъ торчатъ пишущія машины и спинки креселъ. Нѣсколько человѣкъ грѣютъ на кострѣ руки. Проходитъ молодцеватый солдатъ и тащитъ подъ мышками пакеты прокламацій, которыя раздаетъ намъ. Спрашиваютъ его: «Много сегодня трудились?» — «Да, съ ногъ сбился, серьезное дѣло», отвѣчаетъ онъ, «надо, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ было бы хорошо....» Идемъ дальше. Гдѣ то, на окраинѣ, одиночные выстрѣлы. Улицы пусты. Проходимъ кварталъ, гдѣ не было ни одного человѣка. Безпартійная интеллигенція и бюрократы безвыходно сидятъ по домамъ, а плебсъ спитъ крѣпкимъ сномъ послѣ утомительнаго дня — насилій, буйства и возбужденія.....

Приходимъ домой. Квартира освѣщена. За столомъ хозяйничаетъ Юзефа и угощаетъ нашего друга студента, почти мальчика съ длинными бѣлокурыми волосами, и неизвѣстнаго намъ молодого человѣка, которые сидятъ и обмѣниваются впечатлѣніями. Молодые люди назначены въ полицейскій участокъ, нынѣ коммиссаріатъ, для обхода улицъ. Предлагаютъ свои услуги, взять мои сабли и револьверы, чтобы сохранить ихъ у себя на квартирѣ. Юзефа освѣдомлена больше всѣхъ: она ходила на митингъ и посѣтила жандармскій дивизіонъ. Хотѣла влѣзть въ Государственную Думу, но ее туда не пустили, а на улицѣ встрѣтила сосѣда «барина», который обстоятельно все ей объяснилъ: «Начальство теперь изъ членовъ Государственной Думы, вмѣсто которой назначенъ совѣтъ рабочихъ

депутатовъ. Министровъ уже арестовали и «волокутъ» въ Государственную Думу. Завтра будетъ объявленіе, что старое начальство арестовано, а новое будетъ командовать отъ имени народа».

Скоро мы разошлись. Чувствовалось моральное утомленіе, доходящее вновь до полной апатіи и физическая усталость.

Заснулъ, какъ убитый, и проснулся отъ звуковъ Марсельезы военнаго оркестра, предшествовавшаго ротѣ одного изъ полковъ. Офицеры на мѣстахъ, сосредоточенные и задумчивые. Это идутъ части гарнизона къ зданію Государственной Думы, члены которой выходятъ и произносятъ рѣчи, привѣтствуя съ революціей и свободой солдатъ, отъ имени народа, какъ его трибуны.

Многіе не могли пережить этихъ дней и лишили себя жизни: застрѣлились, отравились или повѣсились.

Въ Финляндіи, жандармскій ротмистръ Корниловъ и его жена найдены были мертвыми въ ихъ квартирѣ. Они отравились и тѣла ихъ находились на диванѣ въ позѣ сидящихъ людей, держащихъ другъ друга за руку, съ выраженіемъ застывшей скорби на лицѣ.

Припоминается также, какъ начальникъ жандармскаго управленія генералъ Волковъ, въ виду революціи, приводилъ дѣла въ порядокъ, для сдачи, управленія новому начальнику. Ему докладываютъ, что толпа движется къ зданію управленія. Онъ отпускаетъ всѣхъ служащихъ, а самъ остается на своемъ посту. Черезъ нѣсколько минутъ, пья-

ная, жаждущая крови и приключеній, толпа, во главѣ съ одноногимъ хулиганомъ, вытащила семидесятилѣтняго старика на улицу, избила его и, по приказанію главаря, три пьяныхъ солдата повели его въ полицейскій комиссаріатъ. Два солдата были настроены закономѣрно, третій же, водворивъ Волкова въ комнату съ выбитыми окнами, началъ издѣваться надъ нимъ, наводя на него ружье и прицѣливался. Продѣлавъ это нѣсколько разъ, онъ выругался и застрѣлилъ генерала Волкова, сказавъ, что теперь ему не до генераловъ, т. к. пора отдыхать, а не шляться по городу съ арестантами.

Едва такой же участи не подвергся бывшій начальникъ Московской сыскной полиціи А. Ф. Кошко. Уголовный преступникъ, выпущенный изъ тюрьмы, взялъ нѣсколько солдатъ и повелъ ихъ для ареста «Кошкина», какъ называли преступники Москвы и Петербурга Кошко. Звонокъ. Еще въ халатѣ, Кошко лично открываетъ дверь, черезъ которую появляется голова преступника, радостно восклицающаго: «А вотъ и онъ самъ, его превосходительство господинъ Кошкинъ!». Кошко арестовываютъ, обкрадываютъ, по дорогѣ афишируютъ его личность и избитымъ, съ пробитой головой и въ изорванной штыками шубѣ, приводятъ какъ арестованнаго въ помѣщеніе Государственной Думы.

Много въ эти дни погибло людей, которые могли бы быть полезными родинѣ. Гибли въ особенности массами флотскіе офицеры, изъ которыхъ каждый представлялъ собою часть сложнаго аппарата морскихъ силъ, столь необходимыхъ тогда въ

Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Ихъ избивали пьяные матросы, деморализованные и представлявшіе собою разнузданную сволочь.

Съ фронта тотчасъ же стали поступать свѣдѣнія о развалѣ арміи. Братаніе, нежеланіе воевать, оскорбленіе и аресты офицеровъ стали массовыми заурядными явленіями. А Петроградъ слалъ приказы за приказами, санкціонированные военнымъ министромъ: о неотданіи чести офицерамъ, о немедленномъ сформированіи войсковыхъ комитетовъ, о снятіи съ офицеровъ флота погонъ, объ упраздненіи дисциплинарныхъ взысканій для нижнихъ чиновъ, сохраняя таковыя для офицеровъ и т. д. и т. д. Тюрьмы стали наполняться офицерами и спеціалистами руководящими работами на заводахъ. Вотъ, во что обратилась русская армія въ рукахъ Временнаго Правительства и Верховнаго Главнокомандующаго соціалиста-революціонера Керенскаго! Всякому стало ясно, что русской боеспособной арміи не стало, а провозглашаемый съ пафосомъ лозунгъ: «Война до побѣднаго конца» былъ блефомъ, бросаемымъ ораторами на митингахъ.

Можно полагать, что это дѣлалось для союзниковъ, чтобы они прониклись довѣріемъ къ русской революціи и ея вождямъ. Аппаратъ государственнаго управленія, тотчасъ же былъ разрушенъ до основанія, сдерживающихъ началъ въ массѣ русскаго народа не оказалось. Временное правительство въ состоянія было только ослаблять удары разрушенія и убійствъ. Члены его метались изъ сторо-

ны въ сторону, обезумѣвъ отъ происходящаго и сдали свои позиціи постепенно уходя изъ состава кабинета.

Образовалось соціалистическое правительство во главѣ съ тѣмъ же Керенскимъ, причемъ въ составъ его вошелъ, хотя и соціалистъ-революціонеръ, но раздѣлявшій взгляды Ленина и другихъ его сообщниковъ о прекращеніи войны, на пораженческихъ началахъ, изложенныхъ въ резолюціи съѣзда въ Циммервальдѣ, которую, онъ Черновъ, и подписалъ.

Департаментъ Полиціи и Охранныя отдѣленія сдѣлались, какъ бы центромъ вниманія и Временнаго Правительства и Совѣта Рабочихъ депутатовъ. На ловлю жандармскихъ офицеровъ, секретныхъ сотрудниковъ и лицъ, соприкасавшихся съ ними, затрачивались колоссальныя средства, силы и энергія. Пресса, цѣлые столбцы и даже изданія посвящала отдѣльнымъ лицамъ и эпизодамъ, по существу совершенно блѣднымъ и ничтожнымъ, для даннаго момента. Ораторы, въ подавляющемъ большинствѣ, только и дѣлали, что громили «охранниковъ» и полицію, такъ что составлялось впечатлѣніе, что революція была необходима только для того, чтобы свести счеты съ ненавистнымъ политическимъ розыскомъ. И, дѣйствительно, счеты были сведены и попутно разрушенъ аппаратъ военной развѣдки, арестомъ очень серьезныхъ развѣдчиковъ, которые работали въ пораженческомъ лагерѣ и освѣщали революціонно-шпіонскую организацію Ленина.

Не было тюремъ въ Имперіи, гдѣ не находилось бы въ заточеніи жандармовъ, полиціи, администраціи и разнаго рода агентовъ власти. Той же участи подверглись правые политическіе враги соціалистовъ.

Арестованъ былъ и я.

Въ комнаты ворвалось человѣкъ около двадцати вооруженныхъ солдатъ, подъ начальствомъ молодого офицера. Кстати сказать, послѣдній, какъ оказалось, бывшій студентъ, держалъ себя весьма корректно, но и въ его выразительныхъ глазахъ я прочелъ скорбное сочувствіе, б. м. въ предвидѣніи моей грядущей судьбы.

Этотъ офицеръ, по телефону изъ моей квартиры, доложилъ доктору Юрьевичу о моемъ арестѣ и получилъ приказаніе — доставить меня на допросъ въ слѣдственную комиссію, засѣдавшую въ зданіи Государственной Думы.

Взобравшись на платформу грузовика, я увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ солдатами съ ружьями на перевѣсъ. При тряскѣ тяжелаго автомобиля по снѣжнымъ ухабамъ, штыки, направленныхъ на меня солдатскихъ винтовокъ, касались моего пальто. Было очень пріятно!

По дорогѣ, изъ полумрака слабо освѣщенныхъ улицъ, иногда раздавались крики: «товарищи, куда ѣдете, кого везете?». Послѣ отвѣтовъ конвоировъ о моей личности, слѣдовали нелестные и мало внушавшіе довѣрія, комментаріи.

Наконецъ, пріѣхали въ Таврическій дворецъ. Меня повели по длиннымъ корридорамъ и обшир-

нымъ заламъ для «регистраціи» и полученія какого то ордера.

Я несъ въ рукахъ, взятые съ собою, два небольшихъ чемоданчика, но ихъ неожиданно вырвалъ у меня встрѣчный солдатъ со словами: «дай, я ихъ снесу».

Поднявшись на второй этажъ, на большой площадкѣ, передъ дверью одного изъ кабинетовъ, мнѣ сказали остановиться. Здѣсь стоялъ большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, ярко освѣщенный электрической лампой. Я сѣлъ въ кресло и, въ ожиданіи дальнѣйшаго, продолжалъ читать, начатую дома, книгу. Черезъ нѣсколько минутъ явился какой то брюнетъ, въ сопровожденіи солдата и, поставивъ послѣдняго въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи, сказалъ ему шопотомъ: «внимательно смотрите за арестантомъ».

И теперь я представляю себѣ мое тогдашнее состояніе: абсолютное спокойствіе, тупое безразличіе, воспріятіе, со всѣми деталями, происходившихъ на глазахъ, фактовъ и обостренный до послѣдней степени слухъ.

Долго еще пришлось ожидать, пока не позвали въ слѣдственную комиссію. Меня провели въ кабинетъ, смежный съ двумя обширными комнатами, въ которыхъ содержались подобные мнѣ, арестанты. Предсѣдателемъ допрашивавшей насъ комиссіи, былъ соціалъ-демократъ В. Н. Крохмаль, по одну сторону его сидѣлъ генералъ-лейтенантъ военно-судебнаго вѣдомства, а по другую — членъ Петроградской судебной палаты.

Почтительныя позы этихъ двухъ чиновъ комиссіи и ихъ осторожный шопотъ «на ушко» Крохмалю, указывали на то, что передо мною крупный «сановникъ» временнаго Правительства и что ему докладывается о моей политической неблагонадежности. Я сидѣлъ скромно...

Судьба измѣнчива! предсѣдатель Крохмаль нынѣ въ тюрьмѣ у большевиковъ.... А тогда, въ Таврическомъ дворцѣ, я, смотря на него, живо воскресилъ въ своей памяти всѣ подробности его ареста въ Кіевѣ, въ 1902 году и многократныхъ допросовъ.

Своей персоной я не занялъ много времени у комиссіи и, по соблюденіи формальностей, дѣло обо мнѣ было передано на заключеніе члена государственной думы, лѣваго кадета, М. И. Пападжанова, который заявилъ, что меня слѣдуетъ освободить. Но здѣсь вмѣшался тверской предводитель Унковскій, сказавшій рѣшительнымъ тономъ: «не освобождать! — слишкомъ большой жандармскій формуляръ!».

Это сужденіе взяло перевѣсъ и я «засѣлъ».

Меня оставили подъ стражей въ комнатѣ, рядомъ съ которой производился допросъ.

Однажды, къ арестованнымъ явился Керенскій, въ старой, грязной тужуркѣ, безъ воротничка, очевидно съ цѣлью произвести внѣшнимъ видомъ подавляющее впечатлѣніе истинно-демократическаго оратора въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, гдѣ въ этотъ день, онъ долженъ былъ выступать.

Керенскій короткими, отрывистыми вопросами

сталъ разспрашивать меня по поводу Архангельска. Дѣло въ томъ, что въ февралѣ 1917 года, я, по Высочайшему повелѣнію, ѣздилъ въ Архангельскъ, для разслѣдованія причинъ происшедшей тамъ катастрофы, со взрывомъ огромнаго количества артиллерійскихъ снарядовъ.

Въ заключеніе Керенскій спросилъ мое мнѣніе, что необходимо сдѣлать, чтобы предупредить возможность дальнѣйшихъ взрывовъ. Я отвѣтилъ, что слѣдуетъ возстановить дѣятельность прежней комиссіи по изслѣдованію происшествія въ Архангельскѣ, а предсѣдателемъ ея назначить генералъ-лейтенанта Сапожникова. Во время разговора Керенскій, огрызкомъ карандаша что то царапалъ на клочкѣ бумаги.

Означенная комиссія въ тотъ же день была возстановлена и in corpore, во главѣ съ предсѣдателемъ генераломъ Сапожниковымъ ходатайствовала о моемъ освобожденіи, но меня перевели въ тюрьму на Выборгской сторонѣ, называемую «Кресты», гдѣ въ одной камерѣ насъ, людей стараго строя, было набито нѣсколько десятковъ человѣкъ, изъ коихъ лишь нѣсколько могли воспользоваться кроватями, а остальные располагались на полу въ повалку. Караулъ былъ грубъ и держалъ себя вызывающе, но мнѣ удалось освободиться и я еле-еле унесъ ноги изъ Петербурга, гдѣ я подлежалъ вторичному задержанію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

HV8225
.Z28